Алексей Кривопалов

Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг.

Университет Дмитрия Пожарского

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выдающийся русский полководец фельдмаршал князь Иван Фёдорович Паскевич (1782–1855) завершил свою долгую карьеру одновременно с поражением России в Крымской войне 1853–1856 гг. Как ближайший военный советник императора Николая I и ключевая фигура в русском военно-стратегическом планировании он разделил вместе с ним ответственность за ту проигранную войну, которая подвела исторический итог всей николаевской политической системе. Но история так и не дала ясного ответа на вопрос: отвечала ли охранительная по своей природе политика Николая I в Европе высшим стратегическим интересам России, или же она являлась опасной химерой, обрекшей империю на международную изоляцию в критический момент борьбы с коалицией западных держав? Была ли русская стратегия в заключительное семилетие царствования императора Николая I провалом, дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830-1840-х гг., или же, напротив, оптимальным выходом из политически и стратегически безнадежной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, ставшим возможным именно благодаря этим результатам?

- Алексей Кривопалов
  -
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Заключение
  - Карты
  - Библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140

- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184

- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228

- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272

- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316

- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360

- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404

- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448

- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492

- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536

- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580

- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624

- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668

- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712

- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756

- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763

Алексей Кривопалов
Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг

Университет Дмитрия Пожарского

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук, доцент М. М. Шевченко.

Автор картографических иллюстраций:
кандидат географических наук С. А. Осокин.

Введение

Посвящается моим родителям –
Кривопалову Алексею Владимировичу
и Токаревой Елене Николаевне.

Завершение долгой карьеры фельдмаршала Ивана Фёдоровича Паскевича (1782–1856) совпало с поражением России в Крымской войне 1853–1856 гг. и драматичным финалом всей николаевской политической системы. Проигранная война нанесла тяжелый удар по репутации военачальника в глазах общественного мнения, что представляется закономерным, учитывая то исключительное положение, которое Паскевич занимал в ближайшем окружении Николая I. Огромная роль князя Варшавского в военном строительстве 1830-1840-х гг., искреннее доверие императора к полководческим, административным и организаторским способностям своего ближайшего сподвижника справедливо вызвали у современников вопрос об ответственности князя Паскевича за исход Крымской войны. И, как известно, этот вопрос был решен не в пользу военачальника.

Традиционно наибольшей критике в отечественной историографии царствования императора Николая I подвергалось так называемое мрачное семилетие 1848–1855 гг., которое во внутренней политике сопровождалось хаотичным ужесточением цензуры и наступлением эпохи правительственной реакции[1], а во внешней политике было связано с двумя последовательными международными кризисами.

Если революционный кризис 1848–1849 гг., благодаря усилиям участников «европейского концерта», не вызвал общеевропейскую войну, то конфликт на Ближнем Востоке в 1851–1852 гг. стремительно вышел из-под их контроля и перерос в противостояние изолированной России с мощной западноевропейской коалицией практически по всему периметру западных и южных границ империи.

Европейский кризис 1848–1850 гг. угрожал перерасти в полномасштабную войну на континенте и потому сопровождался полным мобилизационным развертыванием русской сухопутной армии на западной границе. Однако коллективные усилия великих держав, в которых Россия сыграла едва ли не решающую роль, остановили стихийное расширение локальных военных конфликтов в Венгрии, Дании и Северной Италии до масштабов общеевропейской войны. Боевые действия русской армии

ограничились скоротечным Венгерским походом летом 1849 г.

Несмотря на успешное урегулирование кризиса, которое состоялось во многом благодаря решительным действиям правительства Николая I, последующие события на Ближнем Востоке и проигранная Крымская война фактически обесценили в глазах исследователей положительные результаты внешней политики России в 1848–1850 гг. Впоследствии общественное мнение пореформенной России всё более склонялось к тому, чтобы признать прямую связь между оказанием военной помощи Австрии и решительным подавлением революционного движения в Европе, с одной стороны, и международной изоляцией России в годы Восточной войны – с другой. Тем не менее отечественная научная литература так и не дала четкого ответа на вопрос: отвечала ли охранительная по своей природе политика Николая I в Европе высшим стратегическим интересам России, или же она являлась опасной химерой, обрекшей империю на изоляцию в критический момент борьбы с коалицией западных держав?

Согласно одной из точек зрения, Крымская война продемонстрировала, что даже сильнейшая на континенте армия, которой в одиночку не могла бросить вызов ни одна из великих держав, не давала России шансов на победу в борьбе с мощной коалицией в условиях международной изоляции. При этом в отечественной историографии едва ли не с самого начала наблюдалась тенденция своеобразной редукции проблемы исхода Восточной войны до проблемы исхода обороны Севастополя. Работы, посвященные боевым действиям на Крымском полуострове и кампаниям на периферийных театрах, изучение истории дипломатии, специальные ведомственные исследования в области истории военной администрации не всегда последовательно уточняли выводы друг друга, накопив определенные разногласия.

Таким образом, в литературе был отчасти поставлен, но так и не разрешен фундаментальный вопрос: была ли русская стратегия в заключительное семилетие царствования императора Николая I провалом, дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830-1840-х гг., или же, напротив, оптимальным выходом из политически и стратегически безнадежной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, ставшим возможным именно благодаря этим результатам?

Попытка ответить на этот вопрос является главной задачей данной работы. В центре внимания каждой главы находится фигура Светлейшего князя Варшавского как ближайшего советника Николая I, поскольку в конечном итоге именно в

рамках отношений Паскевича с императором в 1831–1855 гг. вырабатывалась военная политика России.

В первой главе рассматриваются основные этапы реформирования вооруженных сил в 1830-1840-х гг., в результате которого боевые возможности армии Николая I значительно возросли по сравнению с русской армией эпохи Наполеоновских войн. Во второй главе представлен очерк тех внешнеполитических и военно-стратегических проблем, с которыми столкнулась Россия после 1831 г., когда в результате разгрома польского мятежа на западной границе империи, казалось бы, начался длительный период относительного мира. Значительное место в данном разделе занимает очерк конкретных военно-стратегических планов России в 1830-1840-х гг., составлявшихся на случай различных сценариев изменения внешнеполитической обстановки в Европе. В третьей главе рассматривается история революционного кризиса, едва не увенчавшегося общеевропейской войной в 1848–1850 гг. В данном разделе показана взаимосвязь между общим боевым развертыванием Большой Действующей армии и успешным умиротворением Германии, которое состоялось под давлением России после быстрого завершения Венгерского похода. Наконец, две последние главы посвящены теме стратегии России в годы Восточной войны 1853–1856 гг.

Четвертая глава затрагивает проблему развития Восточного кризиса в 1853–1854 гг., повлекшего внезапное для императора Николая I и фельдмаршала Паскевича изменение стратегического положения России в целом, то есть проблему перерастания русско-турецкой войны в войну с международной коалицией в условиях военно-политического противостояния по всему значимому периметру границ России. Заключительная глава посвящена проблеме выбора стратегического приоритета в условиях войны, заведомо исключавших для России победный исход, выбора, позволившего свести к минимуму ее потери.

До настоящего времени в научных работах также не ставилась задача специального рассмотрения деятельности фельдмаршала Паскевича накануне и в ходе Крымской войны, несмотря на то, что сама эта война имеет весьма обширную историографию. В связи с тем, что в настоящее время издавна устоявшиеся взгляды на причины поражения России в этой войне подвергаются переоценке[2], необходимость уделить роли Паскевича особое исследовательское внимание представляется очевидной.

* * *

Несмотря на то, что в заключительный период царствования Николая I оба больших международных кризиса особенно четко демонстрировали неразрывную связь между внешней политикой и стратегией, роль фельдмаршала Паскевича в русском военном планировании 1848–1856 гг. не выделялась в самостоятельную тему научного исследования. В отечественной литературе также не было принято рассматривать кризис 1848–1849 гг. с точки зрения собственно военной угрозы положению России в Европе[3]. Следовательно, мало внимания привлекали не только дипломатические, но и военно-политические усилия николаевского правительства, не допустившего его перерастания в большую войну.

События Венгерского похода 1849 г. освещались на страницах военно-исторических трудов[4]. Наиболее полным из них стала монография И. И. Ореуса, весьма критически оценивавшего полководческие способности князя Варшавского[5]. Однако они не содержали попыток определить значение скоротечной Венгерской кампании на фоне борьбы Австрии и Пруссии за политическое доминирование в Германии, игравшей для России принципиальную роль.

Мысль, что успешное окончание локальной войны в Венгрии и Трансильвании сыграло ключевую роль не просто в сохранении монархии Габсбургов, но и в обеспечении выгодного для России соотношения сил в германском вопросе, высказывалась, пусть и не очень четко, князем А. П. Щербатовым в шестом томе биографии фельдмаршала[6].

Общие работы по истории Крымской войны также освещали деятельность Паскевича достаточно фрагментарно, ограничиваясь по большей части лишь некоторыми эпизодами двух кампаний на Дунае в 1853–1854 гг.

Первое исследование, посвященное Восточной войне, на основании официальных реляций еще до заключения мира подготовил капитан Генерального штаба В. М. Аничков[7]. Он сознательно ограничился описанием событий одной лишь Крымской кампании и хронологически довел его до первого штурма Севастополя 6 июня 1855 г.

«Военно-исторические очерки Крымской экспедиции» фактически стали прообразом многих последующих работ, например, трудов Э. И. Тотлебена, М. И. Богдановича и Н. Ф. Дубровина[8], в которых события на других театрах войны, особенности внешнеполитической обстановки на различных стадиях конфликта, а также их возможное влияние на исход боевых действий в значительной степени оставлялись без внимания.

В 1863 г. вышел первый том «Описания обороны Севастополя» под редакцией Э. И. Тотлебена, переводы и пересказы которого получили широкую известность за границей[9]. Издание изобиловало техническими подробностями инженерных работ, а также содержало наиболее полный материал, отражавший боевую работу русской и союзной артиллерии. В приложениях помещались боевые расписания, ведомости расхода пороха и боеприпасов, данные по сравнительной эффективности артиллерийского огня противоборствовавших сторон на каждом этапе осады[10].

Поскольку осада Севастополя вылилась в артиллерийскую дуэль невиданных доселе масштабов, тактические и технические проблемы как полевой, так и осадной артиллерии находились под пристальным вниманием военных ученых[11].

Попытка создать первое обобщающее исследование по истории конфликта была предпринята в середине 1870-х гг. генералом М. И. Богдановичем. Но под влиянием массовых публикаций новых документов и материалов о Крымской войне в российских периодических изданиях работа Богдановича достаточно быстро устарела. Уже в 1878 г. Н.Ф. Дубровин в некоторой степени критиковал Богдановича за недостаточное использование нового фактического материала. На тот момент под новыми материалами, помимо документов ведомства иностранных дел, понималась в первую очередь переписка между императором и главнокомандующими на театрах войны. Документы, связанные с работой армейских штабов, на том этапе исследователями еще не рассматривались.

Труд Богдановича получился описательным. Он не содержал ни критических оценок в отношении командования, ни глубокого осмысления важнейших военно-политических решений с русской стороны, например, прекращения осады Силистрии и эвакуации армии из При дунайских княжеств.

Генерал Н. Ф. Дубровин в своей монографии пошел несколько дальше Богдановича в сборе доступных на тот момент источников. Он пришел к выводу, что фельдмаршал Паскевич несет значительную долю ответственности за недопустимые промедления в осаде Силистрии весной 1854 г. и за неоправданное сосредоточение войск на западных границах России, что предопределило неудачный для России исход боевых действий в Крыму. Над своей рукописью

Дубровин работал фактически в одно время с Богдановичем. Если, например, сравнить тексты отзыва Дубровина на четырехтомник Богдановича 1878 г. и текст собственно монографии Дубровина 1900 г., то можно убедиться, что

критические оценки в отношении действий командования и комплекс материалов, на которых Дубровин основывал свое мнение, остались неизменными. По всей видимости, именно из-за присущего книге Дубровина достаточно критического тона Военное министерство так долго откладывало публикацию рукописи.

Исследования Ф. К. Затлера, В. Аратовского и А. А. Поливанова[12]по истории интендантства и провиантского управления создавались параллельно с обзорными работами Тотлебена, Богдановича и Дубровина. Их публикация в значительной степени была ответом на несправедливую и во многом демагогическую критику, раздававшуюся на рубеже 1850-1860-х гг. в адрес тыловых служб армии, неадекватная работа которых являлась в представлении общественного мнения одной из ключевых причин поражения.

В.М. Аничкову, известному деятелю военных реформ 1860-1870-х гг. и крупному специалисту в области армейского хозяйства, опыт николаевской армии представлялся важным с профессиональной точки зрения. На это указывал В. Аратовский, выполнявший исследование по заданию Аничкова на базе архивных материалов Варшавского военного округа. «Мы знаем всё, что делается и делалось за границей, – писал Аратовский, – а не знаем еще многого, что делалось у нас, и к числу этого многого еще не вполне известного принадлежат распоряжения по продовольствию войск одного из замечательнейших наших военных администраторов фельдмаршала Паскевича»[13]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в эпоху военных реформ 1860-1870-х гг. младшим современникам николаевского тридцатилетия князь Варшавский представлялся уже не «замечательным полководцем», а всего лишь «замечательным администратором». Новая эпоха во многом сместила в иную сторону представления о задачах высшего военного управления, поставив «администратора» впереди «полководца».

А. А. Поливанов, офицер Генерального штаба и будущий военный министр России в годы Первой мировой войны, последовательно рассмотрел работу русского интендантства на Придунайском театре в ходе всех русско-турецких войн XIX в. Он сравнил эффективность работы тыла в 1806–1812, 1828–1829, 1853–1854 и 1877–1878 гг. и доказал, что наименьшие затруднения с продовольствием и фуражом русская Дунайская армия испытывала именно в 1853–1854 гг. Поливанов отмечал, что огромные запасы продовольствия, заблаговременно заготовленные Паскевичем на случай войны с Австрией,

позволяли на протяжении одного года обеспечивать 250-тысячную армию, однако маневр этими запасами был затруднен. Использовать их для снабжения многочисленной армии на неожиданно возникшем Крымском театре военных действий было непросто, хотя энергичный Ф. К. Затлер постепенно справился и с этой проблемой.

Значительный интерес представляет двухтомная монография генерала А. Н. Петрова[14]. Несмотря на то, что формально она была посвящена боевым действиям на Придунайском театре в 1853–1854 гг., фактически книга значительно выходила за рамки заявленной темы. Петров в резкой и полемической форме пытался переосмыслить причины неудачного исхода войны в целом. Автор критически оценивал деятельность князя Варшавского и придерживался крайне спорной точки зрения, считая, что все стратегические расчеты русского командования в 1854–1855 гг. строились на изначально неверном посыле.

Петров пытался доказать, что угрожающие концентрации австрийских войск на русских границах, вынудившие Паскевича летом 1854 г. снять осаду Силистрии и прекратить кампанию на Дунае, являлись не более чем блефом австрийского правительства. И лучшее, что Россия могла делать в той ситуации, – это полностью игнорировать любые австрийские угрозы и продолжать войну так, словно бы австрийской армии на фланге и в тылу вообще не существовало[15].

Обоснованность столь радикальных выводов вызывает серьезные сомнения. Фактически все сведения об австрийской армии, ее передвижениях и дислокации взяты Петровым из донесений русских посланников при венском дворе (П. К. Мейендорфа и А. М. Горчакова). Автором широко использовались уже опубликованные, в основном на страницах «Русской Старины» и «Русского Архива», материалы по истории войны, но они исчерпывались главным образом перепиской командующих с императором. Донесения русской разведки, штабная документация армейских боевых управлений и центрального аппарата военного ведомства исследователем не использовались. Петров практически не рассматривал такие важные австрийские источники, как переписка императора Франца Иосифа с канцлером К. Ф. Буолем, начальником императорского штаба генералом Г. фон Гессом, главнокомандующим австрийскими войсками в Италии фельдмаршалом Й. Радецким[16].

Кампании на других театрах военных действий изначально находились в тени событий севастопольской обороны, поэтому исследования по данным сюжетам представляли собой более скромную историографическую традицию[17]. Но зачастую

именно на страницах этих работ раскрывался истинный внешнеполитический и военно-стратегический масштаб конфликта.

Особое место в данном ряду занимал труд крупного специалиста по истории Финляндии М.М. Бородкина. На примере русско-шведских отношений ему удалось показать, какое место в русской стратегии занимала борьба за нейтральные страны, и то, насколько шатким в реальности был их нейтралитет. Бородкин раскрыл механизм медленного, но неуклонного движения Швеции от нейтралитета в сторону заключения оборонительного союза с западными державами, при этом он смог показать практически прямую зависимость внешнеполитических шагов Швеции от позиции австрийского кабинета, а вовсе не от исхода боевых действий в Крыму. Фактически условием своего вступления в войну шведское правительство ставило тогда предварительное выступление против России Австрии[18].

В 1904 г. вышел седьмой том биографии И.Ф. Паскевича, написанной князем А. П. Щербатовым[19]. Он описывал участие князя Варшавского в Крымской войне. В труде Щербатова был собран огромный, до сих пор не утративший ценности фактический материал о деятельности Паскевича на протяжении всей его жизни. Структурно все тома работы представляли собой последовательное изложение событий биографии фельдмаршала. По своему характеру семитомник являлся скорее расширенным послужным списком Паскевича. Серьезных попыток критического осмысления его роли в событиях русской истории автор не предпринимал. Исследование Щербатова можно рассматривать и как обширную публикацию источников. В конце каждого тома автор поместил приложения, содержавшие выдержки из приказов, многочисленные донесения, а также переписку Паскевича с известными государственными деятелями эпохи, главным образом, с императором Николаем I.

Подробная информация об истории структур высшего военного управления, проблеме комплектования вооруженных сил, истории русской артиллерии, инженерной и военно-медицинской службы николаевской армии была сгруппирована в приложениях к фундаментальному, но незавершенному коллективному труду «Столетие военного министерства»[20].

Иной характер имел незаконченный труд А.М. Зайончковского[21]. Он затрагивал в первую очередь дипломатическую сторону участия России в войне, хотя автором и приводились очень интересные материалы по предвоенному состоянию русской и западных армий. Характерной чертой взглядов Зайончковского являлось то, что император Николай как

военный деятель вызывал у него значительно большую симпатию, чем фельдмаршал Паскевич, тогда как в оценках роли князя Варшавского автор был столь же критичен, как Петров и Дубровин.

Приложения, помещенные в книге Зайончковского, включают в себя переписку командующих русскими войсками, содержат ряд важных записок и заметок военного характера, таблицы с описаниями организационной структуры русской армии, ведомости наличия различных запасов для армии и флота накануне войны.

Характерное для работы Зайончковского незамысловатое противопоставление «хорошего» императора Николая «плохим» советникам, виднейшее место среди которых занимал Паскевич, а также недостаточно обоснованная критика фельдмаршала отмечались уже в одной из ранних рецензий, опубликованной С.М. Середониным в 1911 г.[22]

Говоря о результатах дореволюционной историографии, хотелось бы отметить несколько важных моментов. Во-первых, Богданович и Дубровин заложили традицию изучения Восточной войны в первую очередь как проблемы обороны Севастополя и ведения боевых действий на территории Крыма. События Дунайской кампании ими изучались постольку, поскольку они повлияли на неподготовленность русской армии к обороне полуострова. Во вторых, монографии Дубровина, Петрова и Зайончковского сформировали весьма негативный и до некоторой степени карикатурный образ Паскевича как военного деятеля. Фельдмаршалу ставились в вину опасения утратить на старости лет былую славу и вытекавшая из этого нерешительность в проведении Дунайской кампании в 1854 г.

Опасения Паскевича по поводу возможного нападения Австрии на западные границы России признавались преувеличенными или же вовсе неосновательными, а настоятельные требования фельдмаршала концентрировать силы в Польше и на Волыни, исходя из возможности такого нападения, объяснялись его мелочным эгоизмом.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что наиболее критические высказывания в адрес военных способностей военачальника А.Н. Петров и А.М. Зайончковский позаимствовали из одного достаточно сомнительного источника[23]. В 1874 г. в № 35 и 36 берлинского военного журнала «Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine» была опубликована статья под названием «Der Feldmarschal Paskiewitsch im Krimkriege», которая спустя год была переведена на русский язык на страницах «Русской Старины»[24]. Данная статья представляет собой

обобщение всех известных негативных оценок роли Паскевича в Крымской войне, которые фактически без изменения повторялись затем отечественными историками. Они оказались живучими настолько, что перешли затем частично и в советскую историографию.

Помимо этого, неизвестный автор статьи также приписал князю Паскевичу известный афоризм о том, что «путь в Константинополь лежит через Вену»[25]. Эта фраза якобы содержалась в одной из записок фельдмаршала, отправленных Николаю I весной 1854 г. Позднее ее практически без изменений приводил в своем труде историк международных отношений Я. Н. Бутковский[26].

На самом деле, предложения Паскевича, неоднократно высказываемые им в письмах императору и командующему Дунайской армией генерал-адъютанту М. Д. Горчакову, не содержали ничего похожего на такую стратегическую комбинацию. В феврале, а тем более весной 1854 г., князь Варшавский призывал проявлять исключительную осторожность в международных делах, особенно в отношении Австрии.

Советская историография Крымской войны также лишь фрагментарно освещала деятельность Паскевича. Значительное внимание обороне Севастополя в своей обзорной работе уделил А. А. Свечин[27]. При вполне объяснимом для советского военспеца 1920-х гг. демонстративно-нигилистическом отношении к николаевскому военному наследию Свечин высказал ряд интересных соображений. Он был едва ли не первым исследователем, который положительно оценил решение Паскевича о прекращении осады Силистрии и отступлении за Прут, хотя и назвал стиль командования фельдмаршала «уродством»[28].

«Основная ошибка мышления Паскевича заключалась, – утверждал Свечин, – в недооценке реальных военных событий, признаваемых им за второстепенные, в пользу главного театра, лишь туманно намечавшегося в будущем. Даже в момент осады

Севастополя Паскевич противился всеми силам отправке подкреплений на этот второстепенный театр, чтобы не ослабить себя на жизненном направлении против главного возможного врага – Австрии. Но так как последний враг так и не выступил, и Восточная война сложилась только в плоскости измора, в борьбе не на жизненных направлениях, а на второстепенных театрах, то идеология сокрушения, представленная Паскевичем, вела лишь к увеличению числа бездействующих русских войск за счет действующих, к понижению энергии наших усилий и к повышению расходов войны»[29].

Под влиянием теоретического наследия знаменитого немецкого военного историка и мыслителя Г. Дельбрюка[30] в Крымской войне Свечин в первую очередь стремился выяснить соотношение в стратегии принципов «измора» и «сокрушения». В этом смысле события севастопольской обороны интересовали его как важный исторический этап на пути к имевшей позиционный характер Первой мировой войне, если и не в плане тотальности вооруженной борьбы, то с точки зрения превосходства «измора» над «сокрушением». По мнению Свечина, николаевское правительство изначально неверно определило ограниченный характер предстоявшей борьбы, а потому автор придерживался точки зрения, что в ходе войны Россия «перемобилизовалась»[31]. Вызванное «перемобилизацией» истощение экономики являлось одной из главных причин, вынудивших Александра II признать борьбу проигранной. При этом, несмотря на тяжелый дефицит бюджета, сравнительная устойчивость русской валюты показывала, что империя отнюдь не дошла до предела своих материальных возможностей[32].

Свечин также весьма сдержанно отнесся к профессиональным достижениям Э. И. Тотлебена, он прямо указывал, что репутация последнего была неоправданно раздута. Утверждение, что Севастополь держался так долго не столько благодаря усилиям инженеров и мужеству защитников, сколько благодаря колоссальным запасам крепости, для отечественной научной традиции звучало весьма неожиданно, но вполне в духе 1920-х гг.

Не обошел своим вниманием Восточную войну и германский современник Свечина историк Э. Даниэльс[33]. В конце 1920-х гг. ему пришлось завершать дело, начатое когда-то его учителем Г. Дельбрюком. От имени знаменитого профессора Даниэльс дописывал последние три тома капитального семитомного труда «История военного искусства в рамках политической истории». Пятый том, содержавший пространную главу о Крымской войне, был переведен и опубликован в СССР издательством Наркомата обороны за несколько лет до выхода хорошо известной монографии Е.В. Тарле, однако он не оказал сколь-нибудь значительного влияния на отечественную литературу по данной теме. Тем не менее труд Даниэльса представляется сейчас сильно недооцененным. Он имел ряд очевидных преимуществ перед шаблонными и мало чем отличавшимися друг от друга работами позднейших отечественных историков, которые посвящались очередным юбилейным датам[34]. В эпоху между мировыми войнами, после смертельного военно-политического противостояния России и Германии, в ожидании следующего, еще более жестокого противостояния между Германией и СССР,

положительные исторические оценки потенциального противника выглядели не слишком уместно и в научной литературе. Поэтому неудивительно, что русские в представлении Даниэльса являлись практически варварами, а их армия объявлялась «самой отсталой из крупнейших европейских армий»[35]. Но при этом именно пресловутая русская «отсталость» подспудно и вызывала у автора смутную тревогу за будущее. Он указывал, что под давлением страшных лишений в битве за Севастополь даже «самые сильные нервы должны были отказаться служить. У русских они сдавали довольно медленно»[36]. В то же время Даниэльс обращал особое внимание на военно-политический контекст севастопольской осады, в первую очередь на международную изоляцию России и угрозу со стороны Швеции, Пруссии и в особенности Австрии. Автор указывал, что «политическое положение вынуждало Россию держать целые армии на австрийской и шведской границах»[37], и констатировал, что «они (русские. – *А. К.)* чувствовали себя сильнее ущемленными австрийской дипломатией, чем крымской коалиционной армией союзников»[38]. Вывод автора, утверждавшего, «что союзники не смогли выиграть войну военными средствами», что, «в конце концов, Россия была побеждена только вследствие своей дипломатической изоляции»[39], также звучал достаточно неожиданно по сравнению с отечественной историографией.

Наибольшей известностью до сих пор пользуется монография академика Е.В. Тарле[40]. И хотя в данной работе дипломатический аспект описываемых событий оставлял в тени стратегическую составляющую внешней политики, его рассуждения о противоречивой роли князя Паскевича представляют определенный интерес. Тарле указывал на то, что Паскевич накануне и в начале войны склонялся к проявлению гораздо большей осмотрительности, чем Николай I.

Автор объяснял это тем, что, в отличие от императора, князь Варшавский отдавал себе отчет в истинных, то есть весьма ограниченных, возможностях русской армии. Поэтому «не только за себя, но и за всю николаевскую Россию он боялся, когда настаивал на осторожности, и не только помрачения личного своего престижа он ждал от возможной неудачи на войне»[41].

Тарле достаточно четко уловил тот факт, что на самом деле в 1853–1854 гг. речь шла не о боязни фельдмаршала за свой престиж, а о сложных и слабо предсказуемых изменениях внешнеполитической ситуации, и что в подобном контексте осторожность Паскевича являлась скорее следствием более глубокого понимания стратегического положения сторон.

Последней на данный момент обобщающей работой,

посвященной России в Крымской войне, является монография американского историка Дж. Ш. Кёртисса[42]. Ее отличает гораздо более глубокое, чем в отечественной историографии, знакомство с англо-франко-австрийскими источниками и литературой. Автор нарисовал намного более сложную картину Восточного кризиса в 1853 г. и колебаний австрийского правительства в 1854–1855 гг., чем, соответственно, Е. В. Тарле и А. Н. Петров. Однако, что касается оценок действий Паскевича, Кёртисс, с одной стороны, указывал на то, что фельдмаршал «возглавлял список бездарностей в николаевской армии»[43], с другой – подчеркивал, что в ходе кампании 1854 г. «взгляд фельдмаршала на ситуацию был отчасти правильным»[44]. Подобное противоречие объясняется тем, что работа Кёртисса испытывала очевидную нехватку нового материала о действиях русской армии. По сути, Кёртиссом были использованы лишь хорошо известные еще с конца XIX в. публикации материалов в «Русской Старине», «Русском Архиве», «Военном Сборнике» и биографии Паскевича, написанной князем Щербатовым. Скорее всего, именно по этой причине автору не удалось более четко определить свое отношение к роли князя Варшавского в Восточной войне.

В исследованиях по истории дипломатии событиям Восточного кризиса 1850-х гг. и Крымской войны уделялось значительное внимание, но особенностью такого рода литературы являлось изображение внешней политики России лишь как результата деятельности Министерства иностранных дел[45]. На их фоне значительным шагом вперед выглядят работы профессора В. В. Дегоева[46]. Опора на недавно введенные в научный оборот источники[47] и глубокое знание англо-американской литературы позволили ему существенно дополнить монографию Кёртисса, создав целостное описание процесса неконтролируемого перерастания Восточного кризиса в Крымскую войну. Важным достижением отечественной историографии являлось также внимательное отношение Дегоева к проблеме исторической инерции Священного союза, которая во многом оказалась спасительной для России в обстановке международной изоляции. Желание австрийского правительства ограничить влияние России на Балканах на фоне политических амбиций Берлина и Парижа так и не смогло затмить фундаментальную потребность Габсбургов в сохранении мира с восточным соседом. Однако изучение стратегических проблем и анализ влияния военного планирования на внешнюю политику не входили в задачи автора.

В числе современных работ по истории военного строительства следует упомянуть неопубликованную

диссертацию А. В. Кухарука[48]. Объектом исследования в ней выступает Большая Действующая армия – ключевой инструмент военной политики Николая I в 1831–1853 гг. Используя материалы фондов Военно-исторического архива (РГВИА), автор последовательно раскрыл механизм развертывания вооруженных сил в ходе Восточного кризиса 1833 г., опасного обострения противоречий с Францией в 1839 г. и революции 1848–1849 гг., а также рассмотрел участие Действующей армии в Венгерском походе и Крымской войне. Кухарук уделил внимание князю Варшавскому и пришел к ряду интересных выводов. С его точки зрения, специфические условия Крымского театра военных действий и осадной войны под Севастополем не позволяли русским войскам в полной мере проявить свои боевые возможности по ведению маневренной войны в поле, на которую была ориентирована их организация. Он также отмечал, что группировка русских сил, за исключением сравнительно короткого периода весной – летом 1855 г., отвечала целям сдерживания Австрии, то есть именно той задаче, которая имела первостепенную важность в обстановке навязанного России затяжного противостояния на измор. Однако специфика исследовательской работы заключалась в том, что предметом изучения выступала не роль князя Варшавского в стратегическом планировании, а эволюция структур Большой Действующей армии и практика их использования в конфликтах 1830-1850-х гг. Кухарук утверждал, что Россия проиграла Крымскую войну постольку, поскольку она просто не могла ее выиграть. В одиночку сокрушить западноевропейскую коалицию было не под силу даже сильнейшей армии Европы.

К похожему выводу о том, что в Восточной войне русская армия «добилась даже большего результата, чем от нее можно было ожидать», пришел в своем исследовании американский историк Ф. Кэган[49]. В первую очередь он изучал реформу институтов высшего военного управления николаевской России, предпринятую в 1830-1840-х гг. В центре его внимания находилось Военное министерство и фигура военного министра А. И. Чернышёва. Паскевич, который не имел прямого отношения к реформам министерства в 1830-е гг., на страницах этой монографии упоминался лишь отрывочно. Важной чертой работы Кэгана является его стремление показать, что проигрыш Россией Крымской войны не являлся следствием военного поражения, а был обусловлен изначальной безнадежностью ее стратегического положения. Ни техническая отсталость, ни слабость военной администрации не имели на этом фоне принципиального значения. Исход борьбы был предрешен прочной

дипломатической изоляцией России и географической разобщенностью потенциальных театров военных действий. Ставшая легендарной неэффективность николаевской военной бюрократии при ближайшем рассмотрении также оказывается, по его мнению, очень сильно преувеличенной. Не зря в заключении своей работы он указывал, что «развертывание армии в 2 500 000 чел. может считаться одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.»[50]

Примером отказа от рассмотрения истории международных отношений только как истории дипломатии служит работа О. Р. Айрапетова[51], в которой было уделено внимание Крымской войне как событию во внешней политике России, изучаемой с учетом ее военно-стратегической составляющей. Не обращаясь специально к рассмотрению роли Паскевича, он стремился уточнить истинные и мнимые причины поражения России. Им был сделан важный вывод о том, что сам по себе исход противостояния изолированной России с вражеской коалицией «отнюдь не свидетельствовал о слабости империи Николая I»[52].

Последним важным историографическим событием стал тематический сборник «Военная политика императора Николая I»[53], который, в частности, содержит материалы, относящиеся к истории стратегии Крымской войны.

Итак, историография данной темы развивалась достаточно неравномерно. Биографические исследования, описания кампаний на различных театрах военных действий, изучение истории дипломатии, исследования проблем русского интендантства и тылового обеспечения продвигались в значительной степени изолированно друг от друга. При этом историография накопила как устоявшиеся и глубокие суждения, так и явные противоречия в оценках личности фельдмаршала Паскевича и достижений военной политики при Николае I. Таким образом, ее состояние подчеркивает необходимость специального монографического исследования по данной теме.

* * *

Опубликованные источники по истории русской стратегии в конце царствования Николая I можно разделить на официальные делопроизводственные документы, законодательные акты, периодику второй четверти XIX в. и материалы личного происхождения. К опубликованным и неопубликованным официальным делопроизводственным документам относится дипломатическая переписка, служебная переписка по военно-

политическим вопросам и штабная документация русской армии. Источники личного происхождения представлены мемуарами, дневниками,

письмами и воспоминаниями современников николаевской эпохи. Материалы военного законодательства и ведомственная периодика второй четверти XIX столетия рассмотрены в качестве самостоятельной подгруппы источников.

Материалы по истории внешней политики Российской империи представлены хорошо известными в отечественной литературе сборниками документов. Первая попытка опубликовать коллекцию источников, посвященную событиям Крымской войны, которая содержала некоторые документы по истории дипломатии, была предпринята уже через несколько лет после заключения мира[54].

В середине 1870-х гг. Ф. Ф. Мартенс приступил к публикации 15-томного собрания документов, отражавших дипломатические отношения России с Англией, Австрией, Пруссией и Францией в Новое время[55]. Приложения в работах А.М. Зайончковского и А. П. Щербатова также содержали ценные документы по истории внешней политики накануне и в ходе Крымской войны[56]. Публикацию источников в приложениях Зайончковского дополняла подборка документов в журнале «Красный Архив», специально посвященная работе русской дипломатии на Парижской мирной конференции[57].

Задача настоящего исследования представляется невыполнимой без обращения к широкому кругу до сих пор неиспользованных и малоиспользованных ранее источников, преимущественно архивных. Документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), посвященные истории стратегического планирования в 1830-1840-е гг., а также в период Крымской войны, подразделяются на несколько групп. Практически все важные решения военного характера в николаевской России принимал негласный «триумвират» в составе императора, военного министра и главнокомандующего Большой Действующей армией. Наибольший интерес в связи с этим представляют документы военного планирования и аналитические записки, составленные в личной канцелярии фельдмаршала Паскевича (Ф. 14013), штабе Большой Действующей армии (Ф. 14014) и Департаменте Генерального штаба Военного министерства (Ф. 38), а также личные комментарии к ним Николая I.

В период относительного спокойствия, царившего в 1831–1852 гг. на западных рубежах империи, подобные материалы появлялись на свет как результат глубокого изучения всей

совокупности разведывательной информации. В них учитывались нюансы международной политики, мобилизационные и боевые возможности вооруженных сил России, ее союзников и потенциальных противников.

Постепенно в ближайшем окружении императора наступило понимание того обстоятельства, что сохранение союза консервативных северных монархий, который обеспечивал выгодный для России политический статус-кво в Германии и в значительной степени устранял угрозу французского реваншизма, оказывалось неотделимо от проблемы развития военной инфраструктуры на западной границе и сохранения высокой боеготовности Большой Действующей армии на европейском театре войны.

Фонд Департамента Генерального штаба (Ф. 38) содержит ценные документы по истории русско-прусского военного сотрудничества, например, данные о личных переговорах ген ер ал-квартирмейстера Большой Действующей армии А. И. Нейдгарта с генералом К. Ф. фон Кнезебеком в 1832 г.[58]

Материалы Департамента Генштаба о стратегическом планировании дополняются документами Военно-ученого архива, который состоит из двух основных частей: собственно фонда ВУА (Ф. 846) и фондов коллекции ВУА, где документы группируются по тематическому принципу. Ф. 428 посвящен Австрии и Австро-Венгрии, Ф. 429 – Бельгии, Ф. 431 – Великобритании, Ф. 432 – Германии, Ф. 437 – Италии, Ф. 440 – Франции, Ф. 442 – Швеции и Норвегии, Ф. 450 – Турции, Ф. 481 – Восточной войне 1853–1856 гг.

В коллекции Военно-ученого архива, посвященной Германии (Ф. 432), сохранились черновые варианты прусских планов войны против Франции, составленные немцами в ходе кризиса 1839–1841 гг.[59], которые впоследствии доверительно сообщались Николаю I прусским военным министром. В той же коллекции были обнаружены донесения, отражавшие оценку боевых возможностей королевских прусских войск в 1840-е гг., которые были подготовлены русским военным корреспондентом в Берлине, известным профессором академии Генерального штаба генералом бароном Н. В. Медемом[60].

В самом же фонде Военно-ученого архива (Ф. 846) была обнаружена составленная для императора Николая прежде нигде не использовавшаяся записка фельдмаршала Паскевича от 11 мая 1845 г. «Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск», посвященная проблеме обороны Царства Польского в случае вторжения прусской армии[61].

Эти источники проливают свет на сложную проблему

функционирования русско-прусского союза, в котором беспрецедентное по меркам XIX века военное сотрудничество сосуществовало с медленно набиравшей силу тенденцией к охлаждению отношений.

Там же в фонде ВУА находится основная масса практически неизвестных ученым документов о военно-политическом совещании 1843 г., в ходе которого окончательно оформились приоритеты русской стратегии на Западном театре военных действий[62]. Из их числа лишь собственноручная записка Николая I, затрагивавшая тему строительства крепостей на западной границе, в начале XX в. была опубликована в приложении к «Восточной войне» А. М. Зайончковского[63].

В комплекс документов, касавшихся секретного совещания 1843 г., входит более ранняя, написанная в 1836 г., записка министра финансов графа Е.Ф. Канкрина «Об оборонительном положении западной границы России по стратегическим видам» и различные соображения об укреплении западных границ империи, высказанные в ходе совещания всемирно известным военным теоретиком А.-А. Жомини, военным министром А. И. Чернышёвым и фельдмаршалом Паскевичем.

С началом Восточной войны собственноручные записки и заметки князя Варшавского, выполненные для Николая I и Александра II, практически в законченном виде формулировали приоритеты русской стратегии, призванной вывести империю из навязанной ей борьбы на измор с наименьшими потерями. Основная масса этих документов была продиктована либо собственноручно написана Паскевичем в ходе месячного пребывания в Петербурге в феврале 1854 г., когда на практически ежедневных совещаниях Николая I с фельдмаршалом намечались пути выхода из опасного кризиса, вызванного международной изоляцией России на фоне внезапного перехода русско-турецкой войны в противоборство с западноевропейской коалицией.

Ключевая записка от 28 (по другим данным – от 27) февраля 1854 г. до революции публиковалась неоднократно[64], однако по непонятной причине она до сих пор не привлекала внимания историков. Другие февральские записки, которые содержали сравнительную оценку опасности, угрожавшей России на различных театрах военных действий, и затрагивали проблему обороны западной границы, черноморских берегов и Севастополя, вообще оставались неопубликованными[65].

В фонде канцелярии фельдмаршала (Ф. 14013) помещены также письма Паскевича к командующему Южной армией князю М. Д. Горчакову, раскрывающие взгляды фельдмаршала на перспективы обороны базы Черноморского флота. Лишь

незначительная часть этих документов использовалась А. П. Щербатовым при составлении последнего тома биографии князя Варшавского.

Документы коллекции ВУА, специально посвященной Крымской войне (Ф. 481), позволяют существенно расширить представления о том, почему была недооценена опасность высадки неприятеля в Крыму. Особенно важны соображения по обороне черноморских берегов, высказанные в 1853–1854 гг. командующим войсками на юге России М. Д. Горчаковым и командиром V пехотного корпуса А. Н. Андерсом[66].

Фонд Военно-ученого архива (Ф. 846) содержит две записки: «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и «Соображение по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией», составленные 3 и 9 марта 1855 г. Д.А. Милютиным, в то время сотрудником военного министра. Генерал-майор Милютин по заданию военного министра В. А. Долгорукова систематизировал в своих записках предложения Николая I, Паскевича, Горчакова и Ридигера, касающиеся возможных действий русской армии в случае разрыва с Веной.

Документы коллекции ВУА, относящиеся к Крымской войне (Ф. 481), и фонда Департамента Генштаба (Ф. 38) содержат служебную переписку И.Ф. Паскевича, М.Д. Горчакова, А.Н. Андерса,

В. А. Долгорукова и В. Ф. Адлерберга, посвященную истории последнего общего развертывания русских армий в конце Восточной войны в преддверии несостоявшейся кампании 1856 г. [67] Поскольку доклад Д.А. Милютина завершался мартом 1855 г., эти источники в значительной степени дополняют его данные и позволяют проследить изменения в русских планах на случай разрыва с Австрией во второй половине 1855 г.

Подробные боевые расписания русской армии в 1854, 1855 и 1856 г. сохранились в фонде Департамента Генерального штаба[68]. На основании этих источников можно делать выводы о сравнительной опасности угроз на различных театрах, а также проанализировать особенности нескольких последовательных боевых развертываний русских войск в 1853–1856 гг. В 1990-е гг. эти документы изучались А. В. Кухаруком, однако в тексте его диссертации они использовались фрагментарно. Там же находится важная записка Ф. Ф. Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года», а также соображения Ф. В. Ридигера по обороне Санкт-Петербурга.

В фонде № 481 сохранились личные воспоминания фельдмаршала об осаде Силистрии весной 1854 г.[69] Они прежде

не публиковались и не упоминались даже в пересказе А. П. Щербатова, несмотря на то, что он подробно исследовал материалы семейного архива Паскевича.

Иначе взглянуть на тактические проблемы, с которыми столкнулось русское командование на Крымском полуострове, позволяет рапорт командира VI пехотного корпуса генерала П. П. Липранди от 17 февраля 1856 г.[70] Он был направлен генерал-квартирмейстеру Главного штаба В. К. Ливену с целью передачи в комиссию «Для улучшения по военной части», работавшую в 1855–1862 гг. Комиссия, первым председателем которой вплоть до своей смерти летом 1856 г. являлся Ф. В. Ридигер, должна была устранить недостатки уставов и боевой подготовки русской армии, проявившиеся в ходе войны.

Не менее ценными для исследователя данной темы являются документы русской военной разведки, на основании которых Николай I и его ближайшие военные советники принимали решения. Они также до сих пор не привлекали внимания историков. Эти материалы условно можно разделить на три группы. Первая группа – высшая военно-политическая разведка – представлена донесениями русских военных корреспондентов, послов и консулов, которые направлялись в военно-ученое отделение Департамента Генерального штаба для последующего доклада военному министру и императору Николаю I. Копии большинства из них сообщались Паскевичу в Варшаву.

Военным корреспондентом в России в середине XIX в. назывался офицер или чиновник МИД, собиравший за границей сведения военного характера. Деятельность корреспондентов Военного министерства, в отличие от лазутчиков и тайной агентуры, носила подчеркнуто легальный характер. Донесения военных корреспондентов, наряду с дополнявшими их докладами из русских посольств и консульств, являлись для Департамента Генерального штаба в то время основным источником информации об иностранных армиях.

Основы централизованной системы сбора разведывательной информации складывались в России с начала 1820-х гг. Важную роль в этом деле играл действительный статский советник Ф. Ф. Берг, который в те годы временно находился на дипломатической службе, а в 1843 г., уже будучи генерал-лейтенантом, возглавил Департамент Генерального штаба. Осенью 1822 г. он составил первую систематическую инструкцию о методике сбора статистических сведений об иностранных армиях для офицеров и дипломатических чиновников[71]. Она стала прообразом других инструкций, которыми впоследствии руководствовались русские военные корреспонденты при легальном сборе разведывательной

информации в европейских столицах на протяжении 1830-1850-х гг.

Генерал Берг потратил много сил на улучшение работы военно-ученого отделения Департамента Генштаба, но считал, что она всё еще далека от идеала. Замечания и предложения Берга, высказывавшиеся в служебной переписке с военным министром князем А. И. Чернышёвым, проливают свет на многие достижения и проблемы русской военной разведки второй четверти XIX в., по сей день остающейся одним из наименее известных периодов ее истории[72].

Сведения, собранные военными корреспондентами об армиях великих европейских держав[73], составленные ими таблицы с подробным указанием боевых расписаний войск служили теми источниками, на основании которых Николай I и фельдмаршал Паскевич делали выводы о боевых возможностях актуальных и потенциальных противников России накануне и в ходе Восточной войны.

К этой группе источников также можно отнести донесения тайного советника К. В. Кокошкина из Неаполя[74], где в годы войны он был чрезвычайным посланником и полномочным министром. Дипломат сообщал подробную информацию о морских перевозках союзников через Мессинский пролив в направлении Причерноморья.

Для понимания решений русской стороны одним из самых важных документов является перевод немецкой аналитической записки о состоянии французской армии к апрелю 1854 г.[75] Неизвестный немецкий автор доказывал, что возможности Франции по осуществлению экспедиции в Чёрное море находились в прямой зависимости от ее политических отношений с германскими государствами на западе.

Информация, сообщаемая русской агентурой на потенциальном театре войны, может быть отнесена ко второй группе документов военной разведки[76]. Подобные донесения стекались в штаб Большой Действующей армии в Варшаве и попадали либо непосредственно на стол Паскевича, либо предварительно обрабатывались в ведомстве генерал-полицмейстера армии И. Абрамовича.

Третью группу материалов составляют сведения, добытые усилиями лазутчиков, которых засылали на австрийскую территорию командиры отдельных отрядов русских войск, размещенных в приграничной полосе[77]. Итоговые сводки составлялись на основании анализа множества донесений, поступавших из различных источников, и докладывались командующему русскими войсками в Польше Ф. В. Ридигеру или

самому Паскевичу.

Значение такого рода сведений резко возросло в начале 1854 г., когда военные приготовления Австрии и колебания Пруссии опасно осложнили положение России на фоне разрыва с Турцией и морскими державами. Точная информация о ходе мобилизации австрийской армии, ее численности и боевых возможностях, о санитарном состоянии австрийских войск, умонастроениях солдат и офицеров приобретала для России исключительное значение.

Комплекс опубликованных источников личного происхождения проливает свет на многие проблемы русской стратегии 1840-1850-х гг. в ходе европейского революционного кризиса и Восточной войны.

Многолетняя переписка князя Паскевича с Николаем I и дневниковые записи из семейного архива фельдмаршала, введенные в научный оборот А. П. Щербатовым, в значительной степени раскрывали механизм принятия военно-политических решений в николаевской России. Эти материалы дополнялись публикациями переписки и записок императора Александра II, А. С. Меншикова, М. Д. Горчакова, В. А. Долгорукова в пореформенной русской периодике, в первую очередь в журналах «Русская Старина» и «Русский Архив»[78].

Воспоминания генералов и младших офицеров, лично общавшихся с князем Варшавским либо принимавших участие в военных действиях, служили ценным источником дополнительных сведений о биографии Паскевича. Мемуары сотрудников аппарата Действующей армии В. А. Докудовского и А. Я. Стороженко в отечественной литературе использовались редко, хотя они содержат интересные попытки понять сложную и противоречивую натуру Паскевича, описывают повседневную жизнь фельдмаршала в Варшаве, раскрывают малоизвестные детали его взаимоотношений с подчиненными[79].

Другая группа мемуаров иллюстрирует механизм функционирования боевого командования Большой Действующей армии. Например, записки М.Д. Лихутина[80] полны интересных деталей о работе штаба Действующей армии в Венгерском походе, тогда как воспоминания генерала Н.И. Ушакова и капитана Г. Пестова подробно описывают службу главной квартиры русской армии на Дунае в 1853–1854 гг.[81]

Важными источниками по истории военного строительства являются законодательные акты и нормативные документы николаевского времени, опубликованные на страницах Полного Собрания Законов[82] и таких сборников, как, например, «Свод военных постановлений»[83].

Определенный интерес в качестве источника по истории военной теории и военной мысли представляет периодика николаевского времени, в первую очередь статьи, опубликованные в «Военном журнале»[84]. Их дополняют официальные ведомственные публикации, обобщавшие достижения военных преобразований 1830— 1840-х гг.[85], а также сборники, которые содержали данные о боевых расписаниях войск[86].

Таким образом, представляется, что доступный комплекс источников, который включает в себя неиспользованные и мало-использованные в научной литературе архивные материалы, в целом позволяет решить исследовательскую задачу, поставленную в данной работе.

Я сердечно благодарю родных, друзей и коллег, бескорыстно помогавших мне в работе над книгой. Мой школьный друг, талантливый ученый-картограф С. А. Осокин выступил автором всех картографических иллюстраций. Постоянную поддержку в работе над темой на протяжении 15 лет мне оказывал мой учитель, доцент Исторического факультета МГУ М. М. Шевченко. Профессиональным ориентиром в области изучения внешней политики и военно-стратегического планирования стали для меня работы О. Р. Айрапетова. Под влиянием наставников рождался замысел расширенной биографии И.Ф. Паскевича, позволяющей подобрать ключ к пониманию глубинных проблем русской военно-политической истории второй четверти XIX столетия.

Глава 1
Военные преобразования 1830-1840-х гг

История политических систем неотделима от истории создававших их людей, и в этом отношении судьба николаевской России представляется закономерной. Карьера молодого Паскевича была яркой, хотя вплоть до вступления Николая I на престол ее сложно назвать беспрецедентной.

Иван Фёдорович Паскевич родился 8 мая 1782 г. в семье богатого полтавского помещика Ф. Г. Паскевича и православной Могилёвской дворянки А. О. Карабановской. Его дед Григорий Иванович в чине коллежского советника служил под началом И. А Румянцева-Задунайского в Малороссийской коллегии.

Мальчик получал домашнее воспитание для подготовки к учебному курсу Пажеского корпуса, в который и поступил в 1793 г. В октябре 1800 г. Паскевич окончил обучение и был произведен в поручики Преображенского полка с назначением флигель-адъютантом к императору Павлу I. С 1806 по 1810 г. он принимал участие в Русско-турецкой войне, отличился и в 28 лет был произведен в генерал-майоры.

Незадолго перед началом войны с Наполеоном, в январе 1812 г., Паскевич был назначен начальником 26-й пехотной дивизии, с которой он прошел Отечественную войну, отличившись в сражениях под Салтановкой, Смоленском, на Бородинском поле и под Малоярославцем. В ходе заграничного похода Паскевич в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом также показал себя с лучшей стороны, за что был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1814 г. Паскевич возглавил 2-ю гренадерскую дивизию, с которой штурмовал Париж. В поверженной столице Франции состоялось знакомство молодого генерал-лейтенанта с великим князем Николаем Павловичем, приехавшим в действующую армию. Между генералом и юным великим князем, в глазах

которого Паскевич был представителем поколения героев отгремевшей войны, завязалась дружба, продолжавшаяся и после того, как победоносная армия вернулась в Россию.

Весной 1821 г. Паскевич был назначен командиром 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которой командирами бригад стали великие князья Михаил и Николай. После службы в гвардии под начальством Паскевича Николай I до самой смерти обращался к нему в переписке не иначе как «мой любезный отец-командир».

Близкое знакомство Паскевича с новым императором обещало благоприятные служебные перспективы. Летом 1826 г. во время коронационных торжеств в Москве Паскевич вместе с И. И. Дибичем и К. Ф. Толем был произведен в полные генералы[87]. Вскоре честолюбивый командир расквартированного в Митаве I пехотного корпуса получил возможность проявить себя как самостоятельный полководец. В августе 1826 г. Николай I отправил Паскевича на Кавказ командовать отрядом Отдельного Кавказского корпуса в начавшейся войне с Персией. Уже в сентябре 1826 г. он нанес персам тяжелое поражение в сражении под Елизаветполем[88]. В Грузии неуживчивый Паскевич вступил в конфликт с А. П. Ермоловым, который стремительно утрачивал доверие Николая I. Зимой 1826–1827 гг. на Кавказ был срочно командирован начальник Главного штаба И. И. Дибич, целью которого было составление плана кампании на следующий год, а также попытка примирения враждовавших военачальников.

Во второй половине 1840-х гг. во время одной из ежегодных поездок Паскевича из Варшавы в Петербург фельдмаршал в беседе со своим военным секретарем полковником А. Ф. Филипповым раскрыл собственное видение обстоятельств «миссии Дибича».

А. Ф. Филиппов, полковник Генерального штаба, возглавлявший в 1840-е гг. канцелярию начальника Главного штаба Большой Действующей армии, вспоминал рассказ князя Варшавского: «…Дибич по случаю несогласий Паскевича с Ермоловым на Кавказе приезжал туда, имея в руках два высочайших рескрипта, из которых одним отзывался оттуда Паскевич и оставался на своем месте Ермолов, а другим отзывался Ермолов и оставался там начальником края Паскевич»[89].

В этой истории недоверчивый и подозрительный Паскевич, как обычно, усмотрел интригу против себя со стороны Дибича. Хотя легенда о двух взаимоисключающих рескриптах, якобы имевшихся на руках у Дибича, документального подтверждения под собой не имеет, Паскевич, указывая на свое крайне

двусмысленное положение, был, по сути дела, прав. Инструкция Николая I на имя Дибича была составлена в таких обтекаемых выражениях, что фактически оставляла за последним право отрешить от занимаемой должности как Ермолова, так и самого Паскевича. «Если бы признали полезным перемену кого-либо из начальников войск и даже главного начальства, – гласил императорский рескрипт, – то я на то Вам сим разрешаю и уполномочиваю действовать во всём оном по собственному Вашему благоусмотрению»[90].

По всей видимости, лично Дибич не стремился к удалению Ермолова с Кавказа[91], поэтому в переписке с императором он в значительной степени воздержался от критических оценок действий наместника, хотя на ошибки и нерешительность последнего в начале войны указывал в своих мемуарах даже Н.Н. Муравьёв-Карский[92], который искренне симпатизировал Ермолову и недолюбливал Паскевича.

В неудачной попытке примирения двух генералов Дибич сыграл достаточно противоречивую роль. Тайный советник Кириллов, состоявший при флигель-адъютанте графе В. Ф. Адлерберге, отмечал, что «Дибич Ермолова не любил, но еще больше не любил Паскевича, зная к нему дружбу Государя»[93]. Схожей точки зрения относительно истинных мотивов поведения Дибича на Кавказе много лет спустя придерживался и сам Паскевич[94].

В начале марта 1827 г. Николай I принял окончательное решение сместить Ермолова и заменить его Паскевичем в должности наместника и командующего Отдельным Кавказским корпусом.

Входе Русско-иранской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войн положение нового командующего на Кавказском театре осложнялось проблемами тылового обеспечения и острой нехваткой войск. В начале войны с Турцией из 56 батальонов Кавказского корпуса он мог задействовать в поле лишь 15[95], остальные несли гарнизонную службу в тылу или же еще не были выведены с иранской территории. Тем не менее обе войны в Закавказье завершились громкими победами.

Несмотря на частые ссоры с подчиненными ему офицерами и генералами, Паскевич, по словам британского военного наблюдателя инженер-полковника У. Монтейта, продемонстрировал «смелость и талант, достойные изучения любым военным человеком»[96]. Успешный переход Кавказского корпуса через Саганлугский хребет британец сравнил с переходом Бонапарта через Альпы. Монтейт считал Паскевича выдающимся военачальником, а кампанию 1829 г. назвал одной из самых

успешных и славных в русской истории[97].

Следует также упомянуть, что в начале 1829 г. Паскевичу удалось с большим искусством предотвратить разрыв и возобновление войны с Персией. Разгром русского посольства в Тегеране и убийство А. С. Грибоедова вызвали напряженные переговоры между Паскевичем и наследным принцем Аббасом-Мирзой. Командующий проявил талант дипломата и с помощью письма, умело сочетавшего откровенность, недвусмысленные угрозы и зрелые военно-стратегические доводы, вынудил наследного принца принести официальные извинения, отправив в Петербург посольство[98].

Три успешные кампании в 1827–1829 гг. принесли Паскевичу фельдмаршальский жезл и почетный титул графа Эриванского[99]. В течение следующего года командующий предпринял несколько экспедиций против кавказских горцев, которые, однако, не имели решительных результатов.

В апреле 1831 г. фельдмаршал был срочно отозван в Петербург. Начавшаяся война против мятежной Польши недопустимо затягивалась, поэтому Николай I пришел к мысли о необходимости смены главнокомандующего.

17 ноября 1830 г. в Варшаве началось восстание. Толпа, руководимая офицерами и воспитанниками военно-учебных заведений, ворвалась в Бельведерский дворец с намерением убить наместника великого князя Константина Павловича, но тому удалось спастись. После безуспешных переговоров, в которых поляки выдвинули заведомо неприемлемые требования о передаче Царству Польскому территорий Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии, Сейм объявил династию Романовых низложенной. Таким образом, в январе 1831 г. восстание переросло в русско-польскую войну[100].

Главнокомандующим Действующей армией, созданной для усмирения Царства Польского, был назначен И. И. Дибич, который оказался в сложном положении. Русская армия стояла на зимних квартирах и была измотана тяжелой войной 1828–1829 гг. на Дунае. Сосредоточение ее на западной границе потребовало нескольких месяцев[101]. Положение усугублялось тем, что между 1815 и 1830 г. основой русских сил на западе империи были именно польские войска, которые теперь перешли на сторону мятежников.

Из района Петербурга и новгородских военных поселений в поход выступили Гвардия и Гренадерский корпус. Стоявший в Западном крае VI (бывший Литовский) корпус до замены в нем офицеров-поля-ков русскими считался не вполне надежным[102].1 и II пехотные корпуса были переданы Дибичу из состава I армии

фельдмаршала Ф. В. Остен-Сакена, штаб которой располагался в Киеве. Силы армейской пехоты дополняли III и V резервные кавалерийские корпуса.

Армия, собранная Россией для усмирения Польши, могла быть доведена до 183 000 чел.[103], но сбор этих войск требовал более четырех месяцев. 25 января 1831 г., в день перехода русскими войсками административной границы Царства Польского, в строю Действующей армии числилось 113 000-114000 чел.[104]

До начала революции польская армия включала в себя две пехотные и две кавалерийские дивизии с артиллерией. Общая численность польских войск простиралась до 28 000 чел. в пехоте, 7 000 чел. в кавалерии при 106 полевых орудиях[105]. Хорошо обученная польская армия стала кадровой базой для развертывания новых полков и дивизий, набираемых из числа резервистов и новобранцев. К началу военных действий численность польских войск достигла 130 000-140000 чел., из которых примерно 60000 чел. считались наиболее пригодными для активных действий в поле[106].

Кампания 1831 г. проходила с переменным успехом, а разгром польской армии потребовал от России больших усилий. Первоначально Дибич не сомневался в быстрой и легкой победе[107]. Но после ряда неудач русских войск весной 1831 г. у Николая I возникло недоверие не только к главнокомандующему, но и ко всему штабу Действующей армии, включая его начальника К. Ф. Толя и генерал-квартирмейстера А. И. Нейдгарта[108].

В мае 1831 г. Дибич неожиданно скончался от холеры, и в Действующую армию прибыл новый главнокомандующий – фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский. В ходе Польской кампании Паскевич конфликтовал с начальником штаба Действующей армии генерал-адъютантом К. Ф. Толем[109], хотя, по словам очевидца, преобразования фельдмаршала в главной квартире армии в действительности были минимальны. С прежними сотрудниками Дибича новый главнокомандующий обошелся доброжелательно, «но… не имел уже ни с одним из них прямого сношения, а распоряжался через начальника Главного штаба, генерал-квартирмейстера и начальника артиллерии. <… > С Толем, Нейдгартом и Горчаковым он обошелся ласково; но других лиц не удостоил ни одним словом. С Паскевичем приехал Генерального штаба генерал-майор Окунев, состоявший при нем с самых малых чинов; все полагали, что Окунев заступит место генерал-квартирмейстера, но этого не случилось. Окунев ни во что не мешался, и Паскевич постоянно оказывал расположение

Нейдгарту, хотя как с ним, так и с Толем обходился менее фамильярно, нежели Дибич»[110]. А. П. Щербатов предполагал, что Толь считал должность начальника штаба армии несоответствующей его высокому званию генерал-адъютанта[111].

Сравнивая достоинства Дибича и Паскевича как главнокомандующих, служивший в штабе Гренадерского корпуса будущий профессор Военной академии Н.Д. Неелов вспоминал: «Дибич был с высокими военными дарованиями, и как начальник штаба заслужил бы неувядаемую славу, но как главнокомандующий он был слишком добр, доверчив и не имел твердости в характере и настойчивости, необходимой для такого высокого звания; планы его носили на себе отпечаток высокого ума и соображения; но, как скоро дело доходило до исполнения, все эти планы рассеивались как дым от его нерешительности. Не таков был характер его преемника, как мы увидим впоследствии: он не мог похвалиться искусством составления планов, но зато, задумав какой-либо план, умел привести его в исполнение, несмотря ни на какие препятствия и не слушая ничьих убеждений; и его дела увенчались полным успехом»[112].

По словам генерал-адъютанта А. И. Нейдгарта, бывшего генерал-квартирмейстера Действующей армии в Польской кампании, сказанным в беседе с Нееловым в 1837 г., «Дибич имел все дарования хорошего полководца, ум светлый, быстрый, предприимчивый, но недостаток его состоял в горячности и нетерпеливости. Он вполне понимал и стратегию, и тактику, но провиантская часть была ему недоступна, потому что по нетерпеливости характера он не в состоянии был следить за всеми действиями провиантского ведомства. Он выходил из себя, что не мог поверить всех провиантских расчетов, звал даже несколько раз к себе интенданта, распекал его, требовал ясного отчета, но ясные отчеты были таковы, что отнимали всякую возможность поверки. Главнокомандующий опускал руки и отказывался что-нибудь распутать»[113].

«Слава Дибича как полководца, – заключал Неелов, – как быстро возросла, так быстро и пала. Заслуги Дибича как начальника штаба забыты – на него смотрят и судят уже как главнокомандующего, и успех действий в Турции приписывают одной случайности»[114].

Записки генерала Неелова не были опубликованы при его жизни, и едва ли предпринятое на их страницах сравнение достоинств обоих главнокомандующих преследовало какую-либо конъюнктурную цель. Неелов критиковал Дибича за недооценку роли тылового обеспечения и за практику раздробления корпусов и дивизий на отдельные отряды[115], но он никогда не

присоединялся к мнению о якобы случайном характере выдающихся успехов графа Забалканского в ходе Дунайской кампании 1829 г.

25-26 августа 1831 г. Паскевич штурмом взял варшавские укрепления и подавил восстание[116]. За успешное окончание войны и покорение Варшавы ему был присвоен титул Светлейшего князя Варшавского. После победы боевое управление Действующей армии было сохранено на постоянной основе. Вплоть до конца 1855 г. Паскевич оставался главнокомандующим Большой Действующей армией, одновременно являясь русским наместником в Царстве Польском.

Как полководец Паскевич достаточно рано понял ту роль, которую играли интендантство и правильно организованное тыловое обеспечение. «Кто о хлебе не думает, тому и победа не впрок»[117], – часто повторял фельдмаршал в ходе Польской войны. Н. Н. Муравьёв-Карский полагал, что огромную важность продовольственного обеспечения войск Паскевич стал понимать лишь на Кавказе[118]. Хотя сам фельдмаршал утверждал, что его школой в данном вопросе служили Наполеоновские войны. «По совести сказать, – писал Паскевич, – в войсках продовольствие армии самое трудное, и главнокомандующий хотя бы знал войну и был гениален в тактике, но если нет в нем понимания и распорядка в пропитании армии, какие бы битвы ни выигрывал он – легко погубит и армию, и лучшие силы государства. От таких же порядков и французская империя пала, потому что никто из них, предпринимая движение, о хлебе серьезно не подумал»[119].

К пятидесяти годам Паскевич достиг беспрецедентно высокого служебного положения и стал последним в русской истории полным кавалером ордена Св. Георгия. Князь Варшавский как ближайший сподвижник императора пользовался неограниченным его доверием. Положение фельдмаршала в правительственной иерархии России было практически уникальным. Император обсуждал с полководцем большинство вопросов, касавшихся внутренней, внешней и военной политики. Он был единственным человеком в окружении монарха, кому Николай дозволял спорить с собой по факту уже принятых решений.

Войны первых пяти лет царствования Николая I показали как сильные стороны армии, доставшейся императору в наследство от старшего брата, так и серьезные ее недостатки.

Если Русско-иранская война 1826–1828 гг. в значительной степени оказалась локальной и потребовала перебросить на Кавказ из состава армии, расквартированной в европейской России, лишь две дивизии, то борьба с Турцией и Польшей

сопровождалась общим боевым развертыванием русских сухопутных сил. При этом затруднения, с которыми столкнулась императорская армия, имели скорее не тактический, а организационный характер. Например, в 1829 г. только от болезней погибло 89977 чел., тогда как с 1826 по 1851 г. во всех регулярных войсках средние боевые потери и смертность от болезней составляли в среднем 43 723 чел. в год. Польская кампания, разворачивавшаяся на фоне общеевропейской эпидемии холеры, сопровождалась еще большими небоевыми потерями. В 1831 г. погибло 113 655 чел., или 1/7 всей армии[120].

Тяжелая война с Турцией и в особенности затруднения в ходе кампании против Польши убедительно показали, что, несмотря на значительную численность армии, стратегическая проблема несоответствия военных потребностей имеющимся материальным ресурсам для России по-прежнему продолжала оставаться острой[121]. Такие факторы, как огромные пространства страны, ее относительная бедность и хозяйственная слабость, низкая плотность населения сильно осложняли военно-стратегическое положение государства[122].

Между 1801 и 1825 г. численность вооруженных сил империи увеличилась вдвое: с 457 000 до 910 000 чел.[123] Вследствие разобщенности потенциальных театров военных действий Россия, несмотря на завершение Наполеоновских войн, была вынуждена содержать армию, значительно превосходившую по численности вооруженные силы соседей.

Количественный рост армии влек за собой тяжелую нагрузку на демографические ресурсы империи, поскольку решающего превосходства в численности населения на фоне своих европейских соседей Россия не имела. К 1850 г. в России, по расчетам Ф. Кэгана, на одну квадратную милю проживало всего лишь 647 чел., тогда как в Австрии – 3 203 чел., в Пруссии – 3313 чел. и во Франции – 3 789 чел. Образно говоря, для России это означало необходимость защищать территорию всей Европы, располагая населением только одной Австрийской империи[124]. Кроме того, основная масса населения концентрировалась вдали от потенциальных театров военных действий. 9 млн чел., то есть примерно половина от всего числа потенциальных рекрутов, проживало на расстоянии 600 и более миль от Варшавы[125].

Несмотря на победоносное окончание Наполеоновских войн, необходимость обеспечивать за Россией положение верховного арбитра в Европе и понимание того обстоятельства, что военная мощь является по сути единственным гарантом великодержавного статуса империи, вынуждали Александра I и

после 1815 г. сохранять так называемый двухдержавный стандарт.

О необходимости двухдержавного стандарта, то есть некоторого численного превосходства русских сухопутных сил над армиями Австрии и Пруссии вместе взятых, после 1815 г. император Александр I упоминал в разговоре с П.Д. Киселёвым[126]. Но поддержание его было связано с огромным финансовым напряжением. Расходы на содержание сухопутной армии в период 1827–1841 гг. никогда не опускались ниже 33 % от общегосударственных[127].

Военные расходы выходили за пределы естественных экономических возможностей России[128], а тяжелая натуральная нагрузка на податные сословия в связи с необходимостью поставлять рекрутов становилась в последние годы царствования Александра непосильной[129]. В связи с этим правительство решилось на эксперимент с развертыванием военных поселений, который предполагал создание замкнутого военно-земледельческого сословия, что по замыслу должно было снизить бремя военных расходов при сохранении существующей численности войск, а также в значительной степени избавить крестьянское население от тягот рекрутской повинности[130]. В 1825 г. военные поселения насчитывали 375 000 чел., среди них 9678 генералов и офицеров, 15 361 унтер-офицера, 139000 солдат в составе 138 батальонов, 240 эскадронов и 36 специальных рот, разделенных на четыре корпуса в Новгородской, Харьковской, Екатеринославской и Херсонской губерниях[131].

Данная попытка окончилась неудачей. Николай I был вынужден вернуться к традиционной практике рекрутских наборов, в том числе и с тех же поселян, изменив первоначальный смысл военно-поселенной системы[132]. Эксперимент по созданию замкнутого военно-земледельческого сословия был прекращен. Военные поселяне превратились в крестьян на балансе военного ведомства, главной задачей которых стало содержание расквартированных на их территории дивизий русской тяжелой кавалерии. Правовое положение военных поселян эволюционировало к статусу государственных крестьян, а пахотных солдат – к статусу удельных[133]. Уровень развития экономики поселений превосходил экономический уровень помещичьей, государственной и удельной деревни этого периода и соответствующих регионов[134]. За четверть века военные поселения позволили казне сэкономить примерно 45,5 млн рублей.

Новым рекрутским уставом от 28 июня 1831 г. Николай I стремился упорядочить правила набора и обеспечить надежное комплектование войск. Введение строгих мер позволило

сократить административные злоупотребления и значительно снизить потери среди новобранцев.

При этом в 1830-1840-е гг. император Николай постепенно изменил характер системы комплектования русской армии. При формальном сохранении прежнего названия рекрутская повинность в действительности обрела многие черты, характерные для западноевропейской конскрипции, предполагавшей наличие общей очереди, а также жеребьевый порядок отбора и широкую систему льгот, отсрочек и заместительства[135]. Основных отличий от классической конскрипции в русской системе комплектования при Николае I было два. Во-первых, воинская повинность продолжала отбываться посословно, во-вторых, владельческие права помещиков позволяли им сдавать крестьян в солдаты в нарушение очереди. Очевидно, что полному введению в Российской империи конскрипции мешало сохранение крепостного права, поэтому ее распространение началось с государственной деревни[136].

Войны начала XIX столетия показали опасность обескровливания полков в ходе боевых действий. Отсутствие в русской армии обученных резервов затрудняло процесс восстановления боеспособности понесших потери соединений, тогда как рекрутские наборы могли дать лишь совершенно необученное пополнение, которому требовалось минимум девять месяцев, чтобы встать в строй. По этой причине в 1834 г. срок службы в армии был сокращен с 25 до 20 лет, в Гвардии – с 22 до 20 лет. 30 августа 1834 г. были приняты «Правила о бессрочноотпускных». Солдаты, отслужившие без взысканий 20 лет, по истечении этого срока увольнялись на 5 лет (в Гвардии – на 2 года) в бессрочный отпуск. Правительство оставляло за собой право повторно призвать их в случае необходимости, чтобы они дослужили оставшийся срок. В 1834–1848 гг. в бессрочный отпуск было уволено 256499 чел. К концу 1840-х гг. данная мера позволила накопить обученный резерв примерно в 200000 чел. [137]Бессрочноотпускные становились кадровой базой для формирования на случай войны резервных и запасных войск.

Полевые войска также подверглись переформированию. 194 полка были реорганизованы в 110. Количество дивизий сократилось с 33 до 30. Лишние бригадные, дивизионные, корпусные и армейские управления также оказались расформированы. Николаю I во многом удалось разрешить проблему хронического некомплекта людей в строю.

К 1835 г. императорская армия насчитывала 21 армейскую, 3 гренадерские и 3 гвардейские пехотные дивизии, состоявшие

каждая из 4 полков, сведенных в 2 бригады. Дивизии объединялись в корпуса. 3 гренадерские и 3 гвардейские дивизии сводились, соответственно, в Гренадерский и Гвардейский корпус. 18 пехотных дивизий последовательно образовывали 6 пехотных корпусов, где в составе I пехотного корпуса числились 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии, а в составе VI пехотного корпуса – 16-я, 17-я и 18-я[138].

19-я, 20-я и 21-я пехотные дивизии вместе с отдельной Кавказской гренадерской бригадой составляли Отдельный Кавказский корпус. 22-я пехотная дивизия постоянно находилась в Финляндии. 23-я пехотная дивизия образовывала Отдельный Оренбургский корпус, а 24-я пехотная дивизия – Отдельный Сибирский корпус. 22-24-я дивизии не имели полковой структуры, они состояли из линейных батальонов[139]. По сути, управления этих дивизий являлись территориальными органами, руководившими местными войсками.

Переформированию подверглась и кавалерия. Легкие кавалерийские дивизии состояли теперь из 2 бригад, где первую формировали 2 уланских, а вторую – 2 гусарских полка. Организационно они входили в состав пехотных корпусов и получали их номера (с 1 по 6). В мирное время образовывался также Сводный кавалерийский корпус из 5-й и 6-й легких кавалерийских дивизий, считавшихся «от V и VI пехотных корпусов в командировке»[140]. 7-я легкая кавалерийская дивизия была придана Гренадерскому корпусу[141]. Из тяжелой кавалерии создавались «резервные» кавалерийские корпуса, которые могли играть самостоятельную роль не только на полях сражений, но и на театре войны в целом (понятия «резервный» и «стратегический» использовались в данном случае как синонимы). В состав I корпуса вошли 1-я кирасирская и 1-я уланская дивизии, II корпус включал 2-ю кирасирскую и 2-ю уланскую дивизии, III резервный кавалерийский корпус составляли 1-я и 2-я драгунские дивизии. Кроме того, был сформирован Гвардейский Резервный кавалерийский корпус.

Кульминацией усилий Николая I по реформированию русской конницы стали грандиозные Вознесенские маневры. В августе 1837 г. в Новороссии под городком Вознесенском были собраны силы четырех кавалерийских корпусов с конной артиллерией и вспомогательными частями. В совокупности это составило 55000 всадников, объединенных в 305 кавалерийских эскадронов при 128 конных орудиях. Для сравнения: Великая армия Наполеона на момент вторжения в Россию в июне 1812 г. в составе четырех резервных кавалерийских корпусов генералов Нансути, Монбрена, Груши и Латур-Мобура насчитывала 208

эскадронов и 38 200 всадников[142].

В декабре 1851 г., незадолго до начала Восточной войны, в организации русской резервной кавалерии произошли некоторые изменения. Бюджетный дефицит вынудил Николая I расформировать боевое управление одного из трех резервных кавалерийских корпусов. 20 декабря 1851 г. император писал князю Варшавскому: «Кончили мы смету не без труда. <…> Несмотря на все прибавки доходов и на убавки в расходах, 7 миллионов дефицита! Вынужден расформировать четыре уланских полка, два 1-й уланской и два 6-й легкой кавалерийской дивизии, соединив кирасирские и бывшую 2-ю уланскую в один корпус и причислив два уланских полка к 6-й легкой…»[143]

Таким образом, в период Восточной войны 1-й резервный кавалерийский корпус состоял из одной уланской и двух кирасирских дивизий, а 2-й резервный кавалерийский корпус – из двух драгунских.

В ходе реорганизации артиллерии пехотным корпусам придавались артиллерийские дивизии из четырех бригад, в которых имелись батарейные, легкие и конные батареи. Номер артиллерийской бригады соответствовал номеру пехотной дивизии. Кавалерийские дивизии резервных кавалерийских корпусов комплектовали конноартиллерийскими бригадами[144].

Таким образом, к середине 1830-х гг. сбалансированные и постоянные по своему составу пехотные (армейские) корпуса, сформированные из трех родов войск, стали основой военной организации. Численность каждого из шести пехотных корпусов доходила до 50000 чел. Каждому корпусу, кроме того, полагалось иметь резервную пехотную дивизию соответствующего номера, которая состояла из 12 батальонов половинного штата. Корпус становился полностью автономным боевым соединением, возможности которого позволяли ему самостоятельно действовать на отдельном направлении. Наличие в составе корпуса резервных и запасных войск позволяло поддерживать штатную численность полков в условиях неизбежных боевых и санитарных потерь. Сами же резервные дивизии для прямого использования на полях сражений не предназначались, им ставились менее ответственные задачи по несению гарнизонной службы в городах и крепостях западных провинций империи.

Большая Действующая армия фельдмаршала Паскевича состояла из I, II, III и IV пехотных корпусов. Штаб армии располагался в Варшаве. Находившееся прежде в Киеве боевое управление I армии фельдмаршала Ф.В. Остен-Сакена в 1835 г. было расформировано.

Большая Действующая армия стала крупнейшим

объединением полевых войск империи. Она играла ключевую роль в военной политике Николая I. На армию, бессменным главнокомандующим которой в 1831–1855 гг. был князь Паскевич, возлагался комплекс важнейших взаимосвязанных задач. Во-первых, на основе Действующей армии в случае начала серьезной войны в Европе предполагалось боевое развертывание русских военно-сухопутных сил. Во-вторых, Действующая армия напрямую отвечала за внутреннюю безопасность в Царстве Польском и несла на его территории гарнизонную службу. В-третьих, Действующая армия, получив подкрепления в виде пехотных и резервных кавалерийских корпусов второй линии, должна была стать главной ударной силой на театре войны.

Главный штаб армии был одновременно органом строевого, местного и полевого управления войсками, существующим на постоянной основе в мирное время[145], а входившие в его состав офицеры и генералы нередко занимали должности в администрации наместничества.

В Польше, Литве, Остзейском крае и на Волыни дислоцировалось, соответственно, по одному из четырех корпусов Действующей армии. Усилить армию Паскевича, помимо резервных и запасных войск, могли корпуса, в мирное время располагавшиеся в глубине страны: Гвардейский и Гренадерский – в районе Санкт-Петербурга и Новгорода, VI пехотный – в Центральной России в районе Москвы и Смоленска, три резервных кавалерийских корпуса – в районе военных поселений юга империи. Использование V пехотного корпуса для войны в Европе считалось маловероятным, этот корпус отвечал за турецкое направление, располагаясь в Крыму и Бессарабии. В связи с резким обострением обстановки на Кавказе в 1841–1846 гг. войска V корпуса под командованием генерала А.Н. Лидерса участвовали в войне против горцев[146].

Гвардия и Гренадеры подчинялись отдельному главнокомандующему, которым в рассматриваемый период являлся младший брат императора великий князь Михаил Павлович. V и VI пехотные корпуса находились в ведении военного министра А. И. Чернышёва. Резервная кавалерия подчинялась своему инспектору.

Гибкое сочетание централизации и децентрализации стало отличительной особенностью подхода к военному управлению при Николае I. Командование войсками на местах находилось в руках организационно независимых армейских штабов, что обеспечивало оперативность, существенную экономию финансовых средств и ускоряло принятие решений. Постепенное накопление кадра обученных резервистов давало в руки

правительства гибкий инструмент приведения войск на военное положение без таких экстраординарных мероприятий, как рекрутский набор.

Смертность в войсках значительно сократилась, хотя и продолжала оставаться сравнительно высокой. В год от болезней погибало примерно по 37 чел. из 1 000 чел. списочного состава. Численность умерших в русской армии в мирное время в два раза превышала число умерших в европейских армиях. Однако и среди гражданского населения России смертность от болезней была в среднем на четверть выше, чем в Европе[147]. К примеру, в австрийской армии по состоянию на 1857 г. смертность составляла 19,2 на 1 000 чел.[148] В английской армии в 1830-е гг. смертность составляла 15,9 на 1 000 чел. в Британии, 21,1 на 1000 чел. в колониях с умеренным климатом и 63,4 на 1 000 чел. в гарнизонах, расположенных в тропиках[149].

Дезертирство также не являлось массовым явлением. В 1842 г. на 45 000 взятых в армию рекрутов произошло 34 случая побегов. Незначительным оно было и среди солдат – в среднем значительно меньше 1 %. В вольнонаемных армиях Британской империи и США оно в те годы не падало ниже 5 %, доходя иногда до 20–25 %[150]. К примеру, в 1830-1840-е гг. ежегодный приток добровольцев в британскую армию составил 12855 чел., однако в 1846–1847 гг., по официальным данным, из нее дезертировало 1757 чел., то есть 13,6 %[151].

Структуры высшего военного управления – Военное министерство и Главный штаб – в 1830-е гг. также были реорганизованы. Ф. Кэган в своем монографическом исследовании подробно рассмотрел предпосылки данной реформы и процесс ее осуществления под руководством графа А. И. Чернышёва. В ходе преобразования центрального аппарата военного ведомства функции по строевому управлению войсками из упраздненного в мирное время Главного штаба были переданы в Военное министерство. Административно-хозяйственные функции оказались сосредоточены в коллегиальном Военном совете под председательством военного министра[152].

На протяжении 1830-х гг. силами как центрального аппарата Военного министерства, так и самого штаба Действующей армии готовился «Устав для управления армиями в мирное и военное время»[153]. Он был принят в 1846 г. и заменил «Учреждение для управления Большой Действующей армией» 1812 г.

«Устав» устранял противоречия, обнаруженные в «Учреждении» в ходе Наполеоновских войн и кампаний 1826–1831 гг. Во-первых, он исключил саму возможность появления на одном театре войны двух главнокомандующих, наделенных

равными полномочиями, что, по опыту войны 1812 г., должно было провоцировать неизбежные конфликты в главной квартире армии. Во-вторых, с целью предотвращения злоупотреблений строго разграничивалась ответственность военных и гражданских властей в губерниях, объявленных на военном положении. В-третьих, новый нормативный акт четко регламентировал взаимоотношения главнокомандующего и монарха в случае появления императора на театре войны, то есть был призван не допустить повторения того положения, в котором оказались фельдмаршал П. Х. Витгенштейн и штаб Дунайской армии в ходе кампании 1828 г.

Поскольку в соответствии с «Уставом» главнокомандующий наделялся над Действующей армией «властью Государя Императора», монарх получал право непосредственно распоряжаться войсками лишь после принятия на себя ответственности именным указом. При этом бывший главнокомандующий автоматически становился начальником штаба армии, а бывший начальник штаба, соответственно, генерал-квартирмейстером. До издания именного указа главнокомандующий сохранял все свои права, за исключением отдачи ему императорских почестей. Особое положение главнокомандующего подтверждалось тем, что дипломатические представители России за границей были обязаны направлять ему копии своих донесений, посылаемых в Министерство иностранных дел[154].

В случае необходимости на базе Большой Действующей армии могло быть развернуто несколько отдельных армий, при этом их командующие оставались в подчинении главнокомандующего, а штабы функционировали на правах корпусных штабов.

В новом «Уставе» нашел отражение организационный опыт, накопленный русской армией в первой половине века. Именно на его основе в ходе Венгерского похода и Крымской войны осуществлялось управление сухопутными войсками империи.

Первая половина XIX столетия в армиях крупнейших европейских держав прошла под знаком возрастающей профессионализации штабной службы. Стремительный количественный рост сухопутных армий неизбежно повышал требования к уровню штабного управления войсками. Организация боевой работы больших войсковых масс на театре войны становилась невозможной без хорошо отлаженной интендантской и квартирмейстерской части.

Высокие требования, предъявляемые в новых условиях офицерам службы Генерального штаба, сделали необходимым

создание специализированного учебного заведения, ответственного за их углубленную общеобразовательную и военно-теоретическую подготовку. Открытие в 1832 г. Военной Академии (будущей Академии Генерального штаба) стало важным событием в русской военной истории[155]. Академия создавалась по предложению и с участием Антуана-Анри Жомини – всемирно известного военного теоретика, перешедшего в 1813 г. на русскую службу.

Классической моделью высшего военного управления, при которой Генеральный штаб вырастает в независимый военно-политический институт – орган стратегического планирования, приобретающий огромную, порой ведущую роль в формировании военной и внешней политики государства, считается прусско-германский Большой Генеральный штаб. Появление данной модели окажется возможным в результате войн второй половины XIX в., связанных с деятельностью Г. фон Мольтке Старшего. Синтез строевой практики, зрелой военной теории и высокой штабной культуры обеспечит прусско-германской военной машине профессиональное превосходство над каждой из ее соперниц.

Однако в период, предшествовавший приходу Мольтке на должность начальника Большого Генерального штаба в 1858 г., потенциал прусской Военной Академии как военно-учебного заведения в значительной степени оставался нереализованным. Сам же прусский Генеральный штаб являлся в те годы скорее учебным бюро, нежели органом стратегического планирования и подготовки мобилизации[156].

В николаевской и особенно в пореформенной России наблюдались схожие по смыслу процессы, связанные с поиском Главным штабом места функции стратегического планирования в рамках высшего военного управления[157] и, как следствие, с определением роли Военной Академии в системе профессиональной подготовки офицерского корпуса[158].

За 25 лет было осуществлено полное перевооружение сухопутных войск. В начале царствования Николая I армия по-прежнему была вооружена различными вариантами гладкоствольного кремневого мушкета образца 1808 г., который, в свою очередь, являлся версией знаменитого французского Шарлевильского мушкета 1777 г. Разнотипность и разнокалиберность оружия отрицательно сказывалась на огневой производительности русской пехоты в годы Наполеоновских войн. На Бородинском поле встречались полки, использовавшие ружья до 20 различных типов и калибров. Проблема стандартизации и унификации стрелкового вооружения в первые

годы николаевского царствования продолжала оставаться неразрешенной. В 1826–1828 гг. ствол ставшего для армии основным ружья образца 1808 г. с целью облегчения был несколько укорочен[159].

Окончательная стандартизация кремневых ружей была осуществлена лишь в 1839 г.[160]

Однако вскоре была развернута массовая переделка кремневых ружей в ударные капсюльные, которые стали именоваться «образец 1844 г.»[161]. Поскольку переделка кремневых ружей не удовлетворяла потребность армии в современном скорострельном гладкоствольном вооружении, уже в 1845 г. был начат выпуск нового капсюльного ружья. Русское ружье образца 1845 г. калибром 7,1 линии создавалось на основе французского[162] и было одним из самых удачных на фоне современных ему европейских капсюльных ружей. Оно полностью отвечало общепринятым в Европе того времени тактическим представлениям о применении линейной пехоты в маневренной войне, которые провозглашали приоритет скорострельности ружья над его дальнобойностью[163].

Крупнейшие сражения Польской кампании 1831 г. подтвердили решающее тактическое значение сомкнутой батальонной колонны, проявившееся на полях сражений Наполеоновских войн. Достаточно низкие возможности стрелкового оружия того времени делали ее малочувствительной к огневому воздействию противника. В ходе штурма варшавских укреплений русская пехота брала редуты в основном в штыки, хотя максимальный тактический эффект достигался при тесном взаимодействии сомкнутых колонн с передовой цепью застрельщиков[164].

Для действий в рассыпном строю в русской армии с 1834 г. стали создавать отдельные стрелковые батальоны корпусного подчинения. Номера их соответствовали номеру пехотного корпуса. Поначалу гладкоствольные ударные ружья поступали именно на их вооружение[165].

С 1842 г. стрелковые батальоны и застрельщики в линейной пехоте стали получать нарезные штуцера. В 1840-е гг. основным оружием такого типа стал так называемый Литтихский штуцер калибром 17,78 мм образца 1843 г., его дополняли штуцера системы Гартунга и Эрнрота, соответственно, образцов 1848 и 1851 г.[166]

Если говорить об общей численности войск, которые Россия по завершении боевого развертывания Действующей армии могла выставить в поле на первом этапе возможной войны на западе, то цифра, по меркам того времени, оказывалась внушительной –

около 400 000 чел.

Так, например, зимой 1839 г. в обстановке военной тревоги, связанной с бельгийским кризисом, развернувшимся вокруг проблемы международного признания Бельгии и территориальных претензий со стороны Франции, на 25 февраля ведомость о состоянии действующих войск Гвардейского, Гренадерского, I, II, III, IV пехотных, а также I и III резервных кавалерийских корпусов показывала по штатам военного времени 390831 чел. Из них налицо имелось 303 346 чел. С учетом подготовленных пополнений в виде рекрут и бессрочноотпускных некомплект значительно сокращался и составлял всего 23425 чел. [167] В полевой артиллерии предполагалось развернуть около 800 орудий.

Тот факт, что Россия в мирное время содержала под ружьем более 800 000 чел., не был для Европы секретом, хотя и вызывал у нее определенные сомнения. К примеру, австрийцы по собственному опыту необоснованно предполагали в русских рядах значительный некомплект. В феврале 1828 г. посол в Вене Д.П. Татищев доносил в Петербург об оценках численности русских сухопутных сил, бытовавших среди австрийского генералитета. Тогда австрийцы насчитали в русской армии 838 981 чел. по спискам, но лишь 470 518 чел. – в строю[168].

Для сравнения: по данным русской военной разведки, на сентябрь 1847 г. вся французская армия, рассредоточенная по стране в виде 21 территориальной дивизии, за вычетом войск, командированных в Алжир, насчитывала 225 580 чел. и 46016 лошадей[169], на декабрь – 230 183 чел. и 46722 лошади[170]. В артиллерии имелось 1 236 орудий, правда, для нее остро не хватало лошадей. Ситуация с лошадьми в артиллерии и кавалерии была у французов настолько критической, что, по расчетам собиравшего во Франции военные сведения генерал-лейтенанта барона Н. В. Медема, они вряд ли были способны развернуть в поле более 222 орудий[171].

Спустя четыре года, в мае 1851 г., численность французской армии в Европе и Алжире достигла 382355 чел., из которых 288 433 чел. было в пехоте, 61 600 чел. – в кавалерии, 32300 чел. – в артиллерии, инженерных и вспомогательных войсках при 1336 орудиях[172]. По другим данным, во французских войсках в 1851 г. состояло 384240 чел.[173], из них в Европе – 309240 чел. пехоты и 69278 чел. кавалерии, в Алжире – 75 000 чел. пехоты и 16422 чел. кавалерии[174]. То есть в середине 1840-х гг. численность русской группировки, предполагавшейся Николаем I и Паскевичем для участия в войне на западе, была сравнима с общей численностью вообще всех сухопутных сил Франции.

Австрия, крупнейшая из германских держав, на рубеже 1820-1830-х гг. также значительно уступала 47-миллионной России в силах. При населении в 1831 г. в 33 630 381 чел. империя Габсбургов содержала в мирное время армию, насчитывавшую 272204 чел. В случае войны ее численность теоретически возрастала до 527 224 чел.[175]Записка о военных силах Австрии, составленная из сведений архива 2-го отделения Департамента Генерального штаба, определяла состав австрийской армии мирного времени на 1837 г. в 272204 чел., состав военного времени – в 527 224 чел.[176] На вооруженных силах Дунайской монархии сказывался хронический бюджетный дефицит, не позволявший содержать полки в требуемом по штатам комплекте. Накануне революции 1848 г. реальный состав ее армии мирного времени насчитывал, по данным русской разведки, вместо 399 899 чел., всего лишь 231410 чел. и 145 орудий[177]. В случае войны австрийская армия опять же теоретически должна была развернуться, увеличившись в несколько раз, до 628 124 чел. и примерно 1 200 орудий[178].

Наличие в рядах австрийской армии серьезного некомплекта и отсутствие обученных резервов, позволявших при мобилизации увеличить ее численность не более чем на одну треть, подтвердилось в ходе Австро-итало-французской войны 1859 г. Тогда, по предвоенным расчетам, к армии мирного времени, насчитывавшей 350000 чел., должно было присоединиться около 300000 чел. обученных бессрочноотпускных и резервистов. В реальности же из 375 000 чел., призванных в армию по мобилизации, примерно 255 000 чел. вообще не умели стрелять[179].

Пруссия в 1831 г. была единственной страной в Европе, использовавшей систему всеобщей воинской повинности. По предварительным расчетам офицеров русского Генерального штаба, при населении в 12993 826 чел. королевство содержало в мирное время под ружьем 121916 чел., но после мобилизации пруссаки в принципе могли бы выставить 529 916 чел. с учетом ландштурма и ландвера обеих очередей[180]. Накануне Мартовской революции 1848 г. прусская армия в действующих войсках мирного времени насчитывала 118 343 чел. и 324 орудия, в военное время с ландверами первой и второй очереди – 499768 чел. и 864 орудия[181]. Барон Н.В. Медем в марте 1848 г. сообщал в Департамент Генерального штаба Военного министерства похожие сведения. По его расчетам, постоянная армия королевства достигала 190 000 чел. и 57 000 лошадей, при мобилизации же (но без ландштурма) – 439 000 чел. и 95 000 лошадей[182].

Сухопутные войска Великобритании значительно уступали по силам первоклассным континентальным армиям, хотя их численность постепенно увеличивалась: в 1835 г. – 100991 чел.[183], в 1846 г. – 139 105 чел.[184], в 1848–1849 гг. – 138 769 чел.[185], в 1851 г. – 155 986 чел.[186] Данные русской разведки в целом подтверждались британскими источниками. По расчетам Х. Строна, в 1835 г. общая численность британской армии составляла 109285 чел., из которых 18 948 чел. служили в Индии. К 1854 г. она возросла, соответственно, до 152780 и 28 955 чел.[187]

Вооруженные силы второстепенных европейских государств также принимались в расчет. Войска Германского союза состояли из контингентов 34 малых германских государств. Крупнейшими считались армии Баварии, Саксонии, Ганновера, Вюртемберга и Бадена. Объединенные силы германцев, за вычетом первоклассных армий Пруссии и Австрии, насчитывали, по данным 1848 г., 126651 чел., 26991 лошадь и 234 орудия. В военное время их можно было пополнить до 189 978 чел., 40435 лошадей и 351 орудия[188]. По данным начала 1850-х гг., изменения произошли незначительные. В составе армии мирного времени числилось 155 549 чел., 16300 лошадей и 440 орудий, по штатам военного времени, соответственно – 181 348 чел., 20386 лошадей и 502 орудия[189].

Армия Сардинского королевства на 1847 г., по данным русской военной разведки, по штатам мирного времени должна была иметь 36 818 чел., 5 970 лошадей и 56 полевых орудий, по штатам военного времени – 217 260 чел., 19099 лошадей и 96 полевых орудий[190]. Однако впоследствии семикратное увеличение численности армии мирного времени при мобилизации на практике не подтвердилось. В ходе Австро-итало-французской войны 1859 г. Пьемонт смог выставить в поле лишь 87 000 чел., объединенных в пять пехотных дивизий и одну дивизию кавалерии[191]. Армия Королевства Обеих Сицилий – второго крупного итальянского государства, по данным на 1852 г., без указания в донесении различий между составами мирного и военного времени, насчитывала 91487 чел.[192]

В Объединенных королевствах Швеции и Норвегии даже после окончания Наполеоновских войн ядро армии продолжали составлять поселенные войска, набираемые в соответствии с возникшей в результате реформ короля Карла XI (1655–1697) системой индельты[193]. В середине XIX в. данная система комплектования постепенно начала дополняться конскрипцией. Число поселенных солдат практически не увеличивалось. В 1815 г. их насчитывалось 33232 чел., по таблице 1826 г. –

33481 чел., по сведениям, доставленным в Петербург в 1835 г., – 32814 чел.[194] Конскриптов же, по данным 1851 г., было уже 102898 чел.[195] Объединенные силы Швеции и Норвегии в начале 1850-х гг. составляли 131 586 чел.[196]

Рассуждая о соотношении сил в Европе, необходимо принять в расчет то, что учет военно-политическим руководством России особенностей стратегического положения европейских держав вносил определенные коррективы в сухие данные о численности иностранных армий, сообщаемые разведкой.

Французская армия не располагала в мирное время не только корпусами, но даже дивизиями постоянного состава. Территориальные дивизии являлись в ней административными единицами. Самым большим тактическим соединением в мирное время оставался полк. В отличие от Пруссии, во французской армии практически отсутствовали обученные резервы[197]. По данным русской военной разведки за 1847 г., число обученных солдат, уволенных в бессрочный отпуск, составляло примерно 60 000 чел. Еще 80 000 чел., формально числившихся в запасе, являлись излишками конскрипции предыдущих лет и оставались совершенно необученными[198]. Военная система Июльской монархии была способна на сравнительно быструю организацию крупных заморских экспедиций, однако ее эффективность в условиях большой европейской войны вызывала обоснованные сомнения.

Армия Австрийской империи была единственной, где, как и в России, в мирное время практиковалось содержание армейских боевых управлений на постоянной основе. Если в европейской части России после 1835 г. крупнейшими структурами такого рода оставались Большая Действующая армия и объединенное командование Гвардии и Гренадер, то в Австрии существовала необходимость в содержании пяти армейских управлений практически по всему периметру достаточно протяженных границ империи[199].

I армия в коронных землях Австрии, а также Штирии, Богемии, Моравии и Северном Тироле была развернута на потенциальном театре военных действий с Пруссией. В ее состав входили I, II, III и IV армейские корпуса.

II армия в 1830-1840-е гг. была самой мощной по своему составу. Она дислоцировалась в Ломбардо-Венецианском королевстве, на потенциальном театре военных действий с Пьемонтом и Францией. В состав II армии входили V, VI, VII, VIII и IX армейские корпуса. В 1831–1858 гг. ее бессменным главнокомандующим был выдающийся австрийский полководец фельдмаршал И. Радецкий.

На восточном стратегическом направлении, то есть на границах с Россией, находилось еще две армии. III армия отвечала за оборону и поддержание порядка в Венгрии и Трансильвании. Армию образовывали X, XI, XII и XIII корпуса. IV армия в Галиции и на Буковине состояла из одного единственного XIV армейского корпуса, что говорит о том, насколько маловероятной считала Вена угрозу войны с Россией.

Мобилизованный австрийский армейский корпус насчитывал 25 000-30 000 чел. Он состоял из 3–4 пехотных дивизий, отдельной кавалерийской бригады и артиллерийского резерва. Соответственно, дивизия состояла из 3–4 бригад, а бригада – из шести пехотных батальонов, одной 8-орудийной легкой батареи и некоторых вспомогательных служб. Войска австрийской «военной границы», развернутые в Хорватии, Славонии, Банате и Далмации, не имели корпусной организации.

В окончательном своем виде система пяти армейских управлений сложилась только после 1849 г., тогда как в 1820-1830-е гг. австрийские войска не имели в своем составе постоянно действовавших армий, корпусов, дивизий и бригад. Они распределялись по двенадцати так называемым генеральствам (General-Militärkommanden) с центрами, соответственно, в Аграме, Брюнне, Граце, Германштате, Лемберге, Буде, Петервардейне, Праге, Темешваре, Вероне, Вене и Заре. Высшим тактическим соединением в войсках оставался полк. Лишь «генеральство» Верона постоянно содержало два армейских корпуса практически по штатам военного времени, а хорватский сектор «военной границы» с 1820-х гг. состоял из бригад двухполкового состава. Политические обязательства Австрии в Германском союзе, подкрепленные австро-прусскими военными конвенциями 1832 и 1840 г., в случае мобилизации предполагали развертывание на территории Германии австрийского контингента численностью 158 040 чел. В мирное время небольшие австрийские гарнизоны располагались в федеральных крепостях Южной Германии[200].

За исключением войск, расквартированных в Северной Италии, и сил «военной границы», австрийская армия мирного времени имела сравнительно невысокую боеготовность. Номинальная численность австрийской армии по состоянию на 1848 г. достигала 315 000 чел. в пехоте, 49000 чел. в кавалерии, 26000 чел. в артиллерии и 5400 чел. во вспомогательных технических частях. Боеспособность вооруженных сил Дунайской монархии подрывал вызванный финансовыми трудностями хронический некомплект личного состава, так как значительная часть солдат увольнялась в бессрочный неоплачиваемый отпуск

задолго до истечения предписанных по закону сроков военной службы. По этой причине из числившихся по спискам примерно 400000 чел. в строю фактически находилось не более 250 000 чел. [201]

В результате численность даже игравшей особо важную роль австрийской армии в Италии неуклонно снижалась. Если в 1831 г. она насчитывала 104500 чел., то в 1833 г. – уже только 75 000 чел., тогда как в 1846 г. под командованием фельдмаршала Радецкого осталось 49 297 чел., из которых лишь 34 000 чел. составляли полевые войска[202].

Как бы то ни было, вооруженные силы империи Габсбургов представляли для России серьезную потенциальную угрозу, однако стратегическое положение Австрии осложнялось наличием общей границы с Пруссией, Пьемонтом и Францией. Австрийскому правительству было бы весьма сложно сосредоточить большую часть армии на каком-то одном театре, и даже при самых благоприятных внешнеполитических обстоятельствах оно не могло оставить без войск свои неспокойные провинции: Венгрию и Северную Италию.

Пруссия занимала в Европе центральное положение. На западе она граничила с Францией, на юге – с Австрией, на востоке – с Россией. Исторический опыт показывал, что, несмотря на тесный союз с Петербургом, потенциальная военная угроза могла ожидать Пруссию вдоль всех ее сухопутных границ. В 1840-е гг. королевская армия была разделена на Гвардейский и 8 армейских корпусов со штабами, соответственно, в Кёнигсберге, Штеттине, Берлине, Магдебурге, Познани, Бреслау, Мюнстере и Кобленце, которые и в мирное время функционировали на постоянной основе. Каждый корпус насчитывал две дивизии из одной пехотной кадровой, одной пехотной ландверной и одной кавалерийской бригады. В корпусе также состояли по штату: артиллерийский полк, пионерный (то есть саперный) дивизион, егерский батальон, а также резервные полки и батальоны вместе с нестроевыми нижними чинами.

Эффективность прусской армии снижалась по причине низких боевых качеств ландштурма и ландвера[203]. Генерал Н.В. Медем незадолго до Мартовской революции 1848 г. довольно сдержанно оценивал наступательные возможности Пруссии. Кроме того, даже в военное время часть регулярных войск пришлось бы оставить внутри королевства. На основании данных фактов Медем приходил к выводу, что, во-первых, «Пруссия не в состоянии употребить из числа постоянной своей армии для продолжительных наступательных действий вне своих границ более 120 000, и при величайшем усилии – 140 000 войска, и что,

следовательно, она слаба для наступательной войны». Во-вторых, «Пруссия не в состоянии соединить более 200000 чел.» на одном стратегическом направлении. И, в-третьих, «главная сила настоящей военной организации Пруссии заключается в возможности сильной постоянной обороны государства, потому что при отступлении армия может быть с каждым шагом усиливаема ландвером и даже ландштурмом тех провинций, в которые она отступает»[204].

Франция после 1815 г. уже не имела демографических ресурсов, чтобы оставаться крупнейшей военной державой Европы, каковой она являлась на протяжении XVII–XVIII вв. Примерно на полстолетия ее место заняла Россия, которой, несмотря на серьезную военную репутацию, ранее не удавалось достичь этого положения на протяжении всего XVIII в. Затем, во второй половине XIX в., лидерство в военной области прочно перейдет к объединенной Германской империи.

Вооруженные силы Австрии и Пруссии имели ряд преимуществ на фоне испытывавшей организационные проблемы французской армии. Однако неблагоприятные стратегические факторы, связанные с территориальной разобщенностью возможных театров войны, оказывали влияние и на германские державы, пусть и в меньшей степени, чем на Россию.

Таким образом, в результате преобразований 1830-1840-х гг. боевые возможности русской армии существенно возросли. Унифицированные по своему составу корпуса стали основой военной организации империи. Армия Николая I, по признанию авторитетного европейского наблюдателя, превратилась в первую по своей мощи боевую силу на европейском континенте[205].

Глава 2
Проблема сохранения баланса сил в Европе в 1830-1840-е гг

После окончания Русско-польской войны 1831 г. на западных границах России наступил период длительного мира, который, однако, имел относительный характер, поскольку обстановка в Европе сопровождалась частыми международными кризисами. Уже в 1832–1833 гг. очередное обострение Восточного вопроса потребовало некоторых мобилизационных приготовлений, хотя и не сопровождалось общим развертыванием Действующей армии. II пехотный корпус был передвинут к прусской границе, уступом на юг за ним расположился III корпус[206].

Летом 1833 г. Россия подписала с Османской империей Ункяр-Искелесийский договор, который закрыл Чёрное море для иностранных флотов, обеспечив таким образом безопасность южного стратегического направления. Реакция Великобритании и Франции была предсказуемо негативной. Как считает В. В. Дегоев, британского министра иностранных дел Г. Д. Т. Палмерстона «бесило не то, что Россия нарушила статус-кво в Восточном вопросе, то есть принцип целостности Османской империи, а ее превращение в “держателя” и гаранта этого самого статус-кво, поскольку на эту роль претендовал Лондон»[207].

Осенью 1833 г. в результате переговоров в Мюнхенгреце и Берлине был восстановлен союз трех консервативных континентальных монархий: России, Австрии и Пруссии. Мюнхенгрецкая конвенция в первую очередь касалась Восточного вопроса. В обмен на обещание России не посягать на целостность Османской империи Австрия фактически признавала основные положения Ункяр-Искелессийского договора[208]. Берлинская конвенция была направлена на сохранение политического статус-кво в Европе и недопущение реваншистских устремлений со стороны Франции.

В 1830-х гг. отношения России с Австрией не отличались такой теплотой, как отношения с Пруссией. Король Фридрих-

Вильгельм III был тестем Николая I, вступивший на престол в 1840 г. Фридрих-Вильгельм IV приходился русскому императору шурином. Пруссия по Рейну непосредственно граничила с Францией и рассчитывала на русскую военную помощь в случае угрозы со стороны своего неспокойного западного соседа. Сотрудничество обеих армий имело исключительно тесный характер. Например, будущий военный министр Пруссии генерал И. фон Раух «совмещал инспектирование русских крепостей с аналогичной деятельностью в Пруссии»[209]. В 1835 г. у города Калиш в присутствии Николая I и Фридриха-Вильгельма III состоялись совместные военные маневры.

Самые секретные сведения, включая военные планы, решением короля доверительно сообщались Николаю I. В свою очередь, русская армия оговаривала не просто сроки, но точные маршруты и численность выдвигаемых на соединение с союзниками подкреплений. В личных совещаниях с прусским генералитетом, касавшихся маршрутов выдвижения русских корпусов на Одер и Рейн, в 1830 г. участвовал фельдмаршал И. И. Дибич – начальник императорского Главного штаба, а в 1832 г. с генералом К. Ф. фон Кнезебеком встречался генерал-адъютант А. И. Нейдгарт – генерал-квартирмейстер Действующей армии[210].

По результатам своей поездки в Берлин в 1830 г. Дибич представил Николаю I секретную записку о маршруте выдвижения русских войск в Пруссию. Пунктом соединения колонн был назначен город Кроссен. К письму прилагались маршруты выдвижения войск до Одера и далее – до Рейна[211].

Спустя два года Нейдгарт обсуждал с Кнезебеком вопрос сосредоточения у Калиша 200-тысячной русской армии для содействия пруссакам и австрийцам в случае разрыва с Францией. Войска должны были следовать к Одеру через Торн[212]. Однако, в отличие от записки Дибича, донесение Нейдгарта не содержало точных маршрутов выдвижения русских корпусов на запад. В поход на территорию Пруссии через Царство Польское предполагалось отправить Гвардейский и I пехотный корпус, однако составление детальных планов решено было отложить до возникновения необходимости прямого использования русских войск в Германии[213].

Создание сети крепостей и строительство тыловой инфраструктуры на территории Царства Польского, наряду с усилением боевого состава Действующей армии, играло решающую роль в укреплении стратегического положения России на западной границе.

Театр войны в Царстве Польском представлял собой

обширную равнину, сильно пересеченную реками, болотами и лесами. Висла и ее притоки делили его на несколько изолированных секторов. Функции русских крепостей в Польше были разнообразны. Они служили одновременно опорными пунктами для войск, расквартированных в крае, предмостными укреплениями и опорными пунктами на коммуникационных линиях.

В первом эшелоне находились крепости Новогеоргиевск, Ивангород и Варшавская Александровская цитадель. В русской фортификации середины XIX в. было принято разделение крепостей на 1-й, 2-й и 3-й классы, отличавшиеся друг от друга по степени своих оборонительных возможностей, а именно: мощностью и протяженностью верков, численностью гарнизона и артиллерии. Характерно, что русская военная мысль николаевского времени признавала возможность несоответствия между величиной крепости и ее стратегической важностью[214].

Первоклассный Новогеоргиевск (до 1834 г. – Модлин) был возведен в 1832–1841 гг. у слияния Вислы и Буга. К середине 1840-х гг. он заслуженно считался одной из сильнейших крепостей Европы[215]. Крепость не только обеспечивала переправы через Вислу и Буг, но и являлась основой всего операционного базиса русской армии в направлении на Восточную Пруссию и Померанию. Новогеоргиевск стал главной твердыней того треугольника, который Наполеон считал ключом к Польше, поскольку, по мнению Корсиканца, страной владел тот, кто контролировал Варшаву, Модлин и Сероцк, а следовательно, и основные речные переправы через Вислу, Буг и Нарев[216].

Относительно небольшая Александровская цитадель, строившаяся с 1832 г., с одной стороны, могла служить укрытием для русского гарнизона в случае очередного мятежа в польской столице, а с другой стороны, прикрывала важную переправу через Вислу. Названная в честь Паскевича, крепость 2-го класса Ивангород (нынешний Демблин) сооружалась, начиная с 1837 г., при слиянии рек Вислы и Вепржа. Она прикрывала австрийское направление, обеспечивала переправы на Висле и служила базой для развертывания русских сил в южных воеводствах Польши[217].

Следующий эшелон крепостей включал Динабург, Брест-Литовск и Замостье. Динабург был крепостью 2-го класса и в первую очередь играл роль укрепленной переправы на Западной Двине, а также прикрывал шоссе, идущее из Варшавы на Петербург. Возведение первоклассного Брест-Литовска началось в 1832 г. одновременно с Новогеоргиевском и Александровской цитаделью. Крепость строилась при слиянии рек Буг и Мухавец и обеспечивала безопасность сухопутного пути вглубь России к

северу от Полесья. Второклассное Замостье на правом берегу Вислы в Люблинском воеводстве прикрывало со стороны Австрии стратегическое шоссе Варшава – Брест – Киев, связывавшее Царство Польское и Волынь и проходившее через опасное дефиле вдоль Припятских болот.

Таким образом, правый фланг русского крепостного района обеспечивали Новогеоргиевск и Динабург, левый – Ивангород и Замостье, в центре располагались Александровская цитадель и Брест-Литовск. В третьем эшелоне, служившим тылом для выдвинутой на запад передовой стратегической позиции, соответственно, к северу и югу от практически непроходимого для регулярных войск Полесья, находились крепости Бобруйск и Киев.

Коммуникации на западном стратегическом направлении также сходились к Польскому выступу. На Варшаву с востока вели четыре основных маршрута (шоссе из Ковно, Белостока, Брест-Литовска и Люблина). А из центрального района Варшава – Новогеоргиевск расходились дороги на Краков и Ивангород (на юг), на Калиш, Познань и Торн (на запад), на Млаву и Кёнигсберг (на север).

Часть этих шоссе появилась еще до войны 1830–1831 гг.[218] Однако основные работы по созданию дорожной сети между крепостями Динабург, Новогеоргиевск, Ивангород, Замостье, Брест-Литовск и Варшавской цитаделью были проведены в 1832–1839 гг. под руководством генерал-майора Х.Х. Христиани[219]. Пути сообщения Царства Польского с 1815 г. находились в ведении Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, а с 1832 г. – Дирекции путей сообщения[220].

Восемь важнейших дорог общей протяженностью в 2000 верст строились за счет средств польского банка, а также шарварковой повинности местных жителей, предполагавшей использование крестьян на работах по ремонту дорог, плотин и мостов.

Постепенно дороги строились и в тылу. В 1842 г. было построено Рязанское, в 1845 г. – Московско-Нижегородское и Ярославское шоссе. В 1850 г. завершилось строительство Новгородско-Псковского шоссе, а в 1851 г. – шоссе от Москвы до Брест-Литовска. В 1853 г. было завершено строительство Киевского и Двинского шоссе. Последнее являлось продолжением Ковенского. К 1855 г. достроили Рижско-Таурогенское и Крымское шоссе[221].

19 января 1836 г. от министра финансов графа Е.Ф. Канкрина императору Николаю I поступила особо секретная 60-страничная записка, имевшая название «Об оборонительном положении западной границы России по стратегическим видам».

Составлению доклада предшествовал личный разговор императора с министром финансов, после чего последний получил разрешение на изложение своих мыслей в письменном виде[222].

Доклад Канкрина представляет особенный интерес в том числе и по той причине, что роль Егора Францевича как военного деятеля не получила широкого освещения в отечественной литературе[223], хотя в годы войны с Наполеоном именно успешная служба будущего министра финансов в качестве генерал-интенданта русской армии обеспечила стремительный взлет его карьеры. В годы николаевского царствования Канкрин вошел в узкий круг ближайших доверенных лиц и советников императора.

Вследствие традиционной ограниченности финансовых ресурсов России военное планирование было неразрывно связано с ясным определением места, значения и роли крепостей в русской стратегии. Постепенно в ближайшем окружении императора Николая I по данному вопросу сформировались две основные точки зрения.

Сторонники первой исходили из перспективы маневренной войны в Европе, и потому считали создание мощной и боеспособной армейской группировки наиболее гибким, политически целесообразным и наименее затратным решением. В случае наступательной войны боевое управление Большой Действующей армии должно было в максимально сжатые сроки обеспечить мобилизационное развертывание русских корпусов и выдвижение войск на запад с целью последующего соединения с германскими союзниками. В случае оборонительной войны быстрая мобилизация Действующей армии и концентрация ее сил на западной границе позволяла сокрушить противника в полевом сражении и не допустить его прорыва в центральные районы России.

В обоих случаях немногочисленные крепости должны были сыграть вспомогательную стратегическую роль. Они были призваны служить опорными пунктами на коммуникационных линиях, быть укрепленными складами и исходными базисами как для наступательных, так и для оборонительных операций.

Число их должно было быть строго ограничено, строить их сторонники данной концепции предполагали лишь на наиболее важных стратегических направлениях.

Другая точка зрения высказывалась всемирно известным военным теоретиком и историком А.-А. Жомини[19], который рекомендовал придерживаться русской версии системы выдающегося французского инженера-фортификатора С.П. де

Вобана, то есть ратовал за создание мощного и хорошо продуманного крепостного района, обеспечивавшего западную границу от внешнего вторжения. Эта идея не нашла поддержки в высших военно-политических кругах России. В то же время анализ стратегических взглядов Жомини крайне важен для правильного понимания тех исходных предпосылок, на которых строилось русское военное планирование в эпоху, предшествующую Восточной войне 1853–1856 гг.

В 1843 г. в ходе секретного совещания, участие в котором приняли император, Паскевич, военный министр князь А. И. Чернышёв, генерал-адъютант А.-А. Жомини и наследник престола великий князь Александр Николаевич, проект выдающегося швейцарского теоретика был отвергнут. Из текста записки Канкрина, представленной Николаю I семью годами ранее, очевидно следует, что министр финансов полностью поддержал бы такое решение.

Записка министра финансов затрагивала в первую очередь теорию и практику крепостного строительства. На пороге великих реформ, оглядываясь на николаевское время, Д. А. Милютин, военный министр Александра II, в своем программном докладе от 15 января 1862 г. убеждал императора в том, что долговременные фортификационные сооружения, стоившие России десятки миллионов рублей, на западной границе возводились фактически без какого-либо четкого плана, что строительство это имело под собой лишь «живое впечатление 1830 г.»[224]. Таким образом, ставилась под сомнение сама возможность увидеть преемственность между военно-стратегическими проблемами пореформенной эпохи и николаевским тридцатилетием. К сожалению, в отечественной историографии развернувшаяся в 1830-1840-е гг. широкая полемика по данному вопросу практически не изучалась.

Канкрин представил последовательный очерк всех крупных русских крепостей на западе, при этом он специально подчеркивал, что не стал описывать крепости на турецкой границе, на Кавказе и в Финляндии. Опустил он также соображения, касавшиеся обороны на Белом, Балтийском и Чёрном морях.

Оценка Польши и Западного края как потенциального театра военных действий привела графа Канкрина к выводу, что «собственно для защиты не нужно нам крепостей». Министр полагал, что крепости на западе «могут быть полезны только для подкрепления операций или по видам внутреннего спокойствия»[225].

В основе этого мнения, безусловно, лежали соображения

финансового характера. 1834–1835 гг. прошли в жарких спорах министра с Паскевичем и императором Николаем относительно сокращения бюджета армии в Польше. Николай поддержал Паскевича, доказывавшего невозможность этого шага. Не сумев урезать расходы на содержание сухопутных войск, Канкрин попытался изыскать возможность экономии за счет сокращения крепостного строительства. Отчасти игнорируя политические и военно-стратегические обстоятельства в угоду своим ведомственным интересам, министр финансов заявлял, что «строить против поляков еще крепости – это уже не соответственно действительным потребностям»[226].

Спустя год автор записки вновь вернулся к этому вопросу. На этот раз он постарался обосновать свое мнение более обстоятельно, умело сочетая финансово-экономические и военно-политические доводы.

Возведение долговременных фортификационных сооружений являлось наиболее затратным элементом военной инфраструктуры на западе. Граф Канкрин жаловался, что для покрытия военного бюджета он постоянно был вынужден прибегать к экстраординарным средствам. С 1827 по 1835 г. сумма расходов по нему возросла более чем на 50 млн рублей. Настойчивое желание министра финансов перенести расходы по содержанию Большой Действующей армии на баланс Царства Польского вызвали решительное противодействие князя Варшавского. Разоренная войной Польша при всем желании победителей была не в состоянии содержать расквартированные в ней русские войска. В записке от 8 марта 1834 г. Паскевич доказывал абсолютную невозможность содержать Действующую армию за счет одних лишь доходов Царства[227].

Канкрин с трудом соглашался с этими доводами, настаивая на необходимости перевести на бюджет Царства Польского наибольшую сумму расходов по содержанию расположенных там войск. Не дали положительных результатов и другие меры Канкрина по урезанию смет министерств и главных управлений, несмотря на то, что эти предложения были поддержаны в Государственном Совете[228].

Не могли найти отклика у Николая I и пожелания министра относительно совершенного прекращения войны на Кавказе либо немедленного усмирения восставших горцев, высказанные им в 1839–1840 гг. и накануне отставки в мае 1844 г.[229] По тем же причинам, связанным с невозможностью преодолеть дефицит бюджета империи без внешних заимствований, противился министр финансов расширению крепостного строительства на западе в первой половине 1830-х гг.

На протяжении большей части XVIII столетия западная граница Российской империи оставалась сравнительно безопасной.

Речь Посполитая, некогда могущественная восточноевропейская держава, в начале XVII в. едва не подчинившая себе Россию, переживала период тяжелого упадка. В 1795 г. в результате третьего раздела Польша прекратила свое существование как субъект международного права. Обширные территории Литвы и Правобережной Украины отошли под власть Петербурга.

Между 1795 и 1812 г. на западной границе России постепенно назревала опасность. Попытки Александра I в союзе сначала с Австрией, а потом с Пруссией в 1805–1807 гг. бросить французскому императору вызов на территории Центральной Европы, как хорошо известно, завершились неудачно. По мере того как военные, экономические и демографические ресурсы Европы консолидировались под властью французских завоевателей, опасность полномасштабного неприятельского вторжения в пределы России стремительно увеличивалась.

К 1810 г., то есть к тому моменту, когда опасность столкновения с главными силами наполеоновской армии сделалась очевидной, на западной границе России существовали только две относительно крупные крепости – Рига и Киев. Обе были разделены расстоянием более чем в 1000 верст. В наследство от Польши на вновь обретенных землях России досталось лишь несколько средневековых укреплений, которые были практически бесполезны в свете требований современной войны. Таким образом, огромные пространства вдоль границы были лишены долговременных оборонительных сооружений. Отсутствовали опорные пункты, в которых можно было бы безопасно сосредоточить войска и запасы[230].

В 1810–1812 гг. Рижская и Киевская крепости были экстренно отремонтированы и расширены. Между ними было решено возвести две новые крепости – Бобруйск и Динабург, а в дополнение к ним – вспомогательную Борисовскую укрепленную позицию. Перед самым началом войны возник Дрисский укрепленный лагерь, а затем, уже в ходе боевых действий, были устроены укрепленное депо в Себеже и укрепленная позиция в Полоцке[231].

В ходе кампании 1812 г. Бобруйск успешно выдержал осаду. Недостроенные Динабург и Борисов не сыграли практически никакой роли. То же произошло и с неудачно расположенным Дрисским лагерем. Несмотря на победоносное завершение войны, как писал автор подготовленного сто лет спустя юбилейного

очерка по истории русского военно-инженерного ведомства, «(18) 12-й год доказал, насколько оборона страны без заблаговременно подготовленных опорных пунктов истощительна и тягостна»[232].

В вопросе о роли и значении крепостей из опыта Отечественной войны был сделан вывод о том, что главная причина незначительного влияния укрепленных пунктов на исход боевых действий заключалась в импровизированном подходе к их возведению. Стало очевидным, что строительство мощных фортификационных сооружений в короткий срок совершенно невозможно. Их создание требовало не импровизации, а многих лет систематического и упорного труда.

Однако в 1815–1830 гг., по причине малой вероятности крупной войны в Европе, оборонительных приготовлений на западной границе также практически не проводилось. Лишь после подавления Польского восстания задача оборудования в инфраструктурном отношении передового военного театра на Висле приобрела в глазах Николая I особую важность.

В преамбуле своей записки, представленной на рассмотрение участников совещания 1843 г., Жомини оценил положение России на передовом Привислинском театре как надежное при существовавших на тот момент внешнеполитических условиях. Однако, по его мнению, при иных обстоятельствах политического и стратегического характера двойной сходящийся удар соединенных сил австрийской и прусской армии под основание польского выступа делал вероятным как поражение Большой Действующей армии в генеральном сражении, так и оставление ею Царства Польского.

Предложения выдающегося военного теоретика отталкивались не от реального внешнеполитического положения России по состоянию на 1843 г. С его точки зрения, это положение оставалось достаточно прочным и не предвещало в ближайшем будущем каких-либо опасных осложнений. «Конечно, если бы Россия хотела строить расчеты лишь на основании вероятного и недавних примеров, – утверждал Жомини в начале своей записки, – то, чтобы составить приемлемую систему защиты из того, что уже есть, ей было бы достаточно одного хорошего пункта в центре Литвы и двух других на севере Волыни, поскольку нельзя просчитывать боевые действия на этих обширных землях в тех же масштабах, что и в Германии и Франции, чьи столицы часто оказываются в 10 переходах от границы»[233].

Жомини имел в виду планомерную подготовку к отражению нашествия, по масштабам аналогичного наполеоновскому. В своих расчетах он специально закладывал наихудший вариант из

возможных стратегических комбинаций. В сценарии Жомини России предстояла война с коалицией германских держав, поддержанных Турцией и Великобританией. Как известно, в 1812 г. главные силы Великой армии в преддверии вторжения были сосредоточены в герцогстве Варшавском, однако источники комплектования и пополнения ее французского боевого ядра находились в двух тысячах километров от потенциального театра военных действий. Теперь же, по предположениям Жомини, исходные квартирные районы неприятельской армии должны были находиться в непосредственной близости от русских границ.

«Прошлое, – писал автор документа, – не может служить абсолютным правилом для вынесения суждений о будущем, ибо есть вероятность, что между Российской империей и европейскими державами могут произойти столкновения, не имеющие ничего общего с теми, что были в 1812 году. В самом деле, Австрия и Пруссия, появившиеся тогда в российских землях против своей воли, имея менее 50 тысяч людей и будучи лишь вспомогательными силами, однажды могут появиться здесь приблизительно с 500 тысячами солдат и имея базу не на Рейне, как армии Наполеона, а прямо у нас под носом – в Карпатах, у Позена, Торна, Грауденца и Кёнигсберга. И еще более значительное различие состоит в том, что, по всей вероятности, эти силы будут к тому же подкреплены Англией и могут иметь таким образом морскую империю»[234].

С его точки зрения, крепости были призваны решать пять взаимосвязанных задач:

1) защищать пути концентрического отступления войск вглубь страны;

2) защищать пути рокадного отступления вдоль границы, чтобы занять фланговую позицию по отношению к противнику.

3) содействовать контратакам, в особенности на коммуникациях противника;

4) крепости первой линии должны служить опорными пунктами для операций Действующей армии и, прежде всего, обеспечивать переправу через крупные реки;

5) крепости второй и третьей линии должны служить укрытиями для войск в случае их поражения, а также местом складирования провианта и различных запасов.

Жомини полагал, что для надлежащей подготовки двух потенциальных театров, лежавших, соответственно, к северу и югу от Полесья, России требуется возвести 7–8 крепостей на каждом из них в шахматном порядке[235]. «Если бы мы хотели, – отмечал генерал, – создать намного более ограниченную систему, сооружая лишь две крепости на севере и столько же на Волыни,

то могли бы оправдать это решение мыслью о том, что враг, возможно, никогда не проникнет в эти земли: но является ли это предположение приемлемым, раз мы говорим об этих территориях как гарантирующих против вторжения? В остальном же две крепости на каждом конце театра военных действий были бы, конечно, лучше голой равнины, хотя бы они в таком случае не являли собой законченной системы»[236].

С точки зрения Жомини, оценки возможных затрат, требующихся для выполнения столь широкой программы крепостного строительства, выглядели оптимистически. «Получая в свое распоряжение четыре миллиона серебряных рублей ежегодно, – писал он, – мы могли бы за 5 лет построить сразу четыре крепости, так как, в отличие от укреплений на Висле, нет необходимости облицовывать камнем крепости второй и третьей линии и снабжать их казематными убежищами от бомб, чтобы не пришлось за них опасаться, если они подвергнутся правильной осаде. Между тем эта сумма не была бы чрезмерной тратой для такой могущественной империи, как Россия»[237]. Завершиться строительная программа должна была не ранее чем через 20 лет.

Итак, в расчетах Жомини речь шла о заблаговременной подготовке к полномасштабному неприятельскому вторжению в пределы России. Швейцарский мыслитель имел в виду вражеское нашествие с целью завоевания европейской части империи и, следовательно, полного и окончательного ее уничтожения как великой военной державы. Он рассматривал случай, «который, кажется, мог бы привести к серьезному вторжению в Литву. Этим случаем была бы коалиция между всеми германскими державами против нас, так как Пруссия в одиночку никогда бы не отважилась на подобное предприятие: заручившись поддержкой Франции или Англии, она могла бы потревожить наши позиции в Царстве Польском, однако же никогда не решилась бы пойти в сторону Двины без поддержки Австрии»[238].

«Удачное расположение крепости у Новогеоргиевска, в сочетании с укреплениями в Варшаве, Брест-Литовске, Ивангороде и Замостье, – полагал в этом случае Жомини, – отразило бы все опасности первой атаки со стороны левого берега Вислы; однако же на правом берегу нам нечего противопоставить нападению, если только не одержать победу в полевой кампании или предпринять отступление к нашим прекрасным тет-де-понам»[239].

Ученому не составило труда доказать, что военная инфраструктура России, лежавшая в тылу передовой линии крепостей на Висле, была не готова к противодействию столь грозной опасности. С его точки зрения, было «необходимо

признать, что на всем театре к северу от Полесья наша армия не найдет опорного пункта, кроме как в Бобруйске, находящемся очень далеко от Новогеоргиевска и расположенном на нижней Березине в такой позиции, которая, действительно, имеет большое преимущество для занятия фланговой позиции, но слишком удалена от центра для остальных случаев»[240].

В тылу хорошо оборудованной оборонительной линии на Висле, опиравшейся на крепости Новогеоргиевск, Варшавскую Александровскую цитадель, Ивангород и Замостье, лежали обширные и гораздо более слабо оборудованные в инфраструктурном отношении пространства, разделенные Припятскими болотами на два самостоятельных театра. Русские крепости второй и третьей линии: Брест-Литовск, Динабург, Бобруйск и Киев – находились слишком далеко друг от друга, чтобы, опираясь на них, русская армия, в случае ее поражения в Польше, могла бы эффективно оборонять Литву и Правобережную Украину Кроме того, эти крепости пока еще не были соединены мощеными шоссе, а в Полесье отсутствовали пересекавшие болота рокадные дороги, что не позволяло русской армии, оборонявшей Волынь, Литву и Белоруссию, маневрировать по внутренним операционным линиям.

«Будучи вынужденными, – размышлял генерал, – защищать каждую из этих областей, и не упуская из виду опасное препятствие, их разделяющее, мы должны стараться придерживаться принципа сосредоточения, постоянно обеспечивая себе надежные линии отступления или операционные линии, над которыми с фланга нависают болота. В то же время с обеих сторон этой болотистой местности уже построены две крупные крепости: одна в Брест-Литовске, другая в Бобруйске. Первая будет важна при любых совместных операциях пруссаков и австрийцев, преследующих цель нанести серьезные удары между Вислой и Бугом. Она облегчила бы наше отступление в случае, если пруссаки, выйдя крупными силами на дорогу к Остроленке, смогут преградить нам путь на Белосток. Вторая (Бобруйск), хотя и кажется расположенной немного за пределами сферы вражеских предприятий, может, как мы уже сказали, принести большую пользу в качестве пункта для занятия фланговой позиции. Необходимость связать две эти крепости между собой послужила мотивом для начала строительства шоссе вдоль болот от Кобрина до Бобруйска. И всё же, полностью признавая большую пользу этого соединительного пути, мы бы, возможно, выразили желание, дабы он пролегал немного севернее – таким образом, чтобы проходить ближе к Слониму или Несвижу, и соединялся с дорогой на Белосток и Мосты…»[241]

К северу от Полесья Жомини предложил императору Николаю осуществить пять последовательных мероприятий по инженерной подготовке театра военных действий[242]:

1) соединить шоссе, ведущее из Белостока через Мосты в Минск, с дорогой, которая вела бы из Мостов в Несвиж;

2) провести шоссе из Белостока в Слоним;

3) построить 3 или 4 промежуточные крепости, которые будут одновременно надежными опорными пунктами для отступающей армии, послужат для фланговой позиции и смогут принести пользу в качестве исходных пунктов для контратак;

4) сформировать базу в верхнем течении Двины под Витебском или в его окрестностях;

5) выбрать в верховьях Днепра подходящий пункт, который был бы ориентирован на Бобруйск и одновременно дополнял бы фланговую позицию.

Вопрос относительно конкретных мест возведения крепостей и укреплений на переправах в записке Жомини до некоторой степени оставался открытым. Это объяснялось тем, что генерал лично не проводил рекогносцировок на местности и в своих расчетах полагался на топографические карты и описания, которые не всегда были точны. Поэтому Жомини, излагая сравнительные достоинства и недостатки различных пунктов, оставлял право окончательного выбора за императором Николаем.

В центральной части Литовско-Белорусского театра Жомини советовал укрепить Мосты, Несвиж, Минск и Вилейку. «Первая из крепостей, – считал автор записки, – будет расположена на большом изгибе, образованном рекой Неман над Гродно, и послужит опорным пунктом для нашего правого крыла, которое будет отходить через Белосток… Несвиж был бы крайне полезным укреплением-посредником, если бы вся армия оказалась призвана или вынуждена отступать к Бобруйску по Брест-Литовскому шоссе… Высокое стратегическое значение Минска бесспорно, так как он всегда будет центром всех военных операций в Литве…»[243] Вилейку Жомини предполагал укрепить, поскольку местность вокруг Вильно не позволяла построить там крепость.

Большое значение Жомини также придавал строительству речных переправ через Днепр, который как бы замыкал Литовско-Белорусский театр с востока. «Дабы в равной степени, – утверждал он, – укрепить и приумножить шансы на получение пользы от Бобруйска, было бы необходимо дополнить систему, на которую опирается армия и исходя из которой она действует, обеспечив ей надежную переправу через Днепр и не заставляя ее отступать до Киева в поисках оного, – то есть построив на этой

реке тет-де-пон на подходящем расстоянии. И здесь появляется выбор между тремя пунктами, а именно: Могилёв, Рогачёв и Горваль…»[244]

В своих планах Жомини готовился отражать одновременное нападение на Россию армий нескольких великих держав. Примечательно, что в его расчетах лишь Франция не значилась в числе активных противников и участников этого грандиозного завоевательного похода.

Проект Жомини содержал размышления, касавшиеся не только обороны Литвы, Волыни и Подолии, но и пространств, лежавших далеко на востоке. Генерал планировал строительство укрепленных тет-де-понов на переправах через Днепр около Орши, Могилёва, Рогачёва. Он также задумал обеспечить в инженерном отношении Днепровско-Двинский водораздел – естественный 50-километровый коридор, лежащий между Витебском и Смоленском, и ведущий непосредственно в центральные губернии России.

«Дабы принять разумное решение, – полагал генерал Жомини, – надо было бы знать, какую роль мы отведем Смоленску и Орше в общей системе обороны по направлениям от Москвы и от Витебска. Если восстановленный и превращенный в большой плацдарм Смоленск станет главным опорным пунктом этой обороны, – а по причине его большого отдаления от Бобруйска, мы хотели рассмотреть две другие крепости на Днепре, чтобы завершить систему обороны этого важного участка, – следовало бы укрепить Могилёв и Рогачёв из-за уже указанных нами взаимных преимуществ»[245]. Со стороны Двины этот сухопутный коридор должна была защищать крепость в Витебске либо Полоцке[246].

Затем Жомини переходил к анализу положения на противоположном театре, лежащем к югу от Полесья. «Вероятность вторжения со стороны театра к югу от Припяти, – полагал автор записки, – может изменяться в зависимости от случая – возможны четыре весьма различных между собой варианта войны: первый – только против Австрии; второй – против Австрии, объединившейся с Турцией и Англией; третий, еще более серьезный, был бы с уже упомянутой коалицией германских держав против нас; и, наконец, четвертый – с этой же германской коалицией в придачу к конфликту с Англией и Турцией. Учитывая настоящее состояние наших связей с этими столь разными державами, я хорошо знаю, что данные предположения похожи на вымысел, но политические связи по своей природе подвижны, и мы должны рассуждать именно ради более или менее отдаленного будущего. В четырех

вышеназванных гипотезах Волынь равным образом превратилась бы в решающий военный театр, так как снова именно туда Венское правительство двинуло бы если и не-все, то, по крайней мере, большую часть своих сил. Боевые действия на реке Прут, – делал вывод Жомини, – были бы более или менее серьезными, в зависимости от политических разногласий, которые будут иметь место, но всё же они всегда будут оставаться вторичными по отношению к действиям главных армий на границе Галиции»[247].

Для Волыни Жомини так и не смог окончательно выбрать пункт, наиболее подходящий для возведения укрепления. В его записке взвешивались достоинства и недостатки таких вариантов, как Луцк, Дубно, Заславль, Хмельник и Житомир. На Днепре, наряду с крепостью и защищенной переправой в Киеве, генерал советовал возвести один, а лучше два укрепленных тет-де-пона ниже по течению. Первым из них должна была стать крепость у с. Косинцы, что лежала бы в излучине, которую формирует Днепр напротив Переславля. Идею строительства крепости и переправы именно в этом районе горячо поддерживал и фельдмаршал И. Ф. Паскевич. Вторым укрепленным пунктом, по мнению Жомини, мог бы стать Кременчуг[248].

Помимо этого генерал планировал возвести промежуточную крепость между Днепром и границей с австрийской Галицией. «Не составляет труда, – писал Жомини, – определить сей промежуточный опорный пункт между Житомиром, Хмельником и Днепром: нет ни одного другого места, которое могло бы выполнить эту задачу так же хорошо, как Белая Церковь на реке Рось, – в чем можно убедиться, бросив хоть мимолетный взгляд на хорошо составленную карту».

Подольская губерния, Бессарабия и побережье Чёрного моря также рассматривались Жомини в качестве отдельного театра боевых действий, которому в случае войны могут угрожать как британская экспедиционная армия, так и сухопутные войска Австрии и Турции. «Какими бы ни были у нас сейчас отношения с правительством Вены и Лондона, – приходил к заключению генерал, – со временем они могут измениться… И вот здесь угрожающая деятельность Англии, освободившейся от войн в Китае и Афганистане, вполне может обратиться в сторону Босфора таким образом, что повлечет за собой конфликты. Следовательно, неудивительно было бы предположить, что однажды мы можем оказаться в состоянии войны с Турцией, в которую вмешаются Австрия и Англия, как они и хотели сделать в 1829 году…»[249]

Этот сценарий развития событий был очень близок к тому положению, в котором Россия впоследствии действительно

оказалась в ходе Восточной войны. «Всегда допуская, – предсказывал Жомини, – что австрийцы сосредоточат основные усилия на завоевании Волыни, оставим тем не менее вероятность, что они присоединят 25–30 тыс. чел. к турецким войскам – не только чтобы обеспечить их стойкость (ни капли которой у них без этого не будет), но также и чтобы таким образом добиться права руководить операциями. Англичане, со своей стороны, не будут бездействовать в этой войне; та роль, которую они сыграли в войне против французов как в Египте, так и в Испании, в достаточной мере доказала, что они не упустят возможности высадить экспедиционную армию численностью 12–15 тыс. чел. в эти прибрежные районы, чтобы, по крайней мере, разрушить наши порты и военно-морские базы. А что касается турок, то они могли бы задействовать в этой кампании около 40 тысяч человек»[250].

Для того чтобы обеспечить оборону Черноморского побережья, а также надежную локтевую связь между армиями, оборонявшими юг России и Волынь, Жомини выбирал между укреплением Брацлава, Ольвиополя, Вознесенска и Николаева[251]. Впрочем, возведение укрепления на данном стратегическом направлении Жомини не считал первоочередной задачей.

В заключительной части записки Жомини поместил таблицу, в которой он окончательно определял последовательность строительных работ для каждого из потенциальных театров военных действий.

Для северного театра это были[252]:

1) Мосты (нар. Неман);
2) Несвиж;
3) Рогачёв (нар. Днепр);
4) Минск;
5) Смоленск, Орша или Могилёв;
6) Витебск;
7) Вилейка.

Для южного театра, соответственно:

1) Житомир;
2) Луцк;
3) Косинцы (нар. Днепр);
4) Хмельник (нар. Южный Буг);
5) Белая Церковь;
6) Заславль.

Итак, предложения Жомини, в качестве исходной предпосылки, по сути, предполагавшие тяжелое поражение

Действующей армии, ее отступление с передового театра и заблаговременное строительство укрепленных пунктов, эшелонированных чуть ли не до Москвы, напоминали подготовку не к войне, но к военному апокалипсису, грозившему гибелью всему Российскому государству. Генерал в принципе не задавался вопросом о существовании как таковых шансов на выживание России в подобной войне. Скажем здесь, новая и новейшая история не знала прецедентов того, чтобы держава, сражающаяся против коалиции в составе всех остальных великих держав, не потерпела бы сокрушительное поражение.

Император Николай I направил проект Жомини на отзыв фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу. Князь Варшавский, относившийся к генералу Жомини с большим почтением, внимательно рассмотрел его предложения. С некоторыми из них Паскевич охотно согласился. «Мы, – утверждал фельдмаршал, – бесспорно, обладаем первой и очень сильной линией обороны на Висле. Не легкомысленно думать, что враг попытается ее преодолеть. Хотя он сможет в этом преуспеть лишь путем великих жертв, следует допустить гипотезу о том, что вследствие некоторых превратностей судьбы наша расстроенная проигранными сражениями армия оказалась бы вынуждена покинуть этот театр военных действий и искать убежища в пределах Империи. На этот случай следует определить, какая у этой армии будет база при отступлении, как обеспечить ее возможностью тут же вновь перейти в наступление»[253].

Вслед за Жомини, Паскевич не видел смысла строить первоклассные крепости в тылу передовой оборонительной линии. Вследствие большого удаления от границы противник не имел бы возможности подтянуть к ним осадную артиллерию и, как это было в 1812 г. под Бобруйском, оказался бы вынужден ограничиться лишь блокадой и наблюдением. Также Паскевич считал, что по протяженности оборонительных верков эти укрепления не должны быть очень крупными. «Будет достаточно, – заметил фельдмаршал, – построить их для гарнизона в 4–5 тыс. солдат, то есть чтобы они не занимали большей площади, чем Ивангород»[254].

На вопрос о том, действительно ли необходимо безотлагательно выработать план строительства системы фортификационных сооружений на тот случай, если русская армия потерпит поражение, оставит передовой театр на Висле и будет отступать вглубь страны, Паскевич решительно отвечал: «Да, именно сегодня нам следует определить пункты, в которых однажды будут возведены крепости»[255]. Он обосновывал это мнение необходимостью заранее определить точные направления

строящихся шоссейных дорог, призванных связать будущие укрепления.

Однако Паскевич не согласился с предлагаемыми Жомини масштабами крепостного строительства. «Принимая во внимание географическое положение Империи, – писал он, – большую протяженность ее западной границы, которая на протяжении 1 500 верст, с одной стороны, упирается в Балтийское море, а с другой – в Чёрное, я сделал вывод, что невозможно помышлять о том, чтобы покрыть всю эту линию крепостями. <…> По здравому рассуждению, я считаю, что опорные пункты должны находиться лишь только в центре. Я приписываю этому центру пространство между Новогеоргиевском, Белостоком и Брест-Литовском вплоть до Бобруйска и Днепра. Крайний правый фланг, то есть вся северная часть до Двины, укреплен не будет. На юге или на левом фланге я согласен на три крепости между заболоченным районом и Киевом»[256].

В дальнейшем состав совещания 1843 г. расширился. Помимо императора, Жомини и Паскевича, в нем приняли участие военный министр князь А. И. Чернышёв и наследник престола великий князь Александр Николаевич. Победа взглядов оппонентов Жомини была вполне объяснима. Строительство и содержание предложенного им крепостного района, состоявшего в общей сложности из 14–16 расположенных в шахматном порядке крепостей, легло бы на русские финансы непосильным бременем. В любом случае стоимость строительных работ, запланированных Жомини, практически гарантировано превысила бы первоначальную смету. Более того, стучавшаяся в двери эпоха промышленной революции уже в 1860-е гг. разом сделала бы все эти крепости устаревшими, а расходы на их возведение и содержание – бессмысленными.

Необходимость выделять большое количество крепостных гарнизонов ослабляла Действующую армию как минимум на 60 000 чел., то есть практически на четверть ее боевого состава[257]. Но снижение возможностей русской армии по ведению полевой войны было недопустимо, вследствие обязательств России перед ее германскими союзниками и необходимости гибко реагировать на изменение внешнеполитической обстановки в Европе.

В докладе от 22 апреля 1843 г. военный министр князь А. И. Чернышёв призывал сосредоточиться на строительстве рокадных, то есть проложенных параллельно границе, дорог через Полесье, обеспечивавших локтевую связь между Украиной и Литвой. Из предложенных Жомини 14–16 крепостей Чернышёв признавал действительно необходимыми лишь четыре: Минск, Пинск, Острог и Житомир. При этом крепости в Гродно и Брацлаве,

которые были бы также расположены к северу и югу от Полесья на предполагаемых выходах из болотных дефиле, обозначались Чернышёвым как желательные, но не требовавшие незамедлительного строительства. Таким образом, речь шла не о крепостном районе, а лишь об опорных пунктах на предполагаемых коммуникационных линиях через Припятские болота[258].

Тогда же, в апреле 1843 г., император Николай подвел своеобразный итог совещанию, согласившись с мнением военного министра практически по всем пунктам. Выдвинутую на запад передовую стратегическую позицию в Царстве Польском, опиравшуюся к тому времени на крепости Новогеоргиевск, Варшавскую Александровскую цитадель, Ивангород, Замостье и Брест-Литовск, Николай I предложил дополнить несколькими опорными пунктами и стратегическими шоссе в тылу по обеим сторонам Полесья[259].

Итак, во второй четверти XIX в. стратегические проблемы России имели неизбежную преемственность с более ранней эпохой, и опыт Наполеоновских войн мог убедительно это доказать. В 1805–1807 гг. военные неудачи России во многом стали следствием объективного стечения обстоятельств, лишь отчасти дополнявшихся таким субъективным фактором, как полководческий гений французского императора.

В ходе кампании 1805 г. Россия и Австрия выступили против Франции, не заручившись поддержкой Пруссии. Квартирные районы русской армии находились далеко на востоке, следовательно, ей потребовалось несколько месяцев, чтобы прибыть на театр войны. К тому времени как русские войска сосредоточились в Богемии, австрийцы под Ульмом уже потерпели сокрушительное поражение, что во многом предопределяло общую неудачу всей кампании. Катастрофические итоги аустерлицкой операции, в которой русские действовали лишь при ограниченной помощи остатков австрийской армии, увеличили масштабы первоначального поражения.

В 1806–1807 гг. ситуация практически зеркальным образом повторилась. Потерпевшая поражение Австрия не могла поддержать Пруссию и Россию. Снова, как и в прошлом году, возникла проблема запоздалого соединения русских войск с союзниками вследствие удаленности исходных районов их квартирования. Соображения престижа не позволяли прусскому командованию без боя отступить на восток для соединения с армией Александра I. Через неделю после начала наполеоновского вторжения, 14 октября 1806 г., прусская армия

была наголову разбита в двойном сражении у Иены и Ауэрштедта к западу от рубежа реки Эльбы, тогда как русские находились еще за Вислой, в Литве и Белоруссии. На втором этапе кампании вплоть до поражения под Фридландом в июне 1807 г. русская армия противостояла Наполеону, полагаясь лишь на собственные силы, поскольку от довоенной 200-тысячной прусской армии уцелел и сохранил боеспособность лишь небольшой корпус генерала А. В. фон Лестока.

Опыт двух неудачных кампаний подсказывал, что успешная борьба с наполеоновским господством в Европе требовала предварительного исполнения двух условий. Во-первых, три северные монархии должны были выступать единым фронтом. Во-вторых, к началу кампании русским войскам уже следовало находиться на театре военных действий.

Когда спустя шесть лет эти условия были выполнены, даже полководческий гений не позволил Наполеону избежать поражения. С декабря 1812 по апрель 1813 г., пользуясь тем, что гибель Великой армии вынудила Наполеона воссоздавать ее практически с нуля, Россия и присоединившаяся к ней Пруссия получили значительный выигрыш во времени. Союзные войска успели занять Германию вплоть до рубежа реки Эльбы и блокировать разрозненные французские гарнизоны у себя в тылу. В августе 1813 г. на стороне союзников выступила Австрия. Несмотря на переменчивость военного счастья и частые тактические успехи Наполеона, совокупное выступление против него армий трех континентальных держав позволило им в конечном итоге одержать решительную победу над Бонапартом в генеральном сражении под Лейпцигом. К концу 1813 г. с французской гегемонией в Германии было покончено.

На протяжении всего царствования Николая I высшей государственной политикой России, а также ее вооруженными силами руководило поколение ветеранов Наполеоновских войн, для которого драматический опыт поражений и побед русской армии являлся личным и потому крайне важным.

Неудивительно, что на рубеже 1830-1840-х гг. в рамках союза с Австрией и Пруссией перед Николаем I возникла традиционная задача сокращения сроков развертывания русских войск в Европе. Однако в отличие от ситуации начала века, наличие передовой стратегической позиции в Царстве Польском серьезно укрепляло положение России. Благодаря выдвинутому на запад операционному базису и сокращению сроков мобилизационного развертывания Действующая армия под командованием князя Варшавского могла поддержать прусских союзников до того, как их положение стало угрожающим.

Зимой 1839 г. из-за кризиса вокруг Бельгии Франция вновь стала рассматриваться как вероятный военный противник. Николай I решительно выступил против нарушения гарантированного международными договорами суверенитета Бельгии.

Оценивая возможность мобилизации Действующей армии, Паскевич пришел к выводу, что в случае европейской войны в нее должны войти примерно 175 батальонов, 400 эскадронов и 800 орудий. С прибавлением к этим частям вспомогательных войск, доведением полков до штатов военного времени и увеличением числа казачьих полков до 20 численность русской полевой армии на западном направлении должна была возрасти до 210 000–215 000 чел.

По мнению Николая I, ее примерный состав должен был включать Гвардейский, Гренадерский, I, II и III пехотные корпуса, а также II и III резервные кавалерийские корпуса[260]. Списочный состав данных сил доходил бы до 299210 чел. При этом налицо имелось 276 050 чел.[261]

Чтобы ускорить время перехода войск через границы, Паскевич предложил выдвинуть войска в пределах России на запад. При этом движение частей не должно было отличаться от ежегодного перемещения войск для занятий и работ[262].

После уточнения расчетов князь Варшавский был готов использовать для похода 223 батальона, 394 эскадрона и 648 орудий – общей численностью 257 633 строевых нижних чинов. Для пополнения войск до штатов военного времени призывалось 12815 бессрочноотпускных[263], приписанных непосредственно к Действующей армии. Этим строевой состав увеличивался до 270 228 чел. Регулярные войска усиливались 22 казачьими полками[264]. За спиной Действующей готовилась примерно 200-тысячная Резервная армия. Ее составляли IV, V и VI пехотные корпуса, резервная кавалерия и запасные войска. Эта армия должна была занять квартиры Действующей армии после ее ухода на запад. В случае крайней необходимости Действующая армия могла быть усилена IV пехотным корпусом. Несмотря на сравнительно высокую готовность, войска, находясь в своих квартирных районах, не могли перейти границу раньше чем через 19 недель после получения приказа. Если приказ был бы отдан в начале марта, то прусскую границу армия могла перейти в начале августа. Николай запрещал дробление войск на марше, чтобы исключить даже временное подчинение русских войск иностранным начальникам[265].

В сентябре 1840 г. фельдмаршал Паскевич отправился в Берлин для личных переговоров с недавно вступившим на

престол королем Фридрихом-Вильгельмом IV. Поводом для встречи послужил постепенно обострявшийся международный кризис, связанный с англо-французским соперничеством в Египте и обозначившейся угрозой французского реваншизма в Европе. Поскольку Австрия после смерти в 1835 г. императора Франца I и перехода реальной власти в руки регентского совета вступила в полосу относительной внутриполитической нестабильности, в Петербурге постепенно нарастали сомнения в ее союзоспособности.

Положение, при котором Россия и Пруссия в случае войны оказались бы вынужденными действовать против Франции без поддержки Вены, вызывало неприятные ассоциации с событиями 1806 г. и начальным периодом кампании 1813 г., даже несмотря на то, что великий Корсиканец давно лежал в могиле.

В те дни Паскевич писал Николаю, пересказывая ему содержание собственной беседы с королем: «Вашему Величеству, – сказал фельдмаршал королю, – надобно резерв, но нужно, чтобы оный был близко к Вам. Всю армию, мною командуемую, поставить на военную ногу, когда еще неизвестно, состоится ли война, дорого. <…> Неизвестность насчет австрийцев, которые до сих пор ничего не предпринимают, их теперешнее странное правление… <…>…Можно ли отдать одну Пруссию на первый натиск французов? Я боюсь Иенского сражения. Я знаю, что великого человека нету уже на челе французов; но многолюдством может быть заменен талант, а линия прусская очень растянута будет. В таком положении 80-тысячный резерв, который форсированным маршем может быть скоро около Лейпцига, не только не лишний, но может быть спасением и с другими прусскими корпусами действовать»[266].

В условиях, когда Австрия явно не спешила с военными приготовлениями, Паскевич 24 сентября 1840 г. предложил передвинуть русские корпуса на запад, чтобы поддержать Пруссию в случае угрозы ее Рейнским провинциям со стороны Франции. Фельдмаршал предложил перевести на военное положение I пехотный корпус, 6-ю пехотную и 2-ю легкую кавалерийскую дивизии II корпуса с таким расчетом, чтобы иметь возможность в течение 48 часов перейти границу. Свой передовой отряд Паскевич планировал усилить пятью донскими полками (с оставлением шестого в Царстве), иррегулярной бригадой и тремя донскими батареями. Всего это составило бы 67 000 чел., а с укомплектованием по штатам военного времени – 90000 чел. и 184 орудия. Фридрих-Вильгельм IV одобрил предложения русского главнокомандующего[267]. Создание такого передового отряда позволило бы в течение 48 часов двинуть в поход 66

батальонов, 64 эскадрона, 40 сотен и 184 орудия для первого подкрепления пруссаков.

Остальные силы II и III пехотных корпусов после передислокации их дивизий на запад также могли выступить в поход быстрее, чем по расчетам предыдущего года. Русский экспедиционный корпус должен был следовать не только до Одера, но и далее – к Лейпцигу, составляя резерв пруссаков. При этом 11-я пехотная и 4-я легкая кавалерийская дивизии IV корпуса по плану Паскевича должны были занять квартиры в Царстве Польском. Предполагалось, что Франция, узнав о русских военных приготовлениях, начнет действовать осторожнее[268].

Император Николай, со своей стороны, отнесся к идее создания передового отряда неодобрительно. Как и в 1839 г., он полагал, что эффект от появления русских войск в Германии должен быть сокрушительным, поэтому в его планах было двинуть в Германию три армейских пехотных корпуса, а также корпуса Гвардии и Гренадер, что должно было потребовать дополнительных переговоров с прусским правительством[269].

Военный министр А. И. Чернышёв в записке от 29 сентября 1840 г. указывал, что Военное министерство заблаговременно подготовило документы, необходимые для приведения на военное положение пяти пехотных и трех резервных кавалерийских корпусов вместе с Гвардией. Параллельно готовились планы выдвижения всех этих сил в Царство Польское и западные провинции[270]. Таким образом, речь шла о подготовке мобилизационного развертывания практически всех русских войск на западном стратегическом направлении.

Император решил отложить приведение войск в боевую готовность до декабря, то есть до прояснения внешнеполитической обстановки. Паскевич же, несмотря на нежелание Николая дробить русские войска, получил разрешение заготовить продовольствие для предполагаемого передового отряда. Ему отпускались необходимые 315 000 руб. серебром. Запрашиваемую Паскевичем сумму провели в счет сметы интендантства Действующей армии, дабы скрыть ее истинное предназначение[271].

Николай I считал неразумным лишний раз провоцировать французское правительство экстраординарными военными приготовлениями, но, с его точки зрения, кабинет Луи Филиппа в любом случае не должен был ставить под сомнение высокую готовность русской армии к войне[272].

В октябре 1840 г. в Департамент Генштаба поступило донесение военной разведки, извещавшее русское командование о начале широкомасштабных строительных работ по укреплению

столицы Франции. Для русско-прусского союза важность данных сведений заключалась в том, что превращение Парижа в мощную крепость делало невозможным повторение быстрой и решительной кампании по примеру 1814 г. Аналитическая записка утверждала, что укрепление Парижа увеличит риск войны, поскольку повысит уверенность французов в собственной неуязвимости[273].

В конечном итоге Николай I принял решение воздержаться от выдвижения корпусов вплотную к западной границе. Помимо внешнеполитических соображений, данный шаг был продиктован тем, что подготовку к выступлению в поход корпусам Действующей армии было бы удобнее проводить в своих постоянных квартирных районах. Поскольку в случае войны выдвижение на запад практически всей армии потребовало бы огромных продовольственных запасов, император просил Паскевича ускорить разработку конкретного плана проведения реквизиций[274].

С целью сокращения времени перехода корпусов через западную границу Николай приказал разработать план ускоренного выдвижения II корпуса через Торн, при этом за основу принимались маршруты и графики движения, составленные в ходе миссий Дибича и Нейдгарта в начале 1830-х гг., хотя признавалось, что точные пути следования войск «теперь еще не могут быть определены»[275].

1 октября 1840 г. Паскевич констатировал, что в этом году Россия готова к войне лучше, чем была в 1839 г. Зналось пополнить парки и подготовить для них лошадей[276]. Различие планов общего развертывания весной 1839 г. и осенью 1840 г. заключалось, главным образом, в характере использования IV пехотного корпуса. Если расчеты 1839 г. предполагали его расквартирование в Польше, то в 1840 г. корпус оставлялся на турецкой границе ввиду возможных внешнеполитических осложнений по причине продолжавшейся Второй турецко-египетской войны 1839–1841 гг.

О том, какими войсками заменить данный корпус, предложений не поступало. «Впрочем, – писал Чернышёв в докладе Николаю I, – вопрос этот, зависящий от повременных обстоятельств и положения дел, неотлагательного разрешения не требует»[277].

С подписанием Лондонской конвенции 1841 г. международный кризис был преодолен, и опасность большой войны временно отступила. Однако задача быстрого соединения с прусскими войсками в Германии оставалась в центре внимания русского военного планирования на протяжении 1840-х гг., так же

как и 1830-х гг.

После Июльской революции 1830 г. отношения России с Францией складывались в целом неприязненные. Ответом на возобновление союза России, Австрии и Пруссии в 1833 г. стал союзный договор Великобритании, Франции, Испании и Португалии от 22 апреля 1834 г.

Потенциально опасный для России англо-французский альянс в 1830-1840-х гг. в силу инерции двухвекового соперничества Лондона и Парижа не казался прочной политической конструкцией. В ходе Русско-польской войны 1830–1831 гг., при начале завоевания Францией Алжира в 1830 г., во время Восточного кризиса 1833 г., Второй турецко-египетской войны 1839–1841 гг. и марокканского кризиса 1844 г. в отношениях Лондона и Парижа попеременно наблюдались признаки как потепления, так и охлаждения. Вопрос о том, какая из этих двух тенденций международной политики одержит верх, долгое время оставался открытым.

В отношениях России с Великобританией опасные кризисы и военные тревоги, периодически возникавшие в 1830-е гг. в связи с соперничеством в Азии, например, известная английская провокация, связанная с направлением к кавказским берегам шхуны «Виксен» в 1836–1837 гг.[278], сменились после заключения Лондонской конвенции 1841 г. тенденцией к некоторому сближению.

Вторая турецко-египетская война 1839–1841 гг., в ходе которой Великобритания поддерживала турецкого султана, а Франция своего давнего союзника, правителя Египта Мухаммеда Али, спровоцировала резкое обострение франко-британских отношений. В этом противостоянии Париж столкнулся с угрозой международной изоляции, поскольку не смог заручиться поддержкой со стороны других континентальных держав. Первая Лондонская конвенция была подписана Великобританией, Россией, Пруссией, Австрией и Турцией 15 июля 1840 г. без участия Франции. Помимо условий урегулирования турецко-египетского конфликта, конвенция содержала принятую по инициативе российской стороны статью о закрытии Черноморских проливов для всех иностранных флотов в мирное время. Спустя год, 13 июля 1841 г., Вторая Лондонская конвенция, на этот раз заключенная с участием Франции, подтвердила принцип закрытия проливов в мирное время.

Лондонские конвенции 1840–1841 гг. фактически отменяли преимущественное положение России на проливах и в акватории Чёрного моря, установленное Ункяр-Искелесийским договором 1833 г. Двусторонний русско-турецкий договор оказался

пересмотрен в пользу международного трактата, провозглашавшего принцип закрытия проливов для прохода боевых кораблей всех держав в мирное время.

В историографии не существует единого мнения относительно результатов Лондонских конвенций с точки зрения государственных интересов России. В работах С. С. Татищева, С. Горяйнова и В. А. Георгиева Вторая Лондонская конвенция 1841 г. представлялась важнейшей вехой на пути последовательного снижения русского влияния в Константинополе[279]. Также обоснованным выглядит указание О. Р. Айрапетова на то, что принцип закрытия Проливов для прохода боевых кораблей в реальности защищал черноморское побережье России лишь в мирное время, становясь бесполезным в условиях войны[280].

Однако в пользу более осторожной оценки краткосрочных и долгосрочных последствий Лондонских конвенций[281], которой придерживается в своей работе В. В. Дегоев, говорит то обстоятельство, что, с учетом реального соотношения морских сил в регионе, решение пересмотреть двусторонний русско-турецкий договор в пользу международного дипломатического соглашения, как утверждал историк Дж. Дейли, имело для николаевского правительства в значительной степени вынужденный характер[282].

Как полагает В. В. Дегоев, с точки зрения британской стратегии «неуязвимость, гарантированная России закрытием Проливов, автоматически обеспечивала внешнюю политику Николая I средствами агрессии. И тут уже не имело особого значения – намеревался ли он воспользоваться ими или нет. Для Запада было бы недопустимой роскошью ставить свои интересы в зависимость от доброй воли Николая I, даже когда она совершенно не подвергалась и не подлежала сомнению»[283].

К концу 1830-х гг. для России значение прежнегоУнкяр-Искелесийского договора в военное время становилось всё более сомнительным[284]. Неслучайно уже в январе 1834 г., менее чем через год после подписания соглашения, Николай I считал вероятным отказ турок от исполнения своих обязательств по договору в случае разрыва России с морскими державами[285].

Важным, хотя и косвенным свидетельством того, что Вторая Лондонская конвенция воспринималась в Петербурге отнюдь не как поражение русской дипломатии, но, скорее, как благополучный и, в отличие отУнкяр-Искелесийского договора, признанный морскими державами итог длительной борьбы за установление относительно благоприятного для России режима на Проливах, служит последовавшее вслед за договором троекратное сокращение расходов по морскому ведомству. Если в

1839 г. они составляли 37,7 млн руб. в год, то в 1840 г. расходы на флот были сокращены до 11,6 млн руб. и в дальнейшем вплоть до 1853 г. уже не превышали 20 млн руб.[286]Что характерно, русско-турецкий договор 1833 г. вообще не сопровождался сколь-нибудь серьезными изменениями в бюджетной смете Морского министерства.

Решив задачу превращения России в третью морскую державу мира в первое десятилетие царствования, император Николай Павлович в дальнейшем постепенно утрачивал былой интерес к флоту. В общей сложности в николаевское тридцатилетие было построено 69 линейных кораблей, 47 фрегатов, 10 паровых фрегатов, 43 парохода и около 600 малых кораблей и судов. Но если в 1830-е гг. в строй вводилось по 7-10 линейных кораблей ежегодно, то затем темпы строительства резко сократились, и к 1840-м гг. на воду спускали лишь два линейных корабля, один фрегат и три малых судна ежегодно[287].

Во второй четверти XIX в. союз России с Австрией и Пруссией, с одной стороны, имел изрядный запас прочности, поскольку базировался на идее выгодного для всех трех консервативных держав сохранения политического статус-кво в Центральной и Восточной Европе. С другой стороны, сплачивавшая союзников память о совместной борьбе против французской экспансии едва ли могла остановить медленное, но неуклонное развитие центробежной тенденции внутри союза, связанной с ростом германского национального движения.

Австрия после смерти императора Франца I в 1835 г. оказалась временно ослаблена тем, что реальная власть перешла в руки регентского совета, в котором исключительное положение князя Меттерниха было подорвано конкурирующими придворными партиями.

В Пруссии испытанный союзник России король Фридрих-Вильгельм III, несмотря на создание под эгидой Берлина Германского таможенного союза, практически не сочувствовал идее политического объединения немцев[288].

Однако при его наследнике постепенный рост в общественном мнении Германии враждебных России настроений мог обернуться для Петербурга крупными неприятностями. Также сохранялся риск того, что однажды Франция найдет возможность предложить Берлину более выгодные условия союза, под прикрытием которого задача политического объединения немцев в глазах либеральных кругов Пруссии станет легче осуществимой.

Постепенно в русско-прусских отношениях стали возникать едва заметные трещины. Король оказался вынужден лавировать между конституционными ожиданиями либералов, стремившихся

к объединению Германии, и консервативными настроениями придворных кругов и генералитета.

Николая I раздражала непоследовательность и нерешительность шурина, а также его попытки перехватить у «демагогов» опасное оружие германского национализма[289]. В письмах 1840–1845 гг. император не раз делился с Паскевичем своими опасениями относительно последствий такой политики для прусской монархии[290]. Впрочем, вплоть до марта 1848 г. прусский союзник ни разу не давал России действительно серьезных поводов для недовольства.

Как отмечал герой войны 1812 г., двоюродный брат императора Николая и один из самых преданных сторонников России в Европе герцог Евгений Вюртембергский, «объединение Германии всегда будет иметь надобность во внешнем пугале. Ненависть к французам слишком устарела и потому необходимо возбудить мысль об опасности со стороны России, хотя все убеждены в противном»[291].

Исторический опыт также вынуждал считаться с собой. Всего несколькими десятилетиями ранее совместное участие трех северных монархий в антифранцузских коалициях не помешало Пруссии и Австрии в определенный момент подчиниться Бонапарту и выставить в 1812 г. против России экспедиционные корпуса общей численностью 50 000 чел. Прусский корпус генерала Л. Йорка фон Вартенбурга вступил на территорию Курляндии и Ковенской губернии, австрийские же войска князя К. Ф. фон Шварценберга вторглись на Волынь, хотя в соответствии с секретным соглашением и воздержались от активных боевых действий[292].

Недружественную по отношению к России позицию австрийский кабинет занял и во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Перед ее началом нейтралитет Австрии не был гарантирован. Австрийские войска под предлогом маневров были сосредоточены в Трансильвании. Уверенности в том, что эти маневры не закончатся вторжением в Валахию, не было. Общая численность войск, собранных в Венгрии и Галиции, к началу 1828 г. доходила до 70000 чел.[293]Для обеспечения тыла русской Дунайской армии потребовалось сформировать в Царстве Польском обсервационную армию под командованием великого князя Константина Павловича. В ее состав вошли польские войска, два пехотных армейских корпуса, гвардейская пехота, два сводных и два резервных кавалерийских корпуса[294].

Отсутствие решительных успехов в ходе кампании 1828 г. на Дунае, концентрация австрийских сил в Трансильвании и Галиции, а также начавшаяся подготовка к мобилизации прусских

войск в Познани открывали перед Россией весьма неблагоприятную перспективу. В Вене положение русской армии на Балканах сравнивали с катастрофическим отступлением французов из России в 1812 г.[295]В случае поддержки Пруссией возможного австрийского вторжения в Польшу расквартированные там русские войска могли оказаться в большой опасности. Наместник Царства Польского великий князь Константин Павлович сообщал Николаю I, что донесения разведки свидетельствуют о мобилизации Пруссией V и VI армейских корпусов. Однако цель этих приготовлений не была до конца ясна, поскольку 100-тысячная прусская армия в Силезии, Познани и Саксонии равным образом могла угрожать и Царству Польскому, и австрийской Богемии[296].

В 1828–1829 гг. Пруссия и Франция категорически отказались поддержать планы Меттерниха, рассчитывавшего втянуть в русско-турецкий конфликт нейтральные государства[297]. Король Карл X заявил своему послу в Лондоне князю Ж.-О.-А.-М де Полиньяку, что объявит Австрии войну в случае ее нападения на Россию[298]. При таких обстоятельствах Вена уже не могла позволить себе активные действия и вынуждена была отступить.

По этой причине даже возобновление союза континентальных монархий осенью 1833 г. не позволяло России полностью исключить возможность в обозримом будущем враждебных действий со стороны германских соседей.

В ходе военно-политических совещаний 1836 и 1843 г., при практически полном согласии Николая I, Паскевича, Чернышёва и Канкрина в вопросах крепостного строительства, подобного единства взглядов между ними уже не было, когда речь заходила об оценке Польского театра с точки зрения перспективы оборонительных операций.

Если император и Чернышёв в апреле 1843 г. полагали, что передовая позиция на Висле представляет огромную выгоду как при наступательной, так и при оборонительной войне, то Канкрин и Паскевич не во всем разделяли их оптимизм. Князь Варшавский в записке «Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск», составленной в штабе Действующей армии 11 мая 1845 г., центральное место выделил рассмотрению факторов, осложнявших, по его мнению, положение русских войск в Польше.

Русский главнокомандующий размышлял на ее страницах над теми обстоятельствами, которые могли бы его вынудить к отступлению с передового театра в случае неудачной войны с Пруссией – ближайшей в те годы союзницей России[299].

Записка начиналась с анализа соотношения сил на

потенциальном театре войны. При этом вопрос о сроках боевого развертывания русских войск был для Паскевича неотделим от проблемы обеспечения передового театра войны в инженерном отношении.

Положение России осложнялось длительным сроком сосредоточения ее войск в Царстве Польском, что на первых порах могло дать пруссакам значительное численное превосходство. «Полагается, – писал фельдмаршал, – что для обращения войск обоих государств на военное положение нужно сроку примерно от 6 до 8 недель, и что немедленно по истечении оного войска выступят из настоящих квартир своих»[300].

Паскевич предполагал, что «через 26 дней после выступления из постоянных квартир пруссаки могут двинуть к Новогеоргиевску… 149 000 чел. и 560 орудий»[301]. Таблицы, прилагавшиеся к записке, показывали, что первые 76 дней (то есть почти 11 недель) с момента выступления противоборствующих армий из своих квартир прусская армия сохраняла бы над русской значительное численное превосходство, и лишь с 77 дня соотношение сил изменилось бы в пользу России. Между тем предварительное приведение войск на военное положение непосредственно в районах расквартирования заняло бы еще 6–8 недель.

В своих расчетах сроков прусской мобилизации штаб Большой Действующей армии ориентировался на официальные данные, поступавшие из Берлина. Так, в конце 1840 г. по поручению короля прусский военный министр генерал-майор И. фон Раух доверительно сообщил Николаю I о планах, составлявшихся на случай войны с Францией. С их содержанием был ознакомлен и князь Варшавский. Из этих материалов следовало, что для сосредоточения на Рейне шести армейских корпусов Пруссии необходимо два месяца. Сосредоточение девяти корпусов (то есть практически всей тогдашней прусской армии) требовало дополнительно еще трех недель[302].

Масштабное использование противником железных дорог для ускорения мобилизации в 1840-е гг. еще не предусматривалось, хотя в России уже с середины 1830-х гг. проявляли интерес к возможностям нового вида транспорта. Первая железная дорога Берлин – Потсдам была построена в Пруссии в 1838 г., на год позже, чем дорога Петербург – Царское Село в России, но затем Пруссия значительно обогнала ее по темпам железнодорожного строительства.

Развитие техники существенно опережало накопление опыта ее практического использования в военных целях. Мобилизации, проходившие в Пруссии в 1848–1850 гг. и 1859 г., фактически

оказались сорваны по срокам. Оба раза, вследствие организационных промахов в использовании железнодорожного транспорта, пополнение действующих войск до штатов военного времени, а также развертывание резервных и ландверных частей не были своевременно обеспечены[303].

По-видимому, опасения Паскевича насчет возможного запаздывания сосредоточения русских войск в Польше были всё же несколько преувеличены. Но тем не менее расчеты фельдмаршала относительно времени, необходимого пруссакам, чтобы собрать армию на своих восточных границах, а также оценка им возможной численности этих войск если и не являлись абсолютно точными, то как минимум были серьезно обоснованными.

Оценив силы и примерные сроки развертывания противоборствующих армий, русский главнокомандующий переходил в своей записке к анализу возможного хода боевых действий. Прусское наступление представлялось Паскевичу в виде сходящегося движения двух неравных по численности группировок с севера и запада. Относительно немногочисленные войска прусского правого крыла (34000 чел. с 192 орудиями) могли перейти в наступление с запада, нанося удар от Познани в направлении Новогеоргиевска и Варшавы. Левое крыло, более чем втрое превосходя по силе правое (115 000 чел. с 368 орудиями), нанесло бы главный удар из Восточной Пруссии от Торна через Млаву на Сероцк и Новогеоргиевск[304].

С точки зрения основ оперативного искусства, или, как его именовали в середине XIX в., высшей тактики, принимать сражение в таких условиях не представлялось возможным. Положение русской армии в Царстве Польском на протяжении первого месяца войны практически исключало успешную оборону края. Даже пользуясь выгодным расположением у крепости Новогеоргиевск, то есть находясь в центре между выполнявшими охват прусскими армиями, русская сторона «в первые 24 дня после выступления пруссаков из Торна и Познани» могла собрать лишь 77 000 чел. и 248 орудий против 149 000 чел. и 560 орудий у противника.

Затруднения русской армии, по мнению Паскевича, проистекали из того, что «у пруссаков постоянное расквартирование войск гораздо более сосредоточено, нежели у нас»[305]. «Столь неравная борьба, – признавал он, – подвергла бы помянутые войска наши величайшей опасности: неприятелю было бы легко припереть их к Новогеоргиевску и совершенно отрезать от России или, по крайней мере, отбросить с величайшей потерей на Волынь, тогда как главные подкрепления должно нам ожидать

через Литву»[306].

В начале войны, таким образом, русская армия не смогла бы сравняться с противником и по численности полученных подкреплений. Неприятель сохранял бы превосходство в силах на протяжении месяца, даже если бы не отправил на театр войны VII и VIII армейские корпуса, расположенные в мирное время на Рейне, и более двух месяцев, если бы эти корпуса всё же появились на театре войны.

В подобных обстоятельствах, считал Паскевич, не было иного выхода, кроме сдерживания противника и организованного отступления. То есть «нам ничего бы не оставалось делать другого, – утверждал Паскевич, – как стараться замедлять их следование авангардами, действующими против обеих колонн их, и с приближением первой к Сероцку, оставив гарнизоны в Новогеоргиевске, Александровской Цитадели, Замостье и Ивангороде, отступать к Литве»[307]. Из контекста записки следует, что в случае вторжения прусских войск неоднократно упоминавшийся Паскевичем и Николаем I «авангард» развернутой под Новогеоргиевском русской армии после перемены фронта и начала организованного отступления из польского выступа по существу должен был стать арьергардом.

Крепости Царства Польского следовало обеспечить достаточными для надежной обороны гарнизонами. Крупнейшая из них – Новогеоргиевск – требовала, по расчетам фельдмаршала, не менее 14000 чел. для защиты верков в случае осады. Располагаясь на узловых коммуникационных пунктах, крепости должны были замедлить темпы неприятельского наступления. Судя по замечаниям, оставленным на полях записки, Николай I полностью согласился с мнением фельдмаршала.

Признавая, что прусское наступление вынудит его «временно отступить из Царства Польского» навстречу выдвигавшимся с востока резервам, князь Варшавский вместе с тем намечал шесть конкретных мер, призванных улучшить положение русской армии в начале войны[308].

Прежде всего, главнокомандующий предлагал «провести новое шоссе по левому берегу Буга до окрестностей Нура, а оттуда до места, где шоссе из Бреста в Бобруйск пересекается рекой Щарой»[309]. Кроме того, он считал необходимым, при неизбежности войны, возвести на месте пересечения нового шоссе с р. Буг два мощных полевых предмостных укрепления. Опасения фельдмаршала за операционную линию русских войск в Царстве Польском нельзя не признать основательными. В случае вторжения неприятельских войск из Восточной Пруссии сообщение с Литвой по шоссе Белосток – Гродно – Вильна –

Динабург становилось ненадежным. Отступление же русских войск по шоссе Варшава – Брест, как и отступление на Волынь, означали бы добровольное очищение Царства Польского, и потому были крайне нежелательны. Наконец, движение в любом направлении, кроме литовского, отдаляло соединение с резервами. Предпочтительным, по мнению Паскевича, являлось направление Варшава – Нур – Бобруйск. Преимущество этого маршрута, несмотря на то что движение по нему было также связано с очищением Польши, заключалось в наличии прикрытого с севера рекой Буг пути отступления на восток.

Мысль о строительстве предмостного укрепления на Буге в районе Нура, скорее всего, была навеяна опытом последней кампании против поляков. Именно у Нура и Брока в январе 1831 г. армия Дибича форсировала Буг, вынудив мятежников отступать до самой Варшавы[310]. Таким образом, предложение фельдмаршала существенно повышало устойчивость всей операционной линии в случае войны с Пруссией.

Паскевич рекомендовал также «увеличить несколько число артиллерии в корпусах Действующей армии»[311]. Сравнительная таблица, помещенная в конце его записки, показывала, что на протяжении первых двух месяцев войны «мы будем иметь только 248 орудий, а пруссаки сперва 560, а потом 656»[312]. Поэтому следовало заблаговременно создать артиллерийский резерв, разместив в районе Бреста 96 батарейных и легких орудий. Число лошадей при батареях могло быть ограничено нормами мирного времени. В военной обстановке Паскевич брался снабдить батареи конским составом за счет

Царства Польского. При этом главнокомандующий считал необходимым иметь не менее 40 орудий на каждую пехотную дивизию. «Опыт 1812 г. и последующих годов, – напоминал он, – может почитаться доказательством, сколь полезно иметь много артиллерии при войсках. При дивизиях из 12 слабых батальонов мы имели тогда по 36 орудий; и можно сказать, что это превосходство в артиллерии доставило нам одно из главнейших средств к удачному отступлению, а потом и к успехам нашим»[313].

Третье предложение касалось изменений в расквартировании войск на Украине, а именно передислокации двух дивизий с их артиллерией от Днепра на запад Волынской губернии и одной артиллерийской бригады – на запад Подольской губернии. Благодаря этому, рассчитывал Паскевич, «при первых действиях наших около Вислы, нам можно будет противопоставить неприятелю целую пехотную дивизию и 64 орудия более, чем при настоящем расквартировании помянутых войск»[314].

Восполнять неизбежные в ходе боевых действий потери князь Варшавский советовал за счет сверхкомплектных невооруженных рядовых, «по примеру того, как было в 1815 г. при выступлении нашей армии во Францию»[315]. Подобное решение он признавал рациональным и не слишком затратным, так как для этих солдат «не потребуется ни штабов, ни офицеров, ни унтер-офицеров». Соответственно, в каждой из шести пехотных дивизий, расположенных в Царстве Польском, предлагалось дополнительно содержать по 50 человек в роте. Оружие для них хранилось бы в Новогеоргиевске и Бресте. В результате русские войска, столкнувшись с противником на Висле, получили бы еще 18 000 чел. подготовленных солдат. Вместе с тем, отмечал Паскевич, такая мера не влекла «за собой огласки, могущей возродить в Пруссии опасение, что мы против нее вооружаемся, чего, кажется, необходимо сколь можно более избегать»[316].

Пятое и шестое предложения фельдмаршала касались гарнизонов крепостей. Князь Варшавский настаивал на том, чтобы гарнизонные батальоны в Новогеоргиевске и Замостье содержались в полном комплекте, и желал, по примеру пехотных дивизий, «равномерно иметь в них на каждую роту по 50 сверхкомплектных рядовых»[317]. Он также просил увеличить в Новогеоргиевске число гарнизонных артиллерийских рот, поскольку надежная защита этой крепости имела ключевое значение для обороны Царства Польского.

Паскевич надеялся, что после реализации данной программы «число войск, с коими нам можно будет первоначально встретить неприятеля близ Новогеоргиевска, усилится, во-первых, целой пехотной дивизией и 64 орудиями по случаю перемены дислокации на Волыни; во-вторых, 18 000 рядовых, которые получатся от сверхкомплектно содержимых 50 человек в ротах шести пехотных дивизий, и, в-третьих, 96-ю орудиями предполагаемого особого артиллерийского резерва»[318]. Превосходство в силах, в случае начала предполагаемой войны, оставаясь на стороне прусской армии, становилось уже не столь безнадежным. Русская армия получала возможность «противопоставить первоначально 149000 чел. пруссаков с 560 орудиями 108 000 чел. с 408 орудиями»[319].

Все предложения главнокомандующего Большой Действующей армией были одобрены императором. Однако на практике в дислокации русских войск серьезных изменений не произошло. Планы строительства нового шоссе и создания артиллерийского резерва в районе Бреста остались нереализованными.

Сказывалась действительно низкая вероятность русско-

прусского конфликта в середине 1840-х гг. Расчеты Паскевича исходили из наихудшего для России сценария. Фельдмаршал готовился к борьбе практически со всей прусской армией (его записка предполагала вторжение в Польшу всех девяти армейских корпусов, включая гвардию). Учитывая натянутые отношения Берлина и Парижа в 1840-е гг., можно сказать, что подобное оголение западной границы Пруссии было практически невероятно. Таким образом, майская записка 1845 г. осталась лишь памятником русской стратегической мысли, основные положения которой не могли быть осуществлены немедленно.

Очевидные выгоды использования Польши как плацдарма для будущего наступления русских войск в Европе были столь значительны, что, по всей видимости, перевешивали в глазах фельдмаршала все риски, связанные с маловероятной угрозой наступления прусской армии на Висле. Когда же, как и предполагалось в соответствии с реальными военными планами 1830-1840-х гг., Австрия и Пруссия выступали в качестве союзников, Царство Польское давало русской армии очевидные преимущества как передовая позиция.

Глава 3
Преодоление военно-политического кризиса 1848–1850 гг. в Европе как проблема русской стратегии

Изучение характера русского военного планирования и анализ стратегических приоритетов, сложившихся в результате как дискуссий 1836, 1843, 1845 г., так и кризиса 1839–1841 гг., связанного с событиями в Бельгии и Второй турецко-египетской войной, позволяют лучше понять реакцию правительства Николая I на европейские революционные события 1848–1849 гг.

Принимая решения в области стратегии, император Николай I и фельдмаршал Паскевич могли опираться на серьезные достижения русской военной разведки. Получаемые с ее помощью данные играли значительную роль в военном планировании 1830-1840-х гг.

Несмотря на впечатляющие результаты своей работы в эпоху Наполеоновских войн[320], русская разведка, как и аналогичные военно-дипломатические службы других великих держав, всё еще не была институционально оформлена и не имела четкого места в структуре высшего военного управления. Высшая военно-политическая разведка России в европейских столицах, а также тактическая разведка в приграничной полосе на потенциальном театре войны были созданы лишь на время кризиса, вызванного борьбой с наполеоновским господством в Европе.

Сложный процесс создания постоянно действующей централизованной военной разведки, начавшийся приблизительно в 1820-е гг., до настоящего времени привлекал лишь весьма ограниченное внимание историков[321]. Значительную роль в ее становлении сыграл будущий фельдмаршал Ф. Ф. Берг, который в чине действительного тайного советника временно находился в те годы на дипломатической службе. Осенью 1822 г. по указанию

начальника Главного штаба князя П.М. Волконского им была написана инструкция по сбору военно-статистических сведений, предназначенная для русских офицеров и дипломатов, командированных за границу[322].

По всей видимости, эта инструкция вскоре затерялась в коридорах Министерства иностранных дел. В августе 1825 г., когда она срочно потребовалась в Главном штабе, отыскать ее не смогли. Тогда, специально для отправлявшегося в Европу полковника Гвардейского Генерального штаба А. М. Голицына, по приказу начальника Главного штаба И. И. Дибича была написана новая инструкция[323]. Составить ее начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютант А. И. Нейдгарт поручил генерал-майору А. А. Адеркасу.

Данная инструкция включала четырнадцать основных пунктов, которые должны были служить основой для систематизации сведений военного характера, собираемых за границей военным корреспондентом. Деятельность корреспондентов Военного министерства, в отличие от лазутчиков и тайной агентуры, носила подчеркнуто легальный характер. Поскольку служба их протекала в основном при посольствах и консульствах, по своему служебному положению они приближались к современным военным атташе. Донесения военных корреспондентов, наряду с дополнявшими их докладами из русских посольств и консульств, являлись для Департамента Генерального штаба в то время основным источником информации об иностранных армиях.

По мнению современного историка русской военной разведки М. Н. Алексеева, в те годы военных корреспондентов в Европе было не более пяти человек. При этом существовавшее в тот период понятие «корреспондент военного министерства» не являлось синонимом термина «военный корреспондент» в его позднейшем значении и относилось к сотрудникам российских представительств зарубежом, последних в ряде документов называли еще «корреспонденты Генерального штаба при посольствах»[324].

Инструкция 1825 г. ориентировала корреспондента на сбор не только военно-статистических, но и военно-исторических сведений. В первую очередь от него ждали информации о численности, организации и квартирном расположении войск, подробностей интендантского, провиантского и госпитального обеспечения иностранной армии. Особое внимание уделялось изучению системы комплектования войск личным составом. В задачу корреспондента входил сбор данных о крепостях, арсеналах, пороховых, оружейных и литейных заводах, об

основных дорогах и речных коммуникациях. Военный агент должен был составлять статистические таблицы о хозяйстве страны, а также стараться найти «исторические записки о бывших в том краю войнах», топографические описания, карты и планы.

В 1828 г. Министерство иностранных дел при циркулярном предписании разослало инструкции Генштаба во все русские посольства[325]. Однако кадровые сотрудники посольств, в отличие от корреспондентов, не отличались расторопностью в исполнении поручений военного ведомства. Во всяком случае, в 1852 г. генерал-квартирмейстер Главного штаба Ф. Ф. Берг жаловался военному министру князю А. И. Чернышёву на то, что, несмотря на обращения военного министра к канцлеру К. В. Нессельроде в 1828 и 1843 г. оба раза с одной и той же просьбой «о поручении посольствам нашим доставлять военные сведения <…> Ни одно посольство таковых сведений не доставило, по крайней мере, Генеральный Штаб не получал оных»[326].

На протяжении 1830-х гг. характер инструкций для корреспондентов практически не изменился. В основе своей они повторяли наставления, подготовленные Ф. Ф. Бергом и А. А. Адеркасом.

Например, 8 февраля 1836 г. служивший в русском посольстве в Лондоне коллежский асессор А. Ф. Берг получил от генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта, исправляющего должность генерал-квартирмейстера Главного штаба, записку «О предметах, кои для Генерального штаба могут быть полезны»[327].

Записка состояла из одиннадцати пунктов, повторявших в общих чертах документ 1825 г. Новыми были лишь требования относительно сбора сведений о военно-учебных заведениях, а также «об устройстве Генерального штаба и о степени познания офицеров, оный составляющих».

В 1839 г. Николай I собственноручно утвердил «синоптическую таблицу», которая в будущем должна была стать основой для составления записок о военных силах иностранных государств. «Синоптическая таблица»[328] состояла из четырех основных разделов: военно-сухопутной силы, военно-морской силы, военных вспомогательных средств и общего взгляда на страну в военном отношении.

Поскольку военные корреспонденты работали легально, генерал Шуберт прямо предписывал А. Ф. Бергу воздерживаться от «каких-либо особых мер, могущих возбудить подозрения английского правительства»[329]. Но такой подход был возможен лишь в столицах великих европейских держав, где в распоряжении корреспондента имелась пресса, а также военная литература и периодика.

Труд офицеров Генерального штаба, направляемых в Османскую империю, Иран, Африку или Китай, был значительно опаснее и тяжелее. В составленном генералом М.Л. Фантоном-де-Веррайоном «Отчете о деятельности Генерального штаба по части военноученой с 1828 по 1838 год»[330] перечислялись основные командировки такого рода.

В 1830 г. полковник А. А. Скалой был послан в Грецию, где должен был уточнить ее границу с Турцией. После своего возвращения в 1836 г. им была представлена карта Греции. В это же время полковник А. И. Философов путешествовал по Алжиру, собирая сведения о состоянии страны и французских экспедициях в Северную Африку.

Полковник П. Е. Коцебу, подполковник А. Г. Розалион-Сошальский и штабс-капитан Эссен отправились в Сербию. Офицеры представили карту, военно-статистическое описание страны и астрономические наблюдения. В 1832 г. из Китая вернулся подполковник М. В. Ладыженский. Он осмотрел часть русско-китайской границы и окрестности Пекина, составил записки о Забайкальском крае и политическом положении Поднебесной «с приложением исторического обзора происшествий относительно падения двух царствовавших до того времени династий». Служивший в МИДе коллежский асессор Г. С. Карелин возглавил две экспедиции к восточным берегам Каспия. Он исследовал побережье, заложил Новоалександровское укрепление, составил атлас осмотренных территорий и этнографическую записку о туркменских племенах. В 1832 г. полковник А. О. Дюгамель отправился с миссией в Константинополь, а в дальнейшем был назначен генеральным консулом в Египте при дворе Мухаммед а-Али. В 1833–1836 г. полковники М. П. Вронченко и П.П. Львов исследовали Малую Азию и Сирию. Ими были составлены карты Анатолии, а также описание Малой Азии в военно-статистическом, этнографическом и коммерческом отношении. В 1834 г. полковник Э. В. фон Руге выполнил военно-статистическое описание княжеств Молдавии и Валахии. В 1837 г. капитан И.Ф. Бларамберг, адъютант русского посланника в Персии генерал-майора графа И. О. Симонича, исследовал Иран и государства Средней Азии. Тогда же в Алеппо для сбора сведений о крае и углубленного изучения арабского и турецкого языка был командирован капитан И.Ф. Дайнезе, адъютант генерал-квартирмейстера Действующей армии.

В 1843 г. генерал-адъютант Ф. Ф. Берг занял должность генерал-квартирмейстера Главного штаба. С его точки зрения, несмотря на значительные успехи, работа русской военной разведки всё еще оставляла желать много лучшего. Главный

недостаток Берг видел в малом числе военных корреспондентов и нерегулярном поступлении от них соответствующих донесений[331]. Это приводило к тому, что Генштаб не всегда располагал точными данными об армиях Австрии, Великобритании и Османской империи. Лишь сведения о вооруженных силах Франции и Пруссии, игравших решающую роль в русском стратегическом планировании, не содержали серьезных пробелов.

В числе корреспондентов, бывших в Департаменте Генштаба на хорошем счету, можно выделить барона П. К. Мейендорфа, который служил в Вене и Штутгарте, а также статского советника Кудрявского, который затем сменил Мейендорфа в Вене. Русский генеральный консул в Гамбурге статский советник Р. И. Бахерахт попутно также исполнял обязанности корреспондента. Хорошо себя зарекомендовали служившие в Париже в разное время: статский советник Шпик, полковник К. В. Чевкин, полковник Ю. В. Сливицкий, штабс-капитан Б. Г. Глинка и генерал-майор А. М. Голицын. Сведения о прусской армии собирали статский советник барон Э. Р. Унгерн-Штернберг и служивший в Берлине с 1831 по 1847 г. полковник А. П. Мансуров.

Но даже на фоне таких профессионалов значительно выделялся генерал барон Н.В. Медем – крупный военный ученый, профессор Академии и автор учебника по тактике[332]. Он работал в Париже и Берлине в разгар кризиса 1848–1849 гг. Во многом под влиянием подробных и точных донесений Медема, содержавших анализ боевых возможностей французской и прусской армий, фельдмаршал Паскевич и Николай I вырабатывали военно-политический курс России.

Летом 1848 г. в донесении на имя Берга он раскрыл те принципы, которыми руководствовался при поиске достоверных данных о французской армии. По мнению Медема, боевые расписания практически всегда можно было найти в специальных периодических изданиях. Сведения о перемещении войск внутри страны отражались в парижских и провинциальных газетах. Однако они нуждались в постоянной взаимопроверке, поскольку журналисты зачастую допускали в своих публикациях грубые ошибки. Сложнее обстояло дело с поиском информации о реальной численности людей в строю полков и батальонов. Это требовало от корреспондента постоянных разъездов, присутствия на учениях и маневрах, заведения знакомств среди офицеров и личных бесед с ними[333].

Естественно, что материалы, стекавшиеся в Департамент Генштаба, составляли в России высшую государственную тайну. Однако Николай I и военный министр князь А. И. Чернышёв

сознавали необходимость ознакомления с ними не только членов узкого круга советников императора, но и слушателей Военной академии, то есть будущих офицеров Генерального штаба. С соблюдением строгой секретности сведения о вооруженных силах иностранных государств сообщались преподавателям военной географии для последующего составления учебных курсов[334]. Одним из таких офицеров стал подполковник П. А. Языков, автор первого в России учебника по военной географии[335].

Важным элементом в системе подготовки офицеров Генерального штаба стали полевые поездки, которые начали внедряться в русской армии временно занимавшим должность генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-лейтенантом Ф. Ф. Шубертом, начиная с 1834 г., в одно время с Пруссией[336].

Если говорить о разведке в масштабах потенциального театра военных действий, то результаты ее работы обрабатывались штабом Большой Действующей армии в Варшаве. «Устав для управления армиями в мирное и военное время» 1846 г. возлагал разведывательные функции на квартирмейстерскую часть армии. В ее обязанности входило собирать «общий свод сведений, доходящих о неприятеле из рекогносцировок, из рапортов начальников передовых частей войск, расспросов пленных, донесений лазутчиков». Те же функции возлагались на генерал-полицмейстера Действующей армии, который был обязан докладывать полученные сведения начальнику Главного штаба армии, а тот, в свою очередь, передавать их для обработки в управление генерал-квартирмейстера[337].

В целом, в отличие от высшей военно-политической разведки, в мирное время роль тактической разведки была не слишком велика. Однако с переходом армии на военное положение командиры русских частей и соединений, размещенных в приграничной полосе, должны были самостоятельно приступить к отправке шпионов и лазутчиков на территорию сопредельных государств.

В конце 1840-х гг. международная обстановка вновь осложнилась, потребовав мобилизации Большой Действующей армии. По состоянию на 1847 г., I пехотный корпус занимал квартиры на Украине и частично в Белоруссии под крепостью Бобруйск, II корпус дислоцировался в Остзейском крае, III корпус нес гарнизонную службу непосредственно на территории Царства Польского, IV корпус находился на маневрах под Винницей[338].

Если война, начавшаяся 23 марта 1848 г. между Пьемонтом и Австрией на территории северной Италии, не слишком обеспокоила российского императора, то революция в Париже немедленно вызвала ответные меры. 22–23 февраля 1848 г. было

приказано привести в боевой состав войска Гвардейского, II и III резервных кавалерийских корпусов, а также 7-й легкой кавалерийской дивизии.

В штаты военного времени приводились также запасные батареи 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 7-й конноартиллерийских бригад. Мероприятия планировалось завершить к 15 апреля[339]. Мобилизация затронула в первую очередь кавалерию, поскольку ее развертывание обходилось значительно дороже развертывания пехоты.

2 марта 1848 г. на военное положение были переведены II и III пехотные корпуса. Начался сбор приписанных к ним отпускных. Батареи развертывались из 8-орудийного в 12-орудийный состав, что, в свою очередь, требовало покупки значительного числа лошадей. 6 марта 3-я гренадерская дивизия получила приказ выступить к западной границе. В тот же день для пополнения некомплекта в рядах Действующей армии начали формироваться маршевые батальоны. Приведение в боевую готовность войск III пехотного корпуса планировалось завершить к 15 апреля. I, IV пехотные и II резервный кавалерийский корпуса завершали подготовку к 1 мая[340].

На запад выдвигались 7-я легкая кавалерийская и 2-я гренадерская дивизии. С Поволжья началось выдвижение батальонов 1-й, 2-й, 3-й и 4-й резервных пехотных дивизий.

Подчиненный в мирное время военному министру V пехотный корпус был предоставлен в распоряжение морского министра А. С. Меншикова[341] и подготовлен для быстрого занятия Придунайских княжеств. В отличие от ситуации 1839 г., на сей раз пришлось прибегнуть к усиленному рекрутскому набору. В солдаты было взято по 7 чел. с 1000 душ. Рекруты поступали в резервные части, замещая солдат, уходивших в маршевые батальоны. Ими же пополнили кадр запасных частей.

К осени 1848 г. Действующая армия находилась в полной боевой готовности. II и III пехотные корпуса сосредоточились в Царстве Польском. I пехотный корпус разместился на западе Литвы и Белоруссии. IV пехотный корпус и резервная кавалерия сосредоточились на Волыни и западе Подольской губернии. Гренадерский и VI пехотный корпуса вместе с резервными дивизиями образовывали Запасную армию в тылу Действующей[342].

Опасения насчет возможных агрессивных действий Франции на этот раз не оправдались, но революция вызвала цепную реакцию в европейских столицах. 13 марта 1848 г. восстала Вена, через неделю революционное выступление охватило Берлин, и король Фридрих-Вильгельм IV был вынужден согласиться на

введение конституции. 3 марта 1848 г. в Будапеште сторонники Л. Кошута взяли курс на строительство национального венгерского государства, а 10 апреля 1848 г. восстание немецкого населения Шлезвига и Гольштейна вызвало войну между Пруссией и Данией.

Николая I всерьез обеспокоила непоследовательность прусского короля, который, по мнению императора, совершенно напрасно питал надежды на политическое объединение немцев[343]. В условиях начавшейся прусско-датской войны это привело к резкому ухудшению отношений с некогда ближайшим союзником. Уже летом 1848 г.

Николай I оказался вынужден прибегнуть к военной демонстрации, выслав к берегам Дании эскадру под командованием вице-адмирала И.П. Епанчина. Действия России были поддержаны Швецией, предложившей 15-тысячный экспедиционный корпус в качестве помощи датчанам. Великий князь Константин Николаевич отправился в Стокгольм, где предложил перевезти шведские войска в Данию силами Балтийского флота. Наконец, под давлением русских ультиматумов пруссаки уступили и в августе 1848 г. подписали с Данией перемирие.

Несмотря на сложные отношения с Берлином, император Николай и фельдмаршал Паскевич всё же составляли планы военной помощи Фридриху-Вильгельму IV на случай непосредственной угрозы династии со стороны немецких республиканцев. Для обеспечения коммуникационной линии в крепость Торн планировалось ввести русский гарнизон. Пр и необходимости прусскую границу должны были перейти I и II пехотные корпуса, следом за ними выдвигались Гвардия и Гренадеры. V корпус должен был остаться в Бессарабии, одной дивизии IV корпуса следовало расположиться на Волыни, а двум другим занять Царство Польское и Варшаву. III корпус предполагалось использовать для прикрытия западной границы со стороны Силезии и Познани[344].

К осени 1848 г. на западной границе России в полной боевой готовности стояла мощная армия, однако вопрос о вступлении в войну не мог быть решен немедленно. Необходимость содержать войска в штатах военного времени означала тяжелую финансовую нагрузку, и бюджетная смета, по собственному выражению императора, повергала его в ужас[345].

К концу года стали заметны признаки общего улучшения военно-политической обстановки. V пехотный корпус под командованием генерал-адъютанта А. Н. Лидерса занял Придунайские княжества. Война Пруссии с Данией прекратилась,

прусский король Фридрих-Вильгельм IV сохранил престол, в Северной Италии австрийские войска фельдмаршала И. Радецкого нанесли сардинцам тяжелое поражение. Подводя итог прошедшим событиям, император Николай неслучайно сравнил Большую Действующую армию со «стеной», за которой Россия сравнительно спокойно смогла прожить минувший год. В письме от 2 января 1849 г. князь Варшавский был назван «зодчим и блюстителем» этой «стены»[346].

Лишь положение в Венгрии, несмотря на некоторые успехи австрийских войск, продолжало вселять тревогу. С конца 1848 г. австрийское правительство вело переговоры на предмет получения от России военной помощи, однако прямой просьбы вмешаться в борьбу с восставшей Венгрией от него не поступало.

Решение поддержать Австрию не выглядит спонтанным, необдуманным или противоречащим интересам России. Во-первых, территориальный распад империи Габсбургов мог вызвать нежелательные волнения польского населения Галиции, во-вторых, перспектива построения венгерского национального государства на территориях, где этнические мадьяры в общей сложности составляли едва ли половину населения[347], угрожала дестабилизировать обстановку не только в Венгрии, но и на Балканах. Наконец, без участия Австрии становилось невозможным сохранить докризисное положение в Германии, что в ближайшем будущем угрожало превратить Центральную Европу в арену жестокой войны с неизбежным участием России.

В обстановке 1849 г., не зная будущего, Николай I выбирал между локальной операцией в Венгрии и непредсказуемой по своим последствиям большой войной, которая, по опыту прошлого, неизбежно должна была сопровождать слом европейского равновесия[348]. Схожего мнения придерживался и князь Варшавский. Спустя полтора года после окончания Венгерского похода он писал Николаю: «Я всегда был того убеждения, что венгерская кампания необходимо должна быть закончена не далее как в три месяца, и притом с возможным сохранением нашей армии, так как дела Европы были тогда в таком положении, что война в Венгрии могла быть только началом большой Европейской войны. Я должен был с той же армией быть готовым двинуться в Германию»[349].

Весной положение австрийских войск на театре войны осложнилось. В апреле противник занял Будапешт и стал угрожать Вене. Австрийский кабинет был вынужден просить помощи у Николая I. Некоторое время оставался нерешенным лишь вопрос о масштабах будущей военной акции. В случае использования в Венгрии сил одного корпуса наиболее

подходящей кандидатурой на роль командующего фельдмаршалу и Николаю I казался генерал-адъютант Ф.В. Ридигер[350]. Но постепенно необходимость решительной демонстрации силы побудила Николая I задействовать главные силы Действующей армии под личным руководством Паскевича.

Уже в начале 1849 г. неудача двух небольших русских отрядов, направленных командующим V пехотным корпусом генерал-адъютантом Андерсом в Трансильванию для оказания помощи блокированным австрийским гарнизонам, окончательно убедила Николая I в необходимости действовать «всеми соединенными силами»[351]. К тому времени I пехотный корпус занимал квартиры в Литве и Белоруссии, II корпус находился в районе Варшавы и на прусской границе, III корпус располагался в южных воеводствах Царства Польского, а IV корпус сосредоточился на Волыни. В Польшу также стягивались дивизии Гренадерского корпуса. В апреле 1849 г. русские войска вступили в австрийскую Галицию и заняли карпатские перевалы, предотвратив таким образом инфильтрацию революционных отрядов на территорию Галиции[352].

Поход требовал серьезной предварительной подготовки. Для многочисленной и хорошо организованной Действующей армии разгром венгерского гонведа непосредственно на поле боя не мог вызвать серьезных затруднений. Основной проблемой должно было стать тыловое обеспечение. Местные ресурсы не позволяли снабжать крупные массы русских войск в ходе их марша через Карпаты, а лежавшая за горными перевалами венгерская равнина в значительной степени была опустошена войной. По этой причине интендантство Действующей армии приступило к созданию сети промежуточных провиантских складов вдоль границы и сформировало огромный обоз. Уже тогда Паскевич особенно отмечал заслуги генерал-провиантмейстера армии полковника Ф. К. Затлера. По результатам кампании Затлер был произведен в генерал-майоры и в дальнейшем «постоянно пользовался лестным доверием» фельдмаршала[353].

23 апреля 1849 г. австрийский канцлер князь Ф. цу Шварценберг обратился к Паскевичу с просьбой срочно прислать войска для защиты Вены. Не дожидаясь разрешения Николая I, Паскевич направил по железной дороге в Вену сводную дивизию генерал-лейтенанта Ф. С. Панютина в составе одного полка 8-й, трех полков 9-й пехотной дивизии и 48 орудий. Это был первый опыт переброски русских войск по железной дороге. Панютину была дана строгая инструкция, запрещавшая дробить дивизию после того, как она поступит в состав австрийской армии.

Через несколько лет в разговоре с подполковником

Генерального штаба П.К. Меньковым, который занимался написанием официальной истории Венгерского похода, фельдмаршал рассказывал, как в 1850 г. в Варшаве Николай I вспомнил данный эпизод в присутствии Паскевича и австрийского императора Франца Иосифа.

«Австрийский император говорил о влиянии не только на жителей Вены, но на население целой Германии, которое произвело появление русской дивизии у Градиша». Паскевич отвечал, что, «посылая дивизию Панютина, я имел в виду спасение Вены и достижение нравственного влияния на мятежников и Германию, совершенно сознавая, что при обстоятельствах более несчастных дивизия могла погибнуть». Услышав это, Николай I взял Паскевича за голову и произнес: «Если бы дивизия погибла, то эта седая голова дорого бы поплатилась мне за риск самовольной отправки и за потерю 16000 человек»[354].

Венгерская полевая армия насчитывала примерно 135000 чел. и 400 орудий, из которых 50 000 чел. и 209 орудий находились в главной армии под командованием генерала А. Гёргея. В Южной Венгрии против войск хорватского бана И. Елачича действовали отряды генерала Г. Дембинского общей численностью примерно 30000 чел. Трансильванию занимали силы Ю. Бема, доходившие до 32 000 чел.

Против венгерского гонведа выступили II, III и IV пехотные корпуса Действующей армии под непосредственным командованием Паскевича. Главные силы русских войск прошли карпатские перевалы и вторглись в Венгрию с севера. Войска V корпуса Лидерса из Молдавии и Валахии вступили на территорию Трансильвании с востока. Общая численность русских войск на театре войны доходила до 190000 чел., из которых 175 000 чел. составляли боевые части. Гренадерский и I пехотный корпус остались на своих квартирах в Царстве Польском. Дивизии резервной кавалерии занимали Галицию. С запада венграм угрожала 90-тысячная австрийская армия, усиленная сводной дивизией Панютина. Общая численность русско-австрийских войск доходила до 260000 чел. и 1200 орудий, что делало положение венгров практически безнадежным[355].

3 июня 1849 г. русский авангард проследовал через перевал Дукла. Для облегчения марша по горным дорогам русские войска были разделены на несколько самостоятельных колонн, которые по сходящимся направлениям устремились на юг к городам Бартфельд, Эперьеш и Кашау.

«Князь Паскевич, – утверждала официальная история

Венгерской кампании, – руководствовался мыслью, устремив значительные массы войск на важнейшие стратегические пункты, подавить мятеж, отняв у неприятеля надежду на успех, и по возможности решить участь войны без кровопролития»[356].

14 июня IV пехотный корпус под командованием генерала М. И. Чеодаева с целью уничтожения тыловой базы мятежников отделился от главных сил и двинулся на Токай и Дебрецен. Войскам Чеодаева было предписано ликвидировать в данных районах власть

революционного правительства, а также заготовить на месте большие запасы продовольствия. В это время II и III корпуса выполняли серпообразное движение в направлении венгерской столицы и заняли Мишкольц, в котором задержались до 26 июня, поджидая отставшие обозы с провиантом.

Когда Гёргей узнал о появлении русских войск на театре войны, он предпринял попытку оторваться от австрийцев и, уклоняясь от решительного сражения с армией Паскевича, отступить на юго-восток для соединения с отрядами Бема и Дембинского. Путь его лежал вдоль Дуная от крепости Коморн к г. Вайцен.

К 1 июля главные силы Паскевича сосредоточились у городка Хатван, в двух переходах от Будапешта и Вайцена, отрезав Гёргею наиболее удобный путь отступления. Фельдмаршал рассчитывал полностью окружить Гёргея, но не смог исполнить свой замысел. Австрийская армия, сосредоточенная под Коморном, вопреки обещанию не преследовала венгров. Русский авангард под командованием генерала Г. Х. Засса также совершил ошибку. Вместо того чтобы навести противника на главные силы русской армии, он сам перешел в наступление и решительно атаковал неприятеля под Вайценом 3 и 5 июля 1849 г.

В результате Гёргей прекратил марш на юг, избежал безнадежного для него генерального сражения и смог отступить через горные комитаты в направлении Мишкольца, то есть вышел на коммуникационную линию русской армии. Не сумев окончить войну одним сокрушительным ударом, Паскевич в дальнейшем действовал осторожно и методично. Цель фельдмаршала заключалась в том, чтобы добиться успеха гарантированно и с минимальными потерями. По свидетельству очевидца, Паскевич несколько переоценивал боевые качества венгерского гонведа[357], поэтому он стремился избежать решительного боя в условиях, когда бы главным силам Гёргея противостоял лишь один русский корпус[358]. Но поскольку многочисленные обозы снижали подвижность русской армии, фельдмаршалу долгое время не удавалось сосредоточить против венгров более одного

корпуса.

В донесении Николаю I главнокомандующий указывал, что Гёргей «знает войну», и его можно уничтожить только «маневрируя, а не сражаясь», поскольку, по мнению фельдмаршала, «драться он не будет, сознавая свою слабость». И, как бы предвосхищая исход кампании, добавлял: «Я запру его в кольцо, хотя мне трудно маневрировать, имея за собой 4000 повозок»[359].

В результате успешного марша через горные комитаты Венгрии Гёргей вышел на сообщения русской армии под Мишкольцем. Попытки IV корпуса Чеодаева 11 и 12 июля опрокинуть противника не имели полного успеха. Гёргей был вынужден уйти с русских коммуникаций, но смог избежать разгрома и отступить за р. Сайо.

По мнению М. Д. Лихутина, офицера Генерального штаба, служившего в IV корпусе, невозможность зажать венгров в клещи объяснялась не одной лишь перегруженностью русской армии обозами. Несмотря на высокую оценку Лихутиным способностей Паскевича как главнокомандующего, он считал, что в действиях фельдмаршала прослеживалась не столько нерешительность, в которой его впоследствии часто обвиняла русская пореформенная историография[360], сколько стремление одновременно решить сразу две задачи: очистить от венгров коммуникационную линию армии у г. Мишкольц и на р. Сайо, а также выполнить глубокий обход неприятельских сил через Тису у Дебрецена[361].

17 июня Гёргей перешел на левый берег Тисы и направился в Банат на соединение с Дембинским. Но уже 21 июля Паскевич у Дебрецена уничтожил боковой венгерский отряд под командованием генерала И. Надь-Шандора. К этому времени обстановка стала для мятежников безнадежной. Армии, на соединение с которыми спешил Гёргей, перестали существовать. Бем в Трансильвании был разбит войсками А. Н. Андерса. Южная армия под командованием Дембинского 28 июля оказалась разгромленной австрийцами в сражении под Темешваром. 1 августа 1849 г., признав невозможность дальнейшего сопротивления, Гёргей у Вилагоша капитулировал перед войсками III корпуса Ридигера. За восемь недель Венгрия была усмирена.

В боях с противником русские войска продемонстрировали хорошую тактическую выучку. Причем особенно отличились вооруженные нарезными штуцерами стрелковые части, действовавшие в рассыпном строю. В боях под Мишкольцем цепь застрельщиков 4-го стрелкового батальона на сильно пересеченной местности удачно взаимодействовала с другими

родами войск и рассеяла венгерский авангард с минимальными потерями[362].

Австрийцы отмечали высокие боевые качества линейной пехоты дивизии Ф. С. Панютина, которая сражалась в составе их армии[363]. Стрелки сводной дивизии также показали себя с лучшей стороны. Например, штуцерные 2-й бригады 9-й пехотной дивизии под командованием генерала К. Р. Семякина в ходе переправы через Тису 24 июля эффективно выводили из строя артиллерийские расчеты венгерских батарей[364].

Главная квартира Действующей армии, по мнению Лихутина, работала слаженно и четко. Значительную роль в этом сыграл генерал-квартирмейстер армии генерал-лейтенант Р. К. Фрейтаг, в прошлом один из героев Кавказской войны. Получавший от него инструкции Лихутин вспоминал, что «все объяснения, делаемые генералом Фрейтагом, были ясны и точны; край был ему известен (без сомнения, по расспросам), как своя ладонь, и я находил после буквально так, как он рассказывал»[365].

За время похода армия потеряла 708 чел. убитыми и 2447 ранеными. От болезней, главным образом от холеры, умерло 10885 чел.[366]По сравнению с жертвами в ходе войн 1828–1831 гг. такие потери можно было признать умеренными. Это с удовольствием отмечал Николай I[367].

Боеспособность корпусов Действующей армии приобретала особенное значение по мере ухудшения отношений между Веной и Берлином. Уже в конце июля 1849 г. император Николай был вынужден констатировать, что «Пруссия и Австрия близки к разладу»[368]. К концу года стала отчетливо вырисовываться опасность окончательного разрыва между двумя германскими державами. Размышления о положении в Европе не покидали Паскевича на протяжении всего Венгерского похода[369], однако, в отличие от Николая I, фельдмаршал не склонен был считать австро-прусскую войну неизбежной. «Думаю, что война между Пруссией и Австрией не может возгореться, – писал Паскевич императору Николаю 17 декабря 1849 г. – Финансы обоих государств, особливо Австрии, так плохи, что насилу они со дня на день могут существовать. При этом Венгрия и Италия в таком бунтующем положении, что Австрии нельзя уменьшить число войск, там находящихся, иначе опять будет бунт. Но если бы это случилось, – продолжал фельдмаршал, – то мы можем не входить в это дело и тогда только вступить в войну, когда другие, как то: французы и англичане войдут в оную, и взять ту сторону, которая будет ближе быть побежденной»[370].

Хотя Николай I разделял мнение фельдмаршала, что «недостаток в деньгах может быть препятствием Австрии и

Пруссии перессориться», он всё же полагал, что противоречия крупнейших германских государств настолько непреодолимы, что они «не смогут никогда искренне сблизиться». Императора не покидали опасения, что явный разрыв Австрии и Пруссии способен «скорее всего завлечь в войну» и Россию. Поэтому Паскевичу было приказано к 1 апреля 1850 г. обеспечить полную боевую готовность Действующей армии[371].

Амбиции Берлина в отношении собственного политического влияния в Германии имели давнюю историю. В 1814 г. на Венском конгрессе Пруссия прикладывала большие усилия для того, чтобы присоединить к своим владениям территорию Саксонского королевства – бывшего союзника Наполеона[372]. Этому решительно воспротивился Меттерних, поскольку Саксония со времен Фридриха Великого являлась буфером между Австрией и Пруссией. По решению Венского конгресса Берлин получил Вестфалию, обширные земли по левому берегу Рейна и некоторые северогерманские территории. Но, к большому недовольству общественного мнения Пруссии, в ее состав вошла лишь северная часть Саксонии[373].

8 июня 1815 г. была подписана федеральная конституция Германского союза. Создавался общегерманский сейм, в котором каждое из 34 государств имело по одному представителю, но с разным количеством голосов. Председательство и ведущая политическая роль в союзе принадлежали Австрии. Таким образом, Венский конгресс фактически закреплял раздробленность Германии[374].

В представлении русской дипломатии наиболее устойчивое равновесие в Европе могло быть достигнуто лишь при условии, если два наиболее сильных государства – Австрия и Пруссия – не будут иметь преобладающего влияния в Германском союзе[375]. Россия прагматично стремилась к тому, чтобы малые немецкие государства как можно дольше сохраняли свою самостоятельность.

По этой причине резкое охлаждение русско-прусских отношений в 1848 г. наступило не просто как следствие конституционных уступок королевского двора. Рост германского национального движения создавал предпосылки к возникновению в Центральной Европе единого Германского государства с населением 45 млн чел.[376], что не могло не встревожить Николая I и его советников.

В прусской политике, несмотря на лавирование Фридриха Вильгельма IV между конкурирующими партиями, начали возникать признаки быстро нараставшей враждебности. Либеральные круги Пруссии более не желали мириться с той

ролью, которую Россия играла в Германии после 1815 г. Для нейтрализации влияния Петербурга они готовы были предложить весьма радикальные рецепты. Барон Г. фон Арним, занявший 21 марта 1848 г. пост министра иностранных дел, открыто провозглашал необходимым восстановление независимого Польского королевства в виде барьера против России, которая в этом случае уже не могла бы препятствовать «воссозданию немецкой военной мощи»[377].

Поэтому, несмотря на глубокую неприязнь Николая I к французским революционным традициям, летом 1848 г. он посчитал необходимым сохранять с республикой дружественные отношения, в том числе и по той причине, что «внешнее давление со стороны Франции могло бы послужить нам противовесом против враждебных намерений наших соседей»[378].

Исходя из тех же мотивов, в 1849 г. русская дипломатия сделала ставку на тесный союз с Австрией. Сохранение целостности империи Габсбургов препятствовало Пруссии добиться гегемонии в германских делах[379]. Перед лицом русско-австрийского альянса Берлин не смог поддержать открытой силой свои претензии на политическое доминирование в Германии.

Опыт первой современной мобилизации, предпринятой прусским Генеральным штабом в мае 1850 г., завершился громким провалом[380]. На железных дорогах воцарились хаос и неразбериха. Единых мобилизационных расписаний и графиков движений поездов не существовало, как не существовало и самого понятия о необходимости составления для железных дорог расписания военного времени. Перевозки войск и снаряжения осуществлялись под контролем Министерства торговли, о выделении военного персонала в эшелоны и на станции командование заблаговременно не позаботилось.

Офицеры русского Генерального штаба, составлявшие в 1856–1857 гг. записку о проблемах железнодорожного строительства, ссылались на опыт Германской революции 1848–1849 гг., когда затрагивали вопрос подготовки железных дорог к мобилизации. По их мнению, лишь непосредственно столкнувшись с революционной анархией, прусский генералитет к ужасу своему осознал, что «командующие войсками совершенно были предоставлены доброй или злой воле по большей части демократических управлений и чиновников железных дорог»[381].

Мобилизация 490 000 чел. потребовала более двух месяцев. Примечательно, что по планам, составлявшимся в 1840 г. на случай войны с Францией, такой срок предполагался для мобилизации войск без использования железнодорожного транспорта. Пополнение частей до штатов военного времени

также оказалось сорвано, артиллерии и обозам не хватало лошадей.

Австрия, несмотря на тяжелый финансовый кризис и вызванное им постепенное сокращение боевого состава войск, всё еще располагала внушительными силами. В ноябре 1849 г. ее армия насчитывала 469738 чел. по спискам и 368 535 чел. в строю[382]. К марту 1850 г. в ее составе числилось, соответственно, 421461 чел. по спискам и 369 291 чел. в строю[383].

Австрийский план войны с Пруссией предусматривал наступление на Берлин силами пяти армейских корпусов при поддержке саксонской армии. Возглавить основные силы предстояло фельдмаршалу И. Радецкому, который с этой целью был вызван из Вероны в Вену. Одновременно корпус генерала И. фон Легедича при поддержке южногерманских контингентов должен был сковать пруссаков с фланга. Списочный состав австрийской армии в Богемии, Моравии и Южной Германии достигал 250 000 чел., тогда как 82 000 чел. оставались гарнизонами в Северной Италии, а 90 000 чел. – в Венгрии и на «военной границе»[384]. Реальная численность войск в строю, естественно, была меньше, хотя союзные государства Южной Германии смогли мобилизовать на помощь Австрии около 90 000 чел.[385] В любом случае, содействие Большой

Действующей армии приобрело бы для австрийского правительства решающий характер.

Давление со стороны Вены и Петербурга, а также провал собственной мобилизации вынудили Пруссию согласиться на так называемое «ольмюцкое унижение». 29 ноября 1850 г. в г. Ольмюц при посредничестве России была подписана конвенция, по которой Пруссия отказывалась от претензий на политическое доминирование в немецких землях в пользу Австрии. Берлин не смог воплотить в жизнь свое первоначальное намерение, предполагавшее создание унии из 26 германских государств. Произошло фактическое возвращение к политическим принципам 1815 г., закреплявшим раздробленность немецких земель.

В дальнейшем по мере укрепления режима личной власти Луи Наполеона и при постепенном нарастании военной угрозы со стороны Франции Берлин и Вена ощутили потребность в нормализации отношений. Договор от 16 мая 1851 г. вновь восстанавливал союз между непримиримыми прежде антагонистами[386]. 8 января 1852 г. стороны подписали военную конвенцию, а в мае 1852 г. – общий договор, направленный на военно-политическое сдерживание Франции[387], которую Николай I по-прежнему рассматривал как главный источник

военно-политической нестабильности на континенте.

Европейские кризисы 1830–1833 гг. и 1839–1841 гг. ясно указывали Николаю I как на стремление Парижа к пересмотру Венского трактата 1815 г., так и на возможный рецидив французской экспансии в Бельгии и на Рейне. Приблизительное повторение в значительных масштабах сценария Наполеоновских войн долгое время оставалось возможным и после смерти Бонапарта[388].

Военный потенциал Пруссии во второй четверти XIX в. еще не позволял Берлину рассчитывать на успех в случае войны против Франции один на один. Прочность же австро-прусского альянса была невысока. Борьба за лидерство в Германии порождала между союзниками настолько сильный антагонизм, что сплотить их могла лишь непосредственная военная опасность. Эти обстоятельства превращали русскую армию в решающую силу на театре возможной войны в Германии. Ее возросшая боевая мощь в сочетании с передовой стратегической позицией в Царстве Польском, в отличие от ситуации 1805–1807 гг. и 1813 г., позволяла русско-прусскому союзу рассчитывать на победу и без помощи Австрии.

Развитая тыловая инфраструктура, созданная в Польше 1830-е гг., была незаменима в том случае, если бы русской армии довелось действовать против французов в союзе с Пруссией. Выдвинутый на запад операционный базис сокращал сроки развертывания русских корпусов, что увеличивало шансы на своевременное соединение Действующей армии с пруссаками.

Лишь полное изменение военно-политической обстановки после 1871 г. изменит и роль передового театра на Висле. В результате создания объединенной Германской империи и последующего оформления ее союза с Австро-Венгрией польский выступ окажется окруженным с трех сторон, и его оборона превратится для России в трудноразрешимую стратегическую проблему.

Второй после сдерживания Франции целью военного планирования в эпоху Николая I было предотвращение возможного отхода Пруссии от союза с Россией. В 1840-е гг., по мере того как Пруссия под влиянием немецкого национализма демонстрировала всё меньшую готовность мириться с начертанным в 1815 г. политическим устройством Германии, подобный оборот событий уже нельзя было полностью исключить. Однажды французская дипломатия могла попытаться лишить Россию союзника, предложив Берлину более выгодные условия сотрудничества.

В условиях революционного взрыва угроза существующему

политическому порядку в Германии неожиданно стала исходить не от Франции, а от союзной Пруссии. Это обстоятельство предопределило значительное охлаждение русско-прусских отношений и переход Николая к более тесному союзу с Австрией. Изучение военно-стратегического контекста Венгерского похода и Ольмюцкой конвенции показывает, что за внешней политикой императора стоял не столько пресловутый принцип монархической солидарности, сколько ясное понимание интересов России. Едва ли был прав А. А. Керсновский, называвший николаевскую политику 1848–1850 гг. «донкихотством» и «применением обывательской морали к государственной жизни»[389]. Изменение политического ландшафта Германии означало бы неизбежное нарушение баланса сил в Европе, что в тех условиях могло иметь непредсказуемые последствия. Желая избежать этого, Николай I бросил на чашу весов весь военно-политический авторитет России.

Усилия императора увенчались успехом. Но, несмотря на то, что именно Николай I внес решающий вклад в предотвращение большой европейской войны, цена мирного разрешения конфликта впоследствии оказалась для России высока. Уже через несколько лет в ходе следующего международного кризиса она столкнется с беспрецедентной по масштабам и глубине международной изоляцией.

Его же главный военный советник после победоносного завершения Венгерского похода оказался в зените своей воинской славы. «Счастливая звезда фельдмаршала, – как написал современник, – ему не изменила»[390].

Император открыто называл Ивана Фёдоровича «славой моего 25-летнего царствования» и «историей царствования Николая I». 50-летний юбилей службы Паскевича в рядах русской армии отмечался в сентябре 1850 г. как государственный праздник. Отныне в нарушение Устава 1846 г. русским войскам даже при личном присутствии монарха было приказано оказывать князю Варшавскому императорские почести.

Нет большого секрета в том, что военная среда по природе своей является остроконкурентной. Следовательно, стремительное восхождение генерала, неразрывно связанного с именем такой противоречивой исторической фигуры, каким был император Николай I, неизбежно сопровождалось разногласием сначала в профессиональных, а затем и в политических оценках.

На страницах мемуаров, дневников, писем и воспоминаний современников рисовался не слишком привлекательный образ. При этом попытка ретроспективно разобраться в его заметных

контрастах отечественной исторической наукой практически никогда не предпринималась.

Литературная традиция, связанная с громким восхвалением победоносного вождя русских войск, начала складываться в конце 1820-х гг. трудами Е. Б. Фукса, в прошлом адъютанта А. В. Суворова[391]. Ивану Фёдоровичу льстила попытка Фукса сравнить его подвиги на Кавказе с суворовскими[392].

Примерно в те же годы история с отставкой Ермолова положила начало традиции противоположной. Опала Алексея Петровича тяжело переживалась московским дворянством. На страницах записок Д.В. Давыдова, якобы со слов А. С. Грибоедова, Паскевич представал «несносным дураком, одаренным лишь хитростью, свойственной хохлам»[393]. Автор записок разделял это мнение. Его же перу принадлежала полулегендарная фраза, приписанная им отцу Паскевича: «Що геній, то негеній, а що везе, то везе»[394]. Примечательно, что гусарский поэт практически ни о ком из героев своих воспоминаний не имел привычки говорить хорошо. Даже о Ермолове, которому, казалось бы, симпатизировал. Обо всех остальных участниках тогдашних событий: А. С. Грибоедове, А. А. Вельяминове, В. Г. Мадатове и И. И. Дибиче – он отзывался с плохо скрываемым презрением.

Ермолов, как впоследствии и К. Ф. Толь, не смог простить обиды до конца жизни. Осенью 1831 г. в Москве в ответ на предложение А.Х. Бенкендорфа вернуться на службу Алексей Петрович ответил: «Государь властен приказать мне это, но никакая сила не заставит меня служить вместе с Паскевичем»[395]. По словам близко его знавшего А.Я. Стороженко, Ермолов «говорил, что и в гробе не забудет он ему зла, которое терпит и, конечно, до гроба терпеть будет». «Он бил меня даже лежачего», – часто повторял Ермолов[396].

Генерал А. Я. Стороженко был умным, тонким и очень проницательным мемуаристом. Прослужив много лет в Варшаве под начальством фельдмаршала, он совершенно справедливо указывал: «Чтобы судить о деле, надобно слышать две противные в нем стороны. Я слушал и Светлейшего, и А. П. Ермолова о столкновениях их в Грузии, и мне кажется, что последний имеет более причин к нареканиям; но в падении его, однако же, виновен не один Светлейший, хотя Ермолов его наиболее обвиняет в том»[397].

В характере Паскевича были черты, отмечавшиеся всеми без исключения современниками, как не симпатизировавшими ему, так и искренне преданными фельдмаршалу; например, его земляком Стороженко. Полководец был упрямым, раздражительным, болезненно подозрительным, исключительно

самолюбивым и самоуверенным человеком. Однако мужество и хладнокровие Паскевича под огнем отмечал даже К. Ф. Толь.

В 1813 г. под Дрезденом Стороженко стал личным свидетелем того, как Паскевич под градом пуль отвечал артиллерийскому офицеру, спросившему его: «Прикажете ли здесь стоять до последнего человека или принять несколько в сторону?» «Увидим, – отвечал Паскевич, – что Вы, сударь, так беспокоитесь?»[398]

В то же время Толь отказывался признавать за ним какие-либо военные способности[399], называл его человеком «от природы очень посредственного ума»[400]. Профессор Военной академии Н. Д. Неелов считал, что записки графа Толя «недостойны автора». «Цель их, – утверждал он, – состояла не в том, чтобы представить все события в истинном виде, осветив их духом строгой, но беспристрастной критики, нет, – это было желание унизить Паскевича и показать его неспособность командовать армией»[401]. Так же думал и сенатор К. Н. Лебедев[402].

В конце 1827 г. генерал-адъютант К.Х. Бенкендорф, возвратившийся из Кавказского корпуса, в гостях у управляющего III Отделением М.Я. фон Фока рассказывал Стороженко, что «фельдмаршал имеет весьма много военных достоинств, а особенно в момент битв; но что он характера недоверчивого и подозрительного»[403].

Успех на полях сражений давался непросто. В письме великому князю Михаилу Павловичу Паскевич откровенно описывал трудности войны на Кавказе и то постоянное напряжение, которое он испытывал: «Если когда-нибудь удостоюсь явиться в присутствие Ваше, то узнать меня будет нелегко. Бессонные ночи в течение долгого времени, отсутствие спокойствия, смена беспрерывных путешествий, неприятностей всякого рода… наконец, климат… всё это преобразило меня совершенно, и я устарел прежде времени»[404].

На тот же фактор боевого стресса фельдмаршал ссылался, когда объяснял происхождение своей несдержанности и раздражительности. «Характер мой даже совсем изменился, – утверждал Паскевич. – Требуя часто невозможного от людей и обстоятельств, нельзя сохранить себя в обыкновенном положении души. Желание исполнить более, нежели долг свой – чрезмерно; препятствия раздражают, и поневоле взыскивается часто и много, а это никому не нравится»[405].

Ряд свидетельств говорит о том, что под влиянием военных успехов вспышки ярости стали возникать у командующего заметно реже и к нему возвращалось душевное равновесие. «Со

взятия Эривани и перехода за Араке Паскевич из брюзгливого мелочно-взыскательного начальника превратился в доброго, заботливого»[406]. Н.Н. Муравьёв также указывал на то, что с годами характер полководца изменился в лучшую сторону, и припадки ярости практически прекратились[407].

Когда генерал В. А. Потто, автор истории Кавказской войны, сталкивался с мнением о Паскевиче как о храбром, но лишенном глубоких военных дарований и способностей генерале, он отвечал, что еще И. И. Михельсон – военачальник, которого сам Паскевич считал своим учителем в военном искусстве, – «опытным глазом оценил в Паскевиче нечто более одной заурядной храбрости»[408]. Но Потто утверждал также, что «Паскевич принадлежал к числу тех, кто не выносит около себя никаких независимых суждений, кто за каждым самостоятельным и громко выраженным мнением способен заподозрить стремление играть первенствующую роль, обнаружить влияние и даже заслонить собой заслуги начальника»[409].

В противоречиях, составлявших натуру фельдмаршала, пытался разобраться душевно к нему привязанный А. Я. Стороженко. Выходец, как и Паскевич, из Малороссии, он со свойственной ему иронией приходил к выводу, что «есть характеры непонятные: смешение откровенности со скрытностью; теплоты чувств с равнодушием; ума с неумением вести себя; храбрости против неприятеля с малодушием в других случаях; упрямства с легкостью; щедрости со скупостью и т. и. – представляет такой труд в определении человека, что русские, вероятно, ломая над сим голову, назвали смесь эту бестолочью»[410]. Сложно не согласиться с этим замечанием.

Мелочность и страсть к самовосхвалению уживались в Иване Фёдоровиче с отвагой и талантом крупного военачальника. Эгоизм, тщеславие, упрямство и подозрительность органично сосуществовали с добродушием и некоторой сентиментальностью. Неумение грамотно писать[411] не мешало князю Варшавскому составлять выдающиеся документы по дипломатической и военно-стратегической части.

«Писанные от его имени доклады вызывали восторг как со стороны стиля, так и содержанием».

Едва ли не с первой встречи Стороженко и молодого капитана Паскевича, случившейся в Яссах в 1809 г., он показался ему «человеком добрым, благородным, и как земляк с тех пор вспоминался мной с удовольствием и похвалами»[412][413]. «Человек он доброго сердца, смелого духа, с прекрасной памятью, с умом часто весьма проницательным»[414]. Отличную память Паскевича отмечал также декабрист А. С. Гангеблов, служивший в

Кавказском корпусе[415].

«Иногда видны в нем, – продолжал Стороженко, – проблески благородных черт характера: восхищение добрым поступком, участие в горе другого, женерозность[416]; но тут же следует эгоизм и готовность пожертвовать каждым по своим видам или для своего оправдания»[417]. Ретроспективные размышления над блистательной карьерой Паскевича приводили Стороженко к выводу, что «первые качества, кажется, были господствующими в нем до его большей известности; а последние приобретены им в жизни петербургской, где он видел необходимость искательства, лести и скрытности. Без этого едва ли он мог бы возвыситься при всей своей храбрости»[418].

Д.Е. Остен-Сакен, начальник штаба Паскевича на Кавказе, вспоминал главнокомандующего в связи с историей назначения Н.Н. Муравьёва командиром отдельной Кавказской гренадерской бригады. «Зная характер графа Ивана Фёдоровича, я принял способ просить всегда противоположного тому, чего хотел достигнуть. <…> Желая для пользы службы дать бригаду эту Муравьёву, я при докладе говорю главнокомандующему: – “Вообразите себе, какое неумеренное желание высказал мне вчера Муравьёв: только что произведен в генералы и желает гренадерской бригады; не рано ли?” – “Как рано? Он заслужил ее вполне. Сегодня же принесите к моей подписи представление!»[419].

Обладавший огромной властью и практически неограниченным доверием Николая I, властный, резкий, вспыльчивый, но одновременно отходчивый «отец-командир» далеко не всегда считал нужным сдерживаться в присутствии подчиненных. «Воевода русских сил, – рассуждал современник, передавая настроения наиболее остро критиковавших фельдмаршала офицеров штаба армии, – и в мирное спокойное время при случаях, для него неприятных, особенно при личных противоречиях, оказывал самодурство, а в продолжение Венгерской войны он просто-напросто был ужасен в своей раздражительности и почтен титулом б… с…»[420].

Во время Венгерского похода 1849 г. генерал-квартирмейстера Действующей армии Р. К. Фрейтага, в прошлом блестящего кавказского генерала и героя Даргинской экспедиции 1845 г., Паскевич обозвал дураком. Однако затем настоял на награждении его орденом Св. Георгия 3-й степени, хотя, по признанию самого Фрейтага, он не совершал в Венгрии ничего такого, за что мог бы получить столь высокую награду. Паскевич объяснил, что Фрейтаг получил ее «за бывшие подвиги на Кавказе, достойные сего ордена, к коему граф Воронцов должен

был его тогда же представить, но не представил»[421]. А когда Фрейтаг вскоре неожиданно заболел и умер, Паскевич, по свидетельству П. К. Менькова, тяжело и искренне горевал.

Представляется, что прав был подполковник Генерального штаба П.К. Меньков, состоявший по особым поручениям при штабе Действующей армии, когда уподобил своего грозного начальника русскому барину, готовому казнить и миловать по своему произволу. Меньков на страницах своего дневника достаточно много размышлял о фельдмаршале. Он находил, что Паскевич «отличался необыкновенным самолюбием, недоверчивостью и какой-то странной боязнью, что его не вполне ценят, уважают только из страха к его могуществу, что его не любят, и каждый даже близкий к нему человек если не явно, то внутренне над ним посмеивается. Эта мысль постоянно его мучила, а потому, зная эту болезнь, во всех отношениях с ним необходима была крайняя осмотрительность; каждое слово и действие приходилось обдумывать и взвешивать»[422].

Однажды в ходе совместной поездки с фельдмаршалом Меньков неосторожно позволил себе улыбнуться в ответ на очередной хвастливый рассказ о гениальных военных соображениях Паскевича в Персидском походе. «Варшавский Архистратиг» рассвирепел и высадил его из экипажа прямо на дорогу[423]. Однако тот же Паскевич, помня о трудном материальном положении Менькова, постоянно помогал ему деньгами[424].

Странную готовность фельдмаршала подозревать в собеседнике скрытую насмешку или недостаточное к нему почтение отмечал и В. А. Докудовский, правитель канцелярии начальника штаба Действующей армии князя М. Д. Горчакова, впоследствии служивший в Польше в аудиториате[425].

Скромность явно не относилась к числу добродетелей князя Варшавского. Генерал-адъютант Д.Е. Остен-Сакен однажды рассказывал А.Я. Стороженко, что «раз он представлял по должности начальника штаба фельдмаршалу о храбрости войск и об отличии офицеров Кавказского корпуса». Фельдмаршалу это не понравилось, он оборвал Остен-Сакена и сказал ему при этом: «Что вы хвастаете с вашими войсками? Мне, сударь, дай жидов в команду, и я побью с ними турок!»[426] Сам же Паскевич спустя много лет объяснял свой резкий ответ необходимостью изменить тон суждений Остен-Сакена, «весьма часто неуместных и всегда ненужных»[427].

Сосланный на Кавказ А. С. Гангеблов вспоминал командующего: «Генерал, еще молодой, но приобретший громкую известность как один из богатырей Отечественной войны,

отменно скромный, даже молчаливый, что отражалось во всей его прекрасной наружности, всем этим Паскевич привлекал к себе симпатии войска и общества. Но после своих успехов в Персии он стал совсем иной: со своими штабными он сделался суров, требователен, раздражителен, подозревал против себя интриги, а в ком видел своего врага, того не щадил и пятнал во всеуслышание».

После окончания похода 1829 г. на торжественном собрании в Тифлисе в присутствии ряда генералов и представителей дипломатического корпуса Паскевич зачитывал официальную реляцию кампании. «В этой речи, – утверждал Гангеблов, – перечислено было множество имен великих полководцев, начиная Александром Македонским и кончая Наполеоном. При этом оратор долго останавливался на генерале Бонапарте, египетская экспедиция которого далеко не выдерживает, по его словам, сравнения с его последней кампанией, и это тем более, что ему приходилось бороться с величайшими затруднениями по части продовольствия войск, тогда как генералу Бонапарту операции эти давались легко морским путем; словом сказать, фельдмаршал только что не прямо провозгласил себя первым полководцем всех веков». Присутствовавший при этом французский консул Гамба, как и полагается дипломату, «слушал с почтительным вниманием, но не без тонкой иронии в чертах лица, чего оратор в жару повествования не замечал»[428].

Иногда чувствовалась какая-то странная ревность Паскевича по отношению к выдающимся военачальникам из числа современников. В 1846–1848 гг. свидетелем не всегда почтительных высказываний фельдмаршала об И. И. Дибиче во время поездки из Варшавы в Петербург становился его военный секретарь, полковник генерального штаба А. Ф. Филиппов[429]. В феврале 1851 г., получив известие о производстве австрийского фельдмаршала И. Радецкого в генералиссимусы, князь Варшавский счел себя оскорбленным. «Он… объявил, что его, Паскевича, никто еще не сравнивал с Суворовым, а, напротив, все окружающие и подчиненные ему, где соберутся двое или трое, непременно ругают и порочат его»[430]. Возмущался князь Варшавский даже тогда, когда в Лондоне на банкете по случаю похорон Веллингтона представлявший там Россию М. Д. Горчаков в застольной речи сравнил покойного Железного Герцога с русским фельдмаршалом. «Старец гневался на оратора… за то, что он навязал ему систему Веллингтона, тогда как он имел свою собственную систему»[431].

Гипертрофированное самомнение Паскевича, когда он в азарте был способен поставить себя выше Румянцева, Суворова и

Кутузова, коробило даже таких преданных фельдмаршалу людей, как Стороженко: «Если бы Светлейший выражался в подобных случаях с принятой обыкновенно умеренностью… это было бы прекрасно; а как он, напротив того, приписывает всё гениальным своим соображениям, то блеск подвига теряет свою яркость подобно тому, как подвергаются сомнению виденные им во всём против него интриги. <…> Сравнивать себя с Румянцевым, Суворовым и Кутузовым, а тем менее считать подвиги их даже в военном отношении ниже своих, ему бы не следовало. Этим он не возвышает себя, а беспрерывными повторениями о гениальных соображениях своих… ослабляет мнение об истинном достоинстве человека, достигшего столь высокой степени»[432].

Гангеблов однажды стал свидетелем того, как во время штурма Карса командующий устроил разнос полковнику Л. А. Лазареву, когда тот доложил, что русские войска «сильно шалят и бесчинствуют в городе». Услышав такое, Паскевич закричал: «Что такое? Небось грабят! Как вы смеете мне об этом докладывать? Вы ничего не знаете, вы ничего не читали; на это надо смотреть вот как!» При этом он поднес к глазам своим раздвинутые пять пальцев. «Вы разве не знаете, как Суворов брал города?»[433]

Очевидец штурма, британский военный наблюдатель полковник У. Монтейт свидетельствовал, что погромы и грабежи в Карсе были решительно и быстро пресечены русским командованием[434].

Британский разведчик считал Паскевича выдающимся полководцем и высказал любопытное предположение, что его грубость и заносчивость, возможно, являлись именно следствием подражания Суворову. «В своих действиях Паскевич отличался как холодным обдумыванием, так и быстрым исполнением принятого решения», – писал Монтейт. И тут же добавлял: «О нем можно сказать (перефразируя эпиграмму на Карла II), что он редко говорил умные вещи, но никогда не делал глупостей»[435].

Известный непотизм Паскевича также не ускользал от внимания критиков фельдмаршала. Стороженко полагал, что «покровительство старых сослуживцев – черта в характере прекрасная; но эпохи, положения, дело и обязанность бывают весьма различны: что в Азии хорошо, то в Европе весьма недостаточно. Управление канцелярией корпусного командира не то, что управление дежурством огромной армии; в этой пропорции всё разнствует между Грузией и Царством Польским, и вызванные из-за Кавказа люди, деловые по-тамошнему, нисколько не пригодны для здешнего управления». И задавался риторическим вопросом: «…думает ли фельдмаршал в самом деле, хваля способность и разум людей своих, что они имеют

приписываемые им достоинства, или желает мистифицировать тем истинно способных, чтобы они не зазнались и чтобы не почитали себя необходимыми. Но это и беспрестанные повторения, что ему ни в ком нет нужды, что у него всякий хорош и что он всё сам делает, отнимая охоту трудиться, производит тунеядцев»[436].

Со стороны казалось, будто фельдмаршал сознательно стремился «удерживать людей, назначаемых им на места не по способностям, а потому что они у него давно служат, и что под ним всякий хорош: поелику он сам, как говорит, делает всё, всех учит и направляет, и его администрации дивится Европа, как удивлялась военным подвигам»[437]. Фраза «у меня нет беспорядков и злоупотреблений»[438]регулярно произносилась наместником. Паскевича отличал «особенный свой взгляд на дела и людей; одна привычка к некоторым и грубая лесть их всегда находят в нем защиту»[439].

Раздражительность и несдержанность также сказывались на репутации полководца. Участник севастопольской обороны князь С. С. Урусов в 1854 г. в ходе Дунайской кампании поведал однополчанам историю, произошедшую где-то в середине 1840-х гг. Урусов приехал в Варшаву из Петербурга со срочным пакетом от императора. Когда Урусов рискнул зайти без доклада в кабинет к спавшему на софе наместнику, Светлейший запустил в него сапогом и обложил градом отборных ругательств[440].

Главной жертвой нападок фельдмаршала, как правило, выступал начальник штаба армии князь М. Д. Горчаков. Мягкий по характеру Горчаков, как свидетельствовал практически ежедневно общавшийся с ним Докудовский, дал Паскевичу жесткий отпор лишь однажды – в Венгрии летом 1849 г.

Там же в Венгрии разозленный фельдмаршал под аккомпанемент площадной брани угрожал повесить генерал-провиантмейстера барона Ф. К. Затлера. На одного из лучших в русской армии корпусных командиров генерал-адъютанта Ф. В. Ридигера фельдмаршал также обрушивался с обидными и несправедливыми упреками. А генерал-адъютанта И. Р. Анрепа однажды так и вовсе «схватил за грудь»[441].

Стоит ли удивляться тому обстоятельству, что и Ридигер, и Горчаков в годы Крымской войны делали всё, чтобы хотя бы частично выйти из-под тиранической опеки князя Варшавского? Стоит ли удивляться, что в 1855 г. опытнейший Ридигер, возглавляя комиссию для улучшений по военной части, советовал императору Александру II расформировать боевое управление Действующей армии под тем предлогом, что оно «сковывало инициативу корпусных командиров»?[442]

Не лишенный талантов М. Д. Горчаков значительную часть жизни находился в тени своего властного командира и, естественно, тяготился этим. Но в 1853 г., когда император Николай наконец доверил ему самостоятельное командование Дунайской армией, Горчаков в моральном отношении оказался совершенно к этому не готов. «Я стараюсь жить умом Вашей Светлости. <…> Вашими наставлениями… – признавался он Паскевичу, – я теперь дорожу более, чем когда-либо; ибо вижу, как мудрёно командовать большим войском»[443]. В феврале 1855 г., получив назначение в Крым, Горчаков вместо того, чтобы в соответствии с духом и буквой Устава 1846 г. распоряжаться там войсками властью Государя Императора, снова ожидал наставлений своего бывшего начальника: «Ваша Светлость окажет мне большую милость указанием того, что мне лучше предпринять и как лучше действовать», – писал он в Варшаву[444].

Система высшего военного управления, создававшаяся с 1830-х гг. фактически лично под Паскевича, по всей видимости, просто не предполагала наличия широкой скамьи запасных. «Не раз мне приходилось слушать теоретическое рассуждение, что война родит героев; – вспоминал ветеран севастопольской обороны мичман М. И. Ботьянов, – да, она родит героев, но поздно; во время войны они будут занимать не те должности, на которых могли бы сделать многое для дела!»[445]

Кровавая развязка Крымской кампании, таким образом, пусть и косвенно, была на совести фельдмаршала. В критический для России момент Крымская армия оказалась в руках генерала, который не смог взять на себя ответственность за неизбежную сдачу Севастополя, и вместо этого под давлением общественного мнения бросил ее в безнадежное наступление на Чёрной речке…

Князь Варшавский, скорее всего, подсознательно ощущал настороженное к себе отношение как со стороны петербургского высшего света, так и со стороны старой московской аристократии, которая после возвращения в Первопрестольную уволенного с Кавказа Ермолова встретила опального генерала овацией[446].

Докудовский вспоминал, как «в 1848 г… при одной крутой мере, клонившейся к недопущению беспорядков, будучи в сильно возбужденном состоянии духа и негодуя за что-то на Москву, Паскевич произнес: “Москва говорит, что я выскочка, что у меня здесь (тыкнув пальцем в голову) ничего нет; так я докажу, что у этого выскочки есть ум!”»[447].

В Петербурге, по словам неизвестного составителя биографии фельдмаршала, находящейся сегодня в его личном фонде в Российском государственном военно-историческом архиве, «влиятельная часть общества смотрела на Паскевича, как на

parvenu[448]» [449]°. Непросто складывались и его отношения с остзейской корпорацией. Генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-адъютанта Ф. Ф. Берга и министра иностранных дел К. В. Нессельроде в связи с событиями Венгерской войны Паскевич считал замешанными в интригах против себя[450]. Генерал А. О. Дюгамель, вспоминая вражду фельдмаршала и К. Ф. Толя, указывал то же, что и все современники: «У него был пренесносный характер: ревнивый, завистливый и честолюбивый, он постоянно страшился, чтобы кто-либо не отнес к другим часть той славы, которую он приписывал одному себе»[451].

Подозрительность Паскевича, его склонность практически во всем видеть лишь интриги, козни и зависть к себе недоброжелателей подчас раздражала даже Николая I[452], хотя фельдмаршал был его любимцем, «славой и историей царствования царя царствующего». Монарх не раз упрекал Паскевича в излишней раздражительности и необоснованном недоверии в отношении ближайших помощников. А в письме, извещавшем о производстве полководца в фельдмаршалы, император мягко и тактично советовал последнему «проявлять скромность»[453].

С императором Николаем Павловичем даже князь Варшавский обязан был говорить тоном верноподданного. Ближе к концу царствования в разговоре с Паскевичем киевский военный губернатор Д.Г. Бибиков заметил: «…теперь такое время, что можно легко слететь с места по одному капризу министра». Фельдмаршал с ним согласился. А на возражение Бибикова, что с Паскевичем такого случиться не может, так как он находится «в особом положении», князь Варшавский сослался на императора Павла I и Суворова, сказав, «что и меня могут сослать в Сибирь»[454].

В беседе с женой князя М. Д. Горчакова Паскевич так описывал характер императора в последние годы жизни: «Что Вы думаете?! Он и меня, и мужа Вашего в состоянии в минуту вспышки запрятать на гауптвахту; он час от часа делается раздражительнее и… напоминает Павла». Княгиня Паскевич не раз повторяла супруге Горчакова: «…мой Иван Фёдорович пред Государем как мокрая курица»[455].

Заканчивая свое описание фельдмаршала, Стороженко вспоминал известный афоризм Суворова: «Не тот хитр, кого называют хитрым». И утверждал, что «это можно применить и к Паскевичу <…> Додавши к тому всемогущее счастье, загадка возвышения его почти разгадывается»[456]. Но именно здесь и возникает желание не согласиться со словами Андрея Яковлевича, поскольку «загадка возвышения» остается.

Тяжелый характер Паскевича сильно затруднял его отношения с остальными представителями правительственной элиты императорской России. Служить под его началом также было непросто. Неслучайно, например, лейб-медик Д. К. Тарасов отказался принять место штаб-доктора Кавказского корпуса «ввиду особенного рода обхождения генерала Паскевича с подчиненными»[457].

Близких друзей фельдмаршал, судя по всему, не имел, хотя к некоторым своим любимцам благоволил. К их числу относились, например, варшавский военный губернатор А. А. Писарев, бывший командир бригады во 2-й гренадерской дивизии Паскевича в 1813–1815 гг., и дежурный генерал Действующей армии И.М. Викинский. Любил он и своих адъютантов: полковников Н. А. Рудзевича и Н. И. Ушакова.

Высший свет, как многие это отмечали, считал князя Варшавского выскочкой, московская знать, как уже сказано выше, была на стороне Ермолова, а для «остзейцев», даже если не принимать во внимание конфликт с Толем, Паскевич был чужаком[458]. Поэтому тем единственным столпом, на котором держалось беспрецедентное влияние «отца-командира», вне всякого сомнения, выступал лично император Николай I.

«Величия хороши издалека!»[459]° – признавался Паскевич в письме своему старому знакомому П.Н. Беклемишеву, который, как и он сам, служил в 1809–1810 гг. адъютантом у фельдмаршала А. А. Прозоровского. Известная мемуаристка камер-фрейлина А. Д. Блудова в августе 1850 г. весьма точно подметила, что «современники, видя вблизи недостатки великих исторических лиц, строже судят о мелочах, но зато они и подробности знают, которые драгоценны для будущего историка»[460]. «Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre»*[461]*, – гласит французская поговорка. «Tous les contemporains sont des valets de chambre»[462], – часто повторял Паскевич.

Ответ на вопрос, какие же качества позволили Ивану Фёдоровичу на протяжении тридцати лет сохранять благосклонность Николая, взойдя на вершину русского военно-политического Олимпа, дала следующая война, которая стала самым драматичным моментом его долгой карьеры и самым тяжелым испытанием для всей николаевской военно-политической системы.

Глава 4
Непредвиденное развитие Восточного кризиса 1853–1854 гг

В годы Восточной войны многократно возросли ценность и значение сведений, добываемых военной разведкой.

К началу 1850-х гг. ее работа, казалось бы, стала более планомерной и четкой. Отчеты с боевыми расписаниями армий великих держав отсылались корреспондентами в Петербург дважды в год: к 1 января и к 1 июля. Но генерал-квартирмейстер Главного штаба Ф. Ф. Берг по-прежнему фиксировал серьезные упущения в деятельности своего ведомства.

В середине XIX в. русский Главный штаб при сборе сведений об иностранных армиях мог рассчитывать на четыре основных канала поступления информации. Базовым источником сведений выступала иностранная военная периодика. Ее при составлении своих донесений могли использовать как русские военные корреспонденты за границей, так и непосредственно офицеры Военно-ученого отделения Департамента Генштаба, поскольку часть журналов пересылалась для них в Петербург. Вторым источником были доклады военных корреспондентов. Это был наиболее информативный и ценный источник, поскольку русские агенты за границей, благодаря личным контактам с иностранными офицерами, а также пользуясь правом легально посещать учения и маневры европейских армий, обладали возможностью проверять не всегда точные сведения, опубликованные в прессе и на страницах военных журналов. Третий источник сведений составляли сообщения из русских дипломатических миссий за границей. Однако сотрудники посольств и консульств, как правило, были настолько перегружены собственными служебными обязанностями, что просто не имели возможности исполнять дополнительно еще и поручения военного ведомства. В 1828 и 1843 г. Ф. Ф. Берг

просил военного министра князя А. И. Чернышёва обратиться к канцлеру К. В. Нессельроде с просьбой обязать русские дипломатические миссии в государствах, где у России не было специальных военных корреспондентов, высылать в Петербург донесения об их военных силах хотя бы по упрощенной форме. Но оба раза обращения в МИД не принесли результата. Доклады об иностранных вооруженных силах по-прежнему поступали от Министерства иностранных дел крайне редко и разрознено. Четвертым источником были сведения, добываемые тайной агентурой либо офицерами, выполнявшими разведывательные задания нелегально, но в мирное время из-за возможных дипломатических осложнений Военное министерство крайне неохотно прибегало к подобному способу получения информации.

Постепенно Ф. Ф. Берг пришел к выводу, что 2-е (Военно-ученое) отделение Департамента Генерального штаба, которое, в соответствии со «Сводом военных постановлений», должно было быть центром сбора разведывательной информации, фактически стать таковым не может. 19 февраля 1852 г. в донесении военному министру князю А. И. Чернышёву Берг признавался: «Доселе 2-е Отделение Департамента Генерального Штаба для исполнения этой обязанности, не имея в распоряжении своем иных средств, кроме повременных изданий, журналов и газет, встречало всегда большие затруднения в составлении верного отчета о военных силах и способах иностранных государств (кроме Пруссии), единственно от недостатка материалов и потребных сведений»[463].

Фактически из четырех вышеперечисленных источников разведывательной информации Департамент Генштаба, который в должности генерал-квартирмейстера Главного штаба возглавлял Ф. Ф. Берг, имел бесперебойный доступ лишь к одному: к выписываемым из-за границы иностранным книгам и периодическим изданиям. Отчеты военных корреспондентов, которые были наиболее информативным источником, попав в канцелярию министерства, затем крайне редко оказывались в распоряжении военно-ученого отделения. По неписаному правилу, военный министр сразу же отсылал их императору Николаю, который предпочитал работать с ними лично. Редко и с большим опозданием военный министр передавал их затем ведомству генерала Берга. Складывалась нелепая ситуация, при которой генерал-квартирмейстер Главного штаба, добившийся больших успехов в организации работы военных корреспондентов, фактически был отрезан от прямого доступа к их донесениям.

В записке от 19 февраля 1852 г. Берг осмелился предложить военному министру отказаться от подобной практики и перенять в деле сбора разведывательной информации принципы работы прусского Генерального штаба. По своей сути идея Берга сводилась к тому, чтобы сконцентрировать в особом секретном столе при Департаменте Генштаба всю работу по систематизации сведений, черпавшихся из иностранных периодических изданий, поступавших от корреспондентов, из русских посольств и консульств, а также от тайных агентов[464].

Работу секретного стола, как это было принято в прусском Генштабе, Берг предполагал сосредоточить на трех направлениях. К первому направлению планировалось отнести Швецию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию, Францию, Португалию и Испанию. Ко второму направлению, соответственно, – Пруссию, все германские государства, Австрию, все итальянские государства и Швейцарию. К третьему направлению – Турцию, Персию, Ост-Индию, Вест-Индию, Китай, Коканд, Бухару и Хиву. Начальником каждого отдела Берг предлагал назначить штаб- или обер-офицера Генерального штаба «из самых отличнейших и знающих иностранные языки».

Начальники отделов должны были курировать работу своих военных корреспондентов, получать и обрабатывать их донесения. По замыслу генерал-квартирмейстера, этим офицерам должны были быть доступны архив Военно-топографического депо и библиотека Генерального штаба, чтобы «они всегда могли получить под собственные их расписки без особых предписаний, замедляющих лишь ход работ, все нужные им карты и книги». «Для них, – продолжал Берг, – должны быть выписываемы все потребные им иностранные журналы и другие периодические издания. Офицеры эти обязаны содержать во всегдашней исправности и в надлежащем порядке все сведения о военных силах иностранных государств каждый по своей части». Кроме того, он просил увеличить финансирование библиотеки Генерального штаба хотя бы на 600 руб. серебром в год. Библиотека, получавшая из Кабинета Его Императорского Величества 500 червонцев (1500 руб. серебром) в год, не могла выписывать военную периодику через почту и получала журналы «разом по навигации или при удобных случаях», отчего они доставлялись нерегулярно и с большими задержками.

При сборе военных сведений в государствах, где у России не было военных корреспондентов, Генштаб должен был полагаться на донесения дипломатических чиновников. Но по опыту тщетных обращений в Министерство иностранных дел в 1828 и 1843 г. Берг хорошо понимал, что перегруженный собственными

служебными делами персонал посольств будет выполнять задания военного ведомства крайне неохотно. Несмотря на это, генерал-квартирмейстер просил военного министра Чернышёва еще раз обратиться к министру иностранных дел с тем, чтобы последний предписал русским посольствам в Дании, Нидерландах, Португалии, Риме, Тоскане, Неаполе, Персии и генеральному консулу в Египте доставлять дважды в год небольшой отчет о военных силах данных государств.

Там, где невозможно было использовать корреспондентов или дипломатических чиновников, Берг, следуя практике прусского Генштаба, признавал необходимыми специальные командировки офицеров. Однако прибегать к ним, по его мнению, следовало с большой осторожностью и преимущественно для осмотра важнейших крепостей.

Военный министр князь Чернышёв изучил предложения Берга и 27 февраля 1852 г. дал на них отрицательный ответ[465]. Генерал-квартирмейстеру было предложено сконцентрироваться на изучении материалов военной периодики, поскольку, по мнению министра, в последнее время «значительно увеличились общедоступные источники». Корреспонденты же, с его точки зрения, должны были играть лишь вспомогательную роль.

Широкие планы реорганизации Департамента Генштаба были отвергнуты. А. И. Чернышёв пошел навстречу генерал-квартирмейстеру Главного штаба лишь в вопросе о передаче в его распоряжение тех донесений корреспондентов, которые поступили в канцелярию Военного министерства до 1 января 1852 г. Сведения за более поздний период военный министр обещал передавать Бергу по мере поступления, но лишь «по непосредственному своему указанию». Таким образом, положение, при котором Берг получал донесения военных корреспондентов лишь после того, как работу с ними завершали император Николай и военный министр, осталось без изменений.

Отказ министра не обескуражил Берга. 26 марта 1852 г. он в тактичной форме постарался доказать неосновательность взгляда Чернышёва на военную периодику как на основной источник сведений о вооруженных силах иностранных государств.

Генерал-квартирмейстер объяснял, что боевые расписания, официально публикуемые в Австрии, заведомо недостоверны[466], поскольку «австрийское правительство всегда старалось и старается не объявлять настоящего числа своих военных сил, которых, по расстройству финансов, налицо всегда меньше, чем показывается в газетах»[467]. В Португалии, Испании, Италии, Турции и Персии военная периодика отсутствовала в принципе. Даже во Франции издания, посвященные вооруженным силам,

далеко не в полной мере отражали данные о строевом составе войск.

Берг добился лишь того, что к марту 1852 г. на основании донесений корреспондентов, переданных из канцелярии Военного министерства, департамент Генштаба составил подробные отчеты о вооруженных силах Пруссии, Франции, Турции, Австрии, Великобритании, Бельгии, Вюртемберга, Баварии и Швеции.

19 апреля 1852 г. предложения Берга были отклонены окончательно. Министр сообщил ему решение Николая I, который «изволил признать излишним ввести у нас учрежденный в прусском Генеральном штабе порядок для собирания сведений о военных силах иностранных государств»[468].

Вместе с тем император дал согласие на то, чтобы «с министерством Иностранных дел возобновлено было сношение о поручении посольствам нашим в тех государствах, в коих нет особых корреспондентов, доставлять повременные в определенные сроки сведения о состоянии военных сил сих государств по краткой и удобоисполнимой программе». Кроме того, Николай поручил выписывать иностранные военные журналы через корреспондентов и доставлять их в Россию посредством курьеров, отправляемых посольствами[469].

Таким образом, высшая военно-политическая разведка в России к началу 1850-х гг., с одной стороны, накопила серьезные профессиональные достижения, но, с другой стороны, так и не смогла полностью изжить ряд организационных недостатков. Возникновение при Николае I постоянно действующей разведывательной службы, позволявшей достаточно оперативно собирать сведения о вооруженных силах иностранных государств, оказалось значительным шагом вперед по сравнению с эпохой Наполеоновских войн, когда такого рода структуры создавались в значительной степени импровизированно.

В то же время стремление Николая I напрямую работать с донесениями военных корреспондентов и дипломатов имело оборотную сторону. Наряду с первоклассными отчетами, из европейских столиц в Петербург поступали отрывочные, неточные и несистематизированные сведения. Министерством иностранных дел император Николай, по сути, также руководил лично. Опытный дипломат канцлер К. В. Нессельроде порой играл при нем лишь техническую роль. Подобная сверхцентрализация придавала политическому курсу России определенную гибкость, но в то же время не позволяла принимать взвешенные и всесторонне обдуманные решения в том случае, если император находился в плену ошибочного или предвзятого мнения относительно военно-стратегической обстановки.

Итак, в 1852 г. А. И. Чернышёв и Николай I не согласились на предложенную Ф. Ф. Бергом реорганизацию Департамента Генерального штаба. Возможно, одной из причин этого стало обострение ближневосточного кризиса. Но, скорее всего, проблема лежала глубже. Император Николай оказался в принципе не готов к появлению рядом с собой институционально оформленного центра анализа стратегической информации, тем более к постоянному его существованию внутри системы высшего военного управления

России. Честолюбивому генералу Бергу, в отличие от Чернышёва и Паскевича, не нашлось места внутри узкого круга ближайших военных советников Николая I, окончательно сложившегося еще в первой половине 1830-х гг.

В 1850 г. вялотекущий кризис на Ближнем Востоке, вызванный спором о правах католического и православного духовенства в Палестине, вначале не вызывал беспокойства в столицах великих держав. Он не затрагивал напрямую ни русско-британские, ни русско-турецкие отношения[470]. Долгое время конфликт развивался в виде непрямого противостояния между Россией и Францией.

Государственный переворот, осуществленный французским президентом Луи Наполеоном Бонапартом 2 декабря 1851 г., стал началом совершившегося ровно через год формального восстановления Французской империи. События в Париже вновь вызвали консолидацию союза консервативных континентальных монархий, согласие между которыми было основательно подорвано в ходе событий 1848–1850 гг.

В мае 1852 г. прежний военный союз Австрии и Пруссии был восстановлен. Его антифранцузская направленность не вызывала сомнений. Один из пунктов договора гарантировал австрийские владения в северной Италии. Начальник австрийского Главного штаба генерал Г. фон Гесс приступил к разработке плана совместных австро-прусских военных операций против Франции[471].

Первоначально Николай I одобрил переворот 2 декабря. Подобно действиям генерала Л. Э. де Кавеньяка в дни Июльской революции 1848 г., этот шаг представлялся императору необходимой мерой устрашения радикальных революционеров-республиканцев. Но очевидное намерение Луи Наполеона принять императорский титул привело к резкому охлаждению отношений между Петербургом и Парижем.

Россию, Австрию и Пруссию объединяли традиционные опасения относительно возможного расширения французской экспансии, однако сами консервативные монархии при этом не

желали становиться инициаторами войны. Более того, Россия, Австрия и Пруссия так и не смогли выработать единую линию политического поведения даже на ближайшую перспективу.

Позиция австрийского канцлера князя Ф. фон Шварценберга была высказана в ноте от 23 декабря 1851 г. Канцлер призывал Россию и Пруссию смириться с неизбежным восстановлением Французской империи и признать трактат 20 ноября 1815 г., лишавший династию Бонапартов законных прав на престол, утратившим силу. По мнению Шварценберга, добровольный шаг союзников навстречу будущему Наполеону III должен был предотвратить сближение последнего с Англией, признававшееся потенциально опасным для консервативных дворов[472].

Предложение Шварценберга не встретило одобрения в России и Пруссии. Сам же австрийский канцлер неожиданно скончался 5 апреля 1852 г. Его преемник К. Ф. Буоль придерживался противоположной точки зрения. Он предложил союзным монархам, в случае дипломатического признания, обращаться к новоиспеченному императору, называя его «дорогой друг», то есть по форме, принятой в те годы, к примеру, в отношении президента Соединённых Штатов Америки[473].

Однако согласованного демарша не получилось, поскольку в последний момент Пруссия и Австрия отказались от своего первоначального намерения. В результате русский посланник граф Н. Д. Киселёв оказался единственным среди иностранных дипломатов, кто от имени Николая I приветствовал Наполеона III не как «брата», а как «друга»[474].

Министр иностранных дел граф К. Ф. Нессельроде в своих объяснениях с французским послом генералом Б. Д. Ж. Кастельбажаком ссылался на то, что подобные проблемы в отношениях России с Францией возникали и в прежние времена. В первой половине XVIII в. Франция на протяжении 30 лет не признавала императорского титула Петра Великого. «Не отрицая верховной власти в лице его величества императора французов, – заверял Нессельроде французского посла, – нам в наших актах невозможно титуловать его Наполеоном Третьим. Мы вовсе не настаиваем, чтобы принц-президент усвоил себе нашу историческую точку зрения; но нужно, чтобы и он в свою очередь также не заставлял нас смотреть на этот вопрос с его точки зрения»[475].

Угроза англо-французского сближения, которая беспокоила князя Шварценберга, долгое время могла казаться преувеличенной. Инерция двухвекового англо-французского соперничества была слишком велика, чтобы Николай I мог всерьез воспринимать такую опасность. Со времен кризиса в

Марокко и на Таити в 1844 г. и вплоть до весны 1853 г. между Великобританией и Францией складывались неприязненные отношения. В 1850 г. в ответ на так называемое дело Дона Пачифико и попытку Великобритании применить силу против Греции последовал разрыв дипломатических отношений между государствами[476]. Переворот 2 декабря 1851 г., провозглашение Второй империи и слухи о готовящемся французском вторжении в Бельгию[477]вызвали в Англии серьезные опасения.

Однако, как показало стремительное восстановление австро-прусского союза в 1851–1852 гг., тесное сближение между враждовавшими прежде великими державами на временной основе было возможно и без урегулирования остающихся между ними фундаментальных противоречий. В этом смысле ближневосточный кризис стал для сближения Англии и Франции тем, чем приход Наполеона III к власти был для Австрии и Пруссии.

Историк Э. Даниэльс утверждал, что Луи Наполеон «неохотно вступил в союз с Англией», поскольку центр французских интересов лежал не на Востоке, а в Бельгии, на Рейне и в Италии. Наполеон «решился на это только потому, что иначе Франция осталась бы изолированной. Русский союз удовлетворял его гораздо больше, если бы он был достижим»[478].

По мнению французского историка, соглашение с Великобританией требовалось Наполеону не столько для безопасности, сколько для приобретения дополнительного международного авторитета[479]. Но в обстановке обострявшегося кризиса на Ближнем Востоке потребность в поддержке со стороны Великобритании становилась всё более очевидной.

По мнению русского журналиста Е.М. Феоктистова, суть Восточного вопроса могла быть определена весьма просто: «Он состоит в изыскании средств предотвратить замешательства, которые угрожают политическому равновесию Европы вследствие слабости Порты, с одной стороны, и могущества России – с другой»[480].

По всей видимости, изначально Наполеон III не имел в виду столкновение с Россией, но «раз из этого дела появился крупный политический вопрос, он позаботился о том, чтобы довести дело до войны»[481].

Э. Друэн-де-Люис, министр иностранных дел Франции, признавался: «Вопрос о Святых местах и всё, что к нему относится, не имеет никакого действительного значения для Франции. Весь этот Восточный вопрос, возбуждающий столько шума, послужил императорскому (французскому) правительству лишь средством расстроить континентальный союз, который в

течение почти полувека парализовал Францию»[482].

Американский исследователь Д. Дейли анализировал взаимоотношения России и Турции после подписания Адрианопольского трактата в 1829 г. в контексте общей истории Восточного вопроса. Он пришел к выводу, что сущность внешней политики Николая I и канцлера К. В. Нессельроде была не наступательной, а оборонительной, так как оба прекрасно сознавали: «…любая попытка овладеть Константинополем вовлечет Россию в большую войну с Европой, коалиционную войну, которую Россия не могла надеяться выиграть»[483].

«Сколько бы русские ни говорили о грядущей гибели и разделе Турецкой империи, – утверждал выдающийся английский историк А. Тэйлор, – их фактическая политика за предшествовавшие двадцать лет заключалась в поддержке Оттоманской империи как буферного государства, обеспечивавшего безопасность Чёрного моря; неотъемлемым условием такой политики было то, что Турция должна была бояться России больше, чем какой-либо другой державы. Теперь турки показали, что они боятся Франции больше, чем России. <…> Через год, когда вспыхнула война, английское правительство опубликовало документы о переговорах Сеймура вместе с составленным в 1844 г. планом раздела Турции. Тогда именно и возник миф, будто Россия стремится к расчленению Турецкой империи. Это было неверно. Какие бы отдаленные планы ни лелеял царь, практической задачей русской политики в начале 1853 г. было восстановление преобладающего влияния России в Константинополе, утраченного в результате успеха Франции в вопросе о “Святых местах”»[484].

Несмотря на то, что восстановление французского господства в Западной Европе и пересмотр границ, навязанных Парижу победителями в 1815 г., на протяжении нескольких десятилетий являлось магистральной установкой внешней политики Франции, военные успехи остро требовались наполеоновскому правительству еще и по внутриполитическим условиям. Наполеоновский режим держался на штыках армии и потому был вынужден считаться с настроениями вооруженных сил. По мнению современника, французской армии «желалось поскорее сделаться еще чем-нибудь другим, кроме армии 2-го декабря»[485].

Под давлением Наполеона III султан предоставил католикам дополнительные права в Палестине. С этого момента конфликт стал стремительно перерастать из конфессиональной плоскости в политическую. «Не заметить» демонстративного ущемления прав православного населения Турции Россия просто не могла, «если,

конечно, она хотела именоваться великой державой»[486].

Масштаб Восточного кризиса постепенно расширялся. К спору о правах православного и католического клира на Святой земле добавилось противостояние Австрии и Турции. В конце 1852 г. вспыхнул вооруженный конфликт между Османской империей и находившейся в номинальной вассальной зависимости от нее Черногорией[487]. Константинополь отклонил предложение России о посредничестве.

Австрийское правительство, опасаясь, что военные действия могут спровоцировать волнения в славянских провинциях империи, привело в боевую готовность свои войска на границе. В начале 1853 г. в Константинополь отправилась миссия графа Х. Ф. Лейнингена[488], которая выдвинула туркам ультиматум о прекращении боевых действий и очищении Черногории. В феврале 1853 г. между Турцией и Черногорией было подписано мирное соглашение.

Желая прояснить отношение Британии к возможному столкновению России с Турцией и к перспективе раздела наследства «больного человека», император Николай решился на беседу с британским послом Г. Сеймуром. Предложения территориального расчленения Османской империи не вызвали сочувствия у британского кабинета, с его стороны последовал вежливый отказ. Несмотря на то, что эти предложения Николая I не шли дальше тех, что он высказывал британскому кабинету еще в ходе визита в Великобританию в 1844 г., император явно переоценивал возможность прийти с англичанами к соглашению в Восточном вопросе.

Тем не менее отказ содействовать России еще не означал автоматического перехода Лондона в число ее активных противников. По мнению британских историков, королевский флот в лице Первого лорда Адмиралтейства Д. Грэма и оберсервайера Б. Уокера в начале 1850-х гг. рассматривал пресловутую «русскую угрозу» в качестве своеобразной интермедии в долгосрочном соперничестве Великобритании с Францией. С их точки зрения, британская кораблестроительная программа даже в 1854–1855 гг. по-прежнему сохраняла преимущественно «антифранцузский» характер[489].

Как отмечал американский исследователь Дж. Ш. Кёртисс, между декабрем 1852 г. и маем 1853 г. позиция Британии в Восточном кризисе была подвержена серьезным колебаниям[490]. Сам по себе факт отправки в Константинополь миссии князя А. С. Меншикова еще не угрожал выходом событий из-под контроля. Меншиков 16 (28) февраля 1853 г. на борту парохода «Громоносец» прибыл в Константинополь, где вскоре начались

переговоры.

Перед отъездом Меншиков получил устные инструкции от Николая I и письменные – от канцлера К. В. Нессельроде. Эти инструкции оставляли за русским эмиссаром право, в случае необходимости, воздействовать на турецкое правительство угрозой признания независимости Придунайских княжеств. Предложения, высказанные Меншиковым Порте, далеко выходили за пределы спора о статусе Святых мест. Речь шла о добавлении в трактат 1774 г. особого пункта, касающегося формальных гарантий прав и привилегий православных подданных султана в обмен на заключение военного союза против Франции[491].

Русская дипломатия не желала допускать того, чтобы наполеоновская Франция заняла в Леванте преобладающее положение, которое представило бы ей возможность, в случае распада Османской империи, претендовать на значительную часть ее наследства[492].

В вопросе о статусе Святых мест достаточно быстро удалось найти компромисс. Но требование расширительного толкования статей Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., связанных с правом русского покровительства православным подданным султана, вызвало у англичан и французов серьезное противодействие. Паскевич в своих записках также считал требования, заявленные Меншиковым, чрезмерными и не согласными с прежними трактатами[493], поэтому здесь уместно отметить серьезное несовпадение взглядов по данному вопросу в ближайшем окружении монарха[494].

На фоне дипломатических переговоров положение стало постепенно обостряться. Полковник Х. Г. Роуз, британский поверенный в делах в Константинополе, и его французский коллега граф В. Бенедетти потребовали от своих правительств отправки флотов в акваторию Эгейского моря с целью дипломатического давления на Россию[495].

О серьезных колебаниях британского кабинета говорит тот факт, что предложение Роуза было отклонено. Британский флот остался на Мальте, хотя и был приведен в состояние боевой готовности. Наполеон III был настроен гораздо решительнее: 23 марта эскадра под командованием вице-адмирала А. Л. Ф. Реньо де ла Сюса покинула Тулон и взяла курс на восток. Спустя несколько дней французы бросили якорь в Саламинской бухте[496].

Командование королевского флота не спешило содействовать французам, продолжая питать к своему историческому сопернику глубокое недоверие. Проблема субординации также затрудняла эффективное взаимодействие. Адмирал Реньо де ла Сюс, по

сравнению с командующим британской Средиземноморской эскадрой вице-адмиралом Д.У. Дондасом, был старше в чине, а сама французская эскадра насчитывала больше кораблей[497]. Играть же подчиненную роль британские моряки, по понятным причинам, не хотели.

Военные приготовления набирали обороты и в России. В конце 1852 г. Николай I приказал перевести на военное положение войска V пехотного корпуса, расквартированного в Крыму и Новороссии. С 10 февраля 1853 г. проводились мероприятия по развертыванию IV пехотного корпуса, который двинулся на юг для соединения с V корпусом, тогда как III корпус занял освободившиеся квартиры IV корпуса[498].

Министр иностранных дел К. В. Нессельроде пытался убедить британского посла Г. Сеймура в обоснованности частичного развертывания русских войск на южном стратегическом направлении. Канцлер утверждал: «Шансы успеха между Россией и Францией были бы слишком неравны, если бы последняя имела возможность направлять свой флот во все концы Средиземноморья и каждое свое требование предъявлять Порте на лезвии меча, тогда как мы оставили бы в турках убеждение, что мы не в состоянии защитить ни их, ни собственные наши интересы»[499].

Эти же аргументы Нессельроде повторил в меморандуме британскому кабинету 9 (21) февраля 1853 г.: «Франция требования свои к Порте предъявила “через жерла своих пушек” при полном молчании Англии, из чего Порта заключила, что со стороны Франции ей следует всего ожидать и всего опасаться, требования же Австрии и России она может безнаказанно оставлять без внимания»[500].

Нессельроде признавал, что европейские державы «имеют дело с правительством, которое уступает лишь решительным требованиям». Средством давления на Турцию для Австрии и России стали миссии Лейнингена и Меншикова.

Принимая решение о направлении посольства князя А. С. Меншикова, Николай I отнюдь не стремился доводить дело до войны с Турцией, еще менее желал он разрыва с западными державами. Герцог Е. Вюртембергский, герой войны 1812 г., двоюродный брат Николая I и один из самых преданных сторонников России в Германии, полагал, что Николай I имел право объявить войну Турции уже на том основании, что последняя, удовлетворив претензии Франции и Австрии, демонстративно отклонила требования Петербурга[501].

Паскевич, как и Николай I, серьезно недооценивал опасность англо-французского соглашения против России. Лондон явно не

желал мириться с требованием о заключении между Россией и Турцией наступательного и оборонительного союза, выдвинутым Меншиковым в ходе переговоров. После прочтения его донесений от 24 и 26 марта 1853 г. у князя Варшавского возникло правильное впечатление, что британский посланник Ч. Стратфорд-Каннинг «будет действовать за турок и Францию, а не так, как обещало английское правительство». Однако истинный смысл тонкой политической игры опытного британского дипломата фельдмаршал всё же оценил неверно.

С точки зрения Паскевича, Британия, для того чтобы отвлечь Париж от экспансионистских замыслов в Европе и особенно в Бельгии, стремилась к тому, чтобы столкнуть лбами Россию и Францию в Восточном вопросе. «Здесь обнаруживается, – писал фельдмаршал, – в политике Англии, что боятся теперь англичане разрыва с Францией. Заняв Францию, в другом месте, даже развязав с ней войну, не будет ли для англичан средством удержать Францию от нападения на Англию?».

«Старинная, всегдашняя политика Англии, – справедливо утверждал русский главнокомандующий, – была: ссорить державы твердой земли. Это до того вошло в их правило, что, видя долгий мир в Европе, они старались даже возмущениями сделать перевороты на твердой земле. Как же им не рисковать несколькими кораблями для того, чтобы удержать Францию в разрыве с Россией? Нынешнее же положение дел в Турции дает им к тому возможность. Заключаю тем, что Англия по расчету допустит нас объявить войну, не будет удерживать от того и турок, не склонив их на соглашение и на уступки»[502].

Мнение, что Британия воздержится от непосредственного участия в конфликте, было очень опасным заблуждением. Под влиянием русофобской кампании в британской печати[503] английское правительство постепенно всё более склонялось к поддержке Франции и Турции на Востоке.

Для русской стратегии на повестку дня встала давняя идея высадки десанта на Босфоре. В феврале 1853 г. в операции, по расчетам Николая I, должны были принять участие 13-я и 14-я пехотные дивизии V корпуса. Император считал, что «чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе»[504]. Похожих взглядов придерживался и князь Варшавский, 12 февраля он написал императору, что успешная высадка «одним ударом ведет не только к окончанию войны, но и к ниспровержению Европейской Турции»[505].

Однако появление французского флота в Саламине вынудило Меншикова признать «крайнюю затруднительность или даже

невозможность» десанта. Морской министр даже в благоприятных условиях считал десантную экспедицию предприятием трудновыполнимым, если вообще возможным[506].

Письмо, датированное 12 (24) марта, пришло в Петербург между 22 и 24 марта (3–5 апреля). В то же самое время – 19 марта (1 апреля) – начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В. А. Корнилов предупредил Меншикова и великого князя Константина Николаевича, что «высадки десанта на Босфоре никак не должно предпринимать, иначе как при соблюдении самой глубокой тайны»[507].

В донесениях Корнилова не было никаких указаний на присутствие французского флота. По всей видимости, в тот момент адмирал еще не имел сведений о его появлении. Как бы то ни было, приход эскадры Реньо де ла Сюса делал высадку крайне затруднительной.

Не добившись от турок, чувствовавших поддержку Англии и Франции, уступок в вопросе о покровительстве православным подданным султана, Меншиков 9 (21) мая покинул Константинополь. Через 10 дней было объявлено, что если Порта не согласится признать право России на покровительство православному населению

Турции, то русские войска в залог выполнения данного требования займут Придунайские княжества.

2 июня 1853 г. вице-адмиралу Д. У. Дондасу, командующему британской средиземноморской эскадрой, было приказано подчиняться указаниям посла Стратфорда-Каннинга. 13–14 июня британские корабли сосредоточились у входа в Дарданеллы в Безикской бухте. 20 июня к ним присоединились французы, которыми теперь командовал адмирал Ф. А. Гамелей[508].

С этого момента вопрос о десантной операции на Босфоре был отложен на неопределенное время. В качестве менее рискованного варианта Николай I и Паскевич обсуждали идею высадки дивизий V корпуса в районе Варны и Бургаса, но, так как война с Турцией формально еще не началась, император не стремился становиться ее инициатором.

21 июня 1853 г. русские войска под командованием генерал-адъютанта М. Д. Горчакова перешли Прут и заняли Придунайские княжества. «По переходе Прута, – признавался французский наблюдатель, – война стала делом решенным»[509].

На этом этапе фельдмаршал всё еще полагался на содействие со стороны Австрии и Греции в случае начала войны[510]. Князь Варшавский не относился к числу сторонников похода на Константинополь через Балканы, понимая всю сложность подобной операции. Даже в благоприятной обстановке такой

поход, по опыту войны 1828–1829 гг., требовал отвлечения на Дунайский театр значительной доли войск и ресурсов, а это неизбежно ослабляло позиции России в Европе[511]. «Я всегда ненавидел кампании в Турции, – писал М. Д. Горчаков под очевидным влиянием фельдмаршала, – на каждом шагу того и гляди, что переморишь людей или от болезней, или с голоду»[512]. По этой причине Паскевич поддерживал идею десанта даже тогда, когда военно-стратегические обстоятельства сделали его практически невозможным.

Убеждая императора ограничиться оккупацией княжеств, Паскевич предполагал этим шагом, с одной стороны, приостановить дальнейшую эскалацию конфликта, с другой – создать менее затратное, чем угроза похода, средство давления на Османскую империю. Таким средством, по мнению фельдмаршала, должно было стать ополчение из балканских славян. Идея заключалась в том, чтобы на основе кадровых войск Придунайских княжеств, численность которых доходила до 10 000 чел., сформировать славянское ополчение и с началом войны использовать его против турок. Такая мера, по словам Паскевича, «могла бы сделаться началом распадения Турецкой империи»[513]. Россия же получала существенную экономию средств, так как фельдмаршал полагал, что при наличии ополчения будет достаточно иметь против турок всего один или два корпуса, даже если последних поддержат западные державы[514]. В основе оптимизма фельдмаршала лежал успешный опыт 1807 г., когда император Александр I разрешил отправить в Сербию один батальон Олонецкого полка, казачий полк и четыре орудия. Небольшой русский отряд сделался тогда ядром сербского ополчения[515].

Залог успеха возможной кампании на Дунае Паскевич видел в отказе от развертывания русских войск по Дунаю широким фронтом. Район боевых операций Дунайской армии он планировал ограничить пространством между Бухарестом, Гирсово, Варной, Шумлой, Рущуком и Силистрией. Ближайшая цель будущей кампании виделась главнокомандующему Действующей армией в занятии Варны[516].

Фельдмаршал всё еще не верил в опасность близкой войны. Видимо, поэтому в конце письма М.Д. Горчакову от 21 августа 1853 г. князь Варшавский сделал собственноручную приписку:

«Я думаю, что война кончена будет»[517]. Даже в апреле 1854 г., когда Россия оказалась в состоянии войны с Турцией, Францией и Великобританией, фельдмаршал продолжал питать тщетные надежды на внутреннюю непрочность их альянса. «Союз против нас Европы, – надеялся князь Варшавский после

обнародования манифеста о начале войны, – дело преходящее и скоро преходящее: он не в натуре вещей, не имеет в себе жизненности, как не имело ее, например, избрание немецкого императора из купцов во Франкфурте и т. п. Не пройдет и года, а турки и прочие союзники каждый в отдельности будут искать союза России, молить ее о помощи»[518].

Амбициозные планы по созданию ополчения завершились неудачей. Как отмечал генерал-лейтенант Н. И. Ушаков, дежурный генерал Дунайской армии, вместо ожидавшихся десятков тысяч добровольцев в русский лагерь явилось лишь 3000 чел., из которых многие впоследствии дезертировали. Оставшиеся 900 ополченцев принесли более вреда, чем пользы. По словам очевидца, они «не только грабили на улицах Браилова, Галаца и других городов, но даже днем производили там кровавые драки и убийства»[519]. Чтобы остановить бесчинства, зачинщиков погромов приходилось судить полевым судом, а затем казнить.

28 июля австрийский канцлер К. Ф. Буоль выступил с так называемой «Венской нотой». Австрия, Франция, Британия и Пруссия предложили компромиссное решение русско-турецкого спора. Согласно «Венской ноте», Турции предписывалось соблюдать все условия Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров относительно прав христианских подданных султана, однако спорные вопросы должны были отныне ставиться под коллективный контроль великих европейских держав. Россия согласилась при условии, что в текст ноты не будут внесены изменения, однако Турция, негласно побуждаемая своими новыми союзниками, потребовала их внести. В конечном итоге переговоры не дали результатов и были свернуты.

На очень короткое время, пока исход переговоров еще не стал ясен, в Петербурге вновь вернулись к идее десанта на Босфоре, поскольку появилась надежда на то, что турки в своем противостоянии с Россией окажутся в одиночестве. На фоне достаточно сдержанной позиции, занятой на Венской конференции Австрией и Великобританией, отчетливо проявлялось стремление французской делегации к эскалации конфликта[520]. Постепенно нарастала враждебность и со стороны британского кабинета, который не мог игнорировать общественное мнение собственной страны, весьма восприимчивое к русофобской кампании в прессе.

14 сентября 1853 г. турецкий султан предъявил России ультиматум с требованием очистить княжества. Ответа на него не последовало, и 20 октября 1853 г. началась русско-турецкая

война.

Несмотря на неудачу с ополчением, общая осторожная линия Паскевича, ввиду неясности обстановки, представляется оправданной. Фельдмаршал был совершенно прав, когда предсказывал, что наступление за Балканы, из-за поддержки турок союзниками, не может принести стратегических результатов. Однако даже осенью 1853 г. в рассуждениях русского главнокомандующего всё еще чувствовалась уверенность в непрочности англо-французского альянса. Паскевич питал надежду если не на мирное соглашение, то, по крайней мере, на скорое разрушение вражеской коалиции[521].

Время с октября 1853 по февраль 1854 г. прошло в подготовке к Дунайской кампании. Фельдмаршал прибыл в Петербург для личных совещаний с Николаем I и военным министром князем В. А. Долгоруковым, который в 1852 г. сменил в этой должности А. И. Чернышёва.

Как и в 1848 г., Россия осуществляла полное мобилизационное развертывание своей сухопутной армии. Осенью 1853 г. 13-я пехотная дивизия V корпуса из Севастополя была отправлена на Кавказ, ей на смену из Одессы прибыла бригада 14-й дивизии того же корпуса. Оба соединения перебрасывались морем, что говорило о сравнительно высокой готовности армии и флота к совместным действиям.

Придунайские княжества занимала армия М. Д. Горчакова, главной силой которой стали III и IV пехотные корпуса. Войсками, прикрывавшими Царство Польское, командовал генерал-адъютант Ф. В. Ридигер. Его армия состояла из I, II и Гренадерского корпусов. Поскольку армии Горчакова и Ридигера создавались на базе Большой Действующей армии, общее руководство было поручено фельдмаршалу Паскевичу.

VI пехотный корпус, дислоцированный в Центральной России и игравший до войны роль общего резерва, также был приведен в боевую готовность. Из его состава 18-я пехотная дивизия пешим маршем была отправлена на Кавказ. 16-я и 17-я дивизии выступили на Украину.

Паскевич однозначно высказался в пользу эвакуации слабых укреплений Кавказской береговой линии, которые не имели шансов отразить совместное нападение союзников с моря и черкесов с гор. Этим шагом фельдмаршал сохранил для Кавказского корпуса 2000 чел. и 100 орудий. «Скажут, что упразднение сие произведет дурное влияние, – писал Паскевич, – но оно будет еще хуже, когда укрепления будут взяты с пленными и с орудиями»[522].

Войскам Горчакова ставилась задача форсировать Дунай, но

от похода за Балканы из-за явного стремления Франции и Англии вступить в войну решено было отказаться. Вплоть до февраля 1854 г. форсирование Дуная планировалось примерно в районе Видина, практически вплотную к австрийской границе. Этим шагом предполагалось спровоцировать восстание среди балканских славян. Нижний Дунай с его неблагоприятными климатическими условиями должен был стать ареной вспомогательных операций.

Князь Варшавский невысоко оценивал боевые возможности турецких войск в полевой войне. Еще в сентябре 1853 г. Паскевич утверждал, что «турецкая армия… всё еще не вышла из младенчества». При этом он отмечал, что турки «сильны в крепостях». Численность их регулярных войск, по его расчетам, не должна была превышать 60 000 чел. Залог успеха виделся главнокомандующему в том, чтобы, как и в 1829 г., выманить турок из крепостей и разбить[523].

Но даже при благоприятном развитии Дунайской кампании ее стратегические перспективы представлялись Паскевичу туманными. Еще 24 сентября 1853 г. он отметил, что «Европа не допустит нас воспользоваться нашими завоеваниями. <…>… Пользы и приобретений с сей стороны даже в случае успеха ожидать не можем»[524].

В ходе дискуссии, развернувшейся в турецком правительстве по вопросу о вступлении в войну против России, высказывались мнения о недостаточности собственных сил, и выражались сомнения в том, что западные державы поддержат Османскую империю[525].

По мнению Омера-паши, турецкого главнокомандующего на Дунае, ограниченная численность войск Горчакова свидетельствовала об отсутствии у русского командования планов похода на Константинополь, а также косвенно указывала на то, что Россия всё еще ожидает решения конфликта дипломатическим путем[526][527].

Военные планы турок не выходили за пределы задач активной обороны. До подхода на театр войны русского III пехотного корпуса Омер-паша рассчитывал захватить и удержать передовыми отрядами плацдармы на северном берегу Дуная. Главные силы полевой турецкой армии концентрировались при этом в районе Шумлы, где ожидали подхода экспедиционной армии союзников. Варну, которая представлялась Паскевичу возможной целью русских операций на Дунае, турецкий главнокомандующий считал возможным прикрыть с помощью военно-морских сил англо-французской коалиции[525].

Ко времени начала войны Румелийская армия Омера-паши

насчитывала 145 000-178000 чел. Ее силы были растянуты вдоль Дуная. Наиболее многочисленная группировка силой около 40000 чел. находилась у Шумлы, где располагалась ставка Омер-паши[528].

После разрыва между Россией и западными державами весной 1854 г. Омер-паша, имея целью расстроить вероятные стратегические планы русской армии в отношении Сербии, значительно увеличил численность турецких войск в районе Видина и Калафата, находившихся недалеко от сербской и австрийской границ[529]. Однако к этому времени фельдмаршал Паскевич уже принял решение воздержаться от активных действий на данном направлении.

В начале 1854 г. планы Дунайской кампании пришлось срочно переработать. В конце января 1854 г. миссия А. Ф. Орлова в Вене, где он должен был добиться согласия Австрии на дружественный нейтралитет в начавшейся войне, завершилась неудачей. Сразу после отъезда Орлова австрийцы начали мобилизацию армии и выдвижение войск на границу. В первую очередь австрийские войска сосредотачивались на границе с Сербией, восстание в которой представляло значительную опасность для Дунайской монархии.

Вена, как и морские державы, была обеспокоена возможным ростом влияния России на Балканах. Канцлер К. Ф. Буоль полагал, что дальнейшее проникновение России на полуостров способно угрожать жизненным интересам Австрии, поскольку делало ненадежной лояльность славянских подданных империи Габсбургов.

Соперничество обеих империй на Балканах обострялось постепенно. Уже в конце XVIII столетия в годы правления императора Иосифа II цели русской политики в регионе вызывали у австрийского двора определенные опасения. В разгар борьбы с наполеоновским господством в Европе выдающийся австрийский полководец эрцгерцог Карл с тревогой взирал на потенциальную военную опасность, исходившую, с его точки зрения, от России. Столкновение русско-австрийских интересов отчетливо проявилось на Венском конгрессе и в годы Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Позднее герой войны 1848–1849 гг. фельдмаршал Й. Радецкий открыто высказывал мысль о том, что именно Россия представляет для империи Габсбургов главную военную опасность[530].

Несмотря на помощь, оказанную Австрии в ходе подавления Венгерской революции, и при отсутствии между Веной и Петербургом принципиальных расхождений в вопросе о политическом устройстве Германии, канцлер Ф. фон

Шварценберг стремился помешать окончательному закреплению за Николаем I роли арбитра в немецких делах.

После его кончины в апреле 1852 г. придворные круги Австрии так и не выработали единого мнения относительно ближайших задач австрийской политики. К. Ф. Буоль под впечатлением от прогрессирующего упадка Османской империи высказывал мысль о необходимости соглашения с Россией по вопросу о возможном разделе европейских владений Турции. Первоначальное мнение Буоля о нежелательности прямого столкновения с Россией разделял Радецкий и часть генералитета. Полководец на протяжении нескольких десятилетий с тревогой взирал на возвышение сербского государства. Радецкий рассматривал Сербию как базу для возможного восстания южных славян, которое создавало угрозу самому существованию Дунайской монархии. Стремясь предотвратить это, командование австрийской армии готово было пойти даже на прямую оккупацию Сербии, Боснии и Албании[531].

Иной точки зрения придерживалась придворная партия, возглавляемая министром внутренних дел А. фон Бахом и министром финансов бароном К. фон Бруком. Они выступали сторонниками решительного ограничения влияния России через тесное взаимодействие с Великобританией и Францией.

Наконец, вернувшийся из изгнания князь К. Л. Меттерних убеждал Франца Иосифа в необходимости сохранить Османскую империю в качестве консервативного оплота против нежелательного для Австрии влияния как России, так и морских держав.

Пруссию Восточный вопрос напрямую не затрагивал, основной задачей ее внешнеполитического курса было усиление собственного влияния в Германии. Поскольку, как показали события 1848–1850 гг., на пути политического объединения немцев стояла не только Австрия, но и Россия, Берлин был заинтересован в некотором ее ослаблении. К февралю 1854 г. глубина международной изоляции России стала неприятной неожиданностью для Николая I и князя Варшавского.

Победы русских войск на Кавказе и уничтожение турецкого флота в Синопе резко обострили отношения России с Англией и Францией. «Что же возмутило против нас Европу? – задавался вопросом князь Варшавский через полтора года после начала войны. – Разумеется, не то, что мы вступили в княжества: дела и после того едва не пришли к миролюбивой развязке, но желание унизить и ослабить Россию…»[532]

«Установление блокады русских черноморских портов, – писал В. В. Дегоев, – было представлено Петербургу как

оборонительная акция. Николай I, не понимавший такой логики, имел все основания прийти к выводу, что ему брошен открытый вызов, на который он просто не мог не ответить. Самое удивительное, быть может, в том, что даже в этой ситуации русский император предпринимает последнюю попытку сохранить мир с Англией и Францией, которая больше напоминала жест отчаяния. Превозмогая чувство негодования, Николай I уведомил Лондон и Париж о своей готовности воздержаться от толкования их акции как фактического вступления в войну на стороне Турции. Он предлагал англичанам и французам официально объявить, что их действия нацелены на нейтрализацию Чёрного моря (то есть на нераспространение войны на его акваторию и побережье) и поэтому в равной степени служат предупреждением и России, и Турции. Это было беспрецедентное унижение для правителя Российской империи вообще и для такого человека, как Николай I, в частности. Можно лишь догадываться, чего ему стоил такой шаг. Отрицательный ответ Англии и Франции был равносилен шлепку по руке, протянутой для примирения. Царю отказали в самой малости – в возможности сохранить лицо»[533].

С тем, что в феврале 1854 г. западные державы уже не стремились к сохранению мира, соглашаются и некоторые британские исследователи. С их точки зрения, ответ Петербурга на ультиматум королевского правительства являлся верхом того, что можно было ожидать при тогдашних обстоятельствах. России не была предоставлена последняя возможность принять условия мира, равно приемлемые для Турции и великих держав[534].

Положение стремительно становилось угрожающим. 15 февраля союзники предъявили ультиматум, требуя очистить княжества. Николай I не ответил, и 27–28 марта последовало объявление войны. Пруссия вслед за Австрией также отказалась подписать с Россией договор о нейтралитете. В то же время обе державы отказались и от англо-французского предложения примкнуть к их союзу, но тем не менее совместно с морскими державами согласились подписать протокол, подтверждавший целостность владений турецкого султана и признание прав христиан[535]. Фактически это означало присоединение обеих германских держав к ультиматуму союзников, а также общее стремление нейтрализовать влияние России в пределах Османской империи.

Из-за позиции, занятой австрийским правительством, Паскевичу пришлось серьезно пересмотреть план предстоящей кампании на Дунае. Намеченная переправа у Видина была отменена. От попыток спровоцировать славянское восстание

решено было воздержаться. Впоследствии русская армия вообще очистила территорию Малой Валахии, примыкавшую к сербской и австрийской границе.

Когда Николай I и князь Варшавский столкнулись с отказом Вены подписать договор о нейтралитете, а также узнали о начале австрийской мобилизации на сербской границе, то сразу осознали опасность, которая, как и в 1828 г., могла нависнуть над флангом и тылом Дунайской армии. Но, в отличие от Паскевича, император Николай был склонен считать эту опасность весьма отдаленной. Желая быстрее достичь успеха в борьбе с турками, он требовал от Горчакова скорейшего форсирования Дуная.

В феврале 1854 г. находившийся в Петербурге князь Варшавский испытывал мучительные колебания. Он не советовал Горчакову переходить Дунай до тех пор, пока политические отношения России с Австрией не прояснятся. Взаимоисключающие требования, исходившие от императора и фельдмаршала, ставили Горчакова в затруднительное положение.

В записке от 8 февраля 1854 г. князь Варшавский впервые предположил возможность войны против четырех великих держав. Нападение угрожало России «от Балтийского моря по всей западной границе, по Дунаю и берегам Чёрного моря и, наконец, в Азии до Баязета».

В той же записке фельдмаршал отметил значительный рост боевого потенциала русской армии, достигнутый за 25 лет николаевского царствования. Однако невозможность успешного окончания войны против всех остальных великих держав одновременно не вызывала у него сомнений.

«Думая о том, каким образом нам выйти из сего положения, напоминающего 1812 г., – писал Паскевич, – я пришел к убеждению, что необходимо удержать Пруссию и Австрию от неприязненных против нас действий и заставить их сохранить нейтралитет, показав особенно Австрии, что мы можем быть для нее опаснее, нежели Франция…»[536]

Международная обстановка была настолько изменчивой, что фельдмаршал едва ли не каждый день был вынужден вносить коррективы в ее анализ. В адресованной Николаю I записке от 13 февраля 1854 г. князь Варшавский пока еще именовал Австрию «шатким союзником», которым якобы движут опасения того, что в случае успеха Россия не сдержит обещание о сохранении целостности Османской империи[537].

16 февраля Паскевич предположил, «что политика наша с Австрией должна быть не угрожающая, но старающаяся убедить императора, показав ему его ошибки и могущие произойти оттого невыгоды и несчастья для него собственно»[538]. По его мнению,

если недоразумения с Веной сводятся к ее опасениям возможного славянского восстания, от него стоило воздержаться. «Думая об отношениях наших к Австрии, – писал фельдмаршал, – я пришел к мысли, что нам всего важнее выиграть время, если не до зимы, то хотя бы до сентября, удерживая Австрию в нейтральном положении»[539].

Несмотря на то, что в центре внимания главнокомандующего оставались германские державы, он помнил про опасность десантов на Черноморском побережье России. Однако в условиях противостояния практически со всеми великими державами Россия не могла обеспечить надежную оборону всех своих столь протяженных границ. «Если бы была отдельная война только на берегах Чёрного моря, – писал Паскевич в докладе от 8 февраля 1854 г., – то ничто бы нам не помешало собрать сколько можно более войск. Но не таково теперь наше положение. Нам необходимо изыскать все средства, уменьшив, где только нужно, число войск, обратить их туда, где они действительно необходимы»[540].

В Крыму и Одессе оставались две с половиной дивизии пехоты с резервными батальонами и бригада кавалерии для защиты побережья от десанта. В феврале 1854 г. это считалось вполне достаточным. Кроме того, поступавшие Паскевичу разведывательные данные говорили в пользу низкой вероятности десанта на Крымском полуострове. Поэтому фельдмаршал считал возможным не увеличить, а, напротив, уменьшить здесь силы на одну дивизию. В общей сложности они составляли на юге около 35 000 чел., в то время как объединенные силы будущей экспедиционной армии союзников оценивались в 40 000 чел.[541]

В обстановке февраля 1854 г. этот прогноз был точен. Ни одного солдата союзных армий еще не было не только под Варной, но даже на Галлиполи. Непосредственная подготовка англо-францу-зов к десантной операции в Крыму развернулась лишь в середине лета[542].

Характерно, что черновая записка, составленная Паскевичем в феврале, содержала в себе контуры самых общих планов действий на ближайшее время. И в числе двадцати одного рассматриваемого сценария вариант с высадкой неприятеля в Крыму вообще отсутствовал[543].

В феврале 1854 г. Севастополь не казался Паскевичу вероятным местом высадки. 14 февраля князь Варшавский указывал: «Севастополь так укреплен со стороны моря, что флотов неприятельских здесь бояться нечего. <…> Против десанта прямого есть, однако, до 10000 вооруженных ружьями матросов, кроме 16 батальонов. Против десанта обходного есть

целая 16-я дивизия и еще бригада пехоты»[544].

Взгляд князя Варшавского был устремлен на Аккерман – пункт, с одной стороны, удобный для высадки, а с другой стороны, располагавшийся ближе к исходным районам боевого развертывания австрийской армии. «Это самое удобное место, откуда они берут все наши позиции в тыл, – писал фельдмаршал 28 февраля. – С увеличением их до 40 000 или 50 000 они делаются очень опасны»[545].

Считая положение России в Крыму достаточно прочным, Паскевич не был одинок. В сентябре 1853 г. командир V корпуса генерал-адъютант А. Н. Лидере оценил возможную численность десанта на Крымском полуострове в 20 000-30 000 чел. При этом рейд Евпатории Лидере посчитал одним из наименее вероятных пунктов такой высадки[546]. Командующий Дунайской армией и будущий главнокомандующий войсками в Крыму князь М. Д. Горчаков также в сентябре 1853 г. оценил будущий десант еще скромнее – в 15 000 чел.[547]Скептическое отношение к крупным морским десантам высказывал и А.-А. Жомини[548].

24 февраля 1854 г. Паскевич приказал Дунайской армии совершить переправу, а спустя четыре дня подал императору записку, в полной мере раскрывавшую драматизм стратегического положения России. Без записки от 28 февраля 1854 г. невозможно понять мотивы действий Паскевича на всем дальнейшем протяжении Крымской войны. Этот документ появился на свет в тот момент, когда фельдмаршал, во-первых, окончательно распрощался с иллюзиями о возможном мирном соглашении с Англией и Францией, а во-вторых, оказался перед весьма реальной военной угрозой со стороны Австрии и Пруссии.

Записка начиналась с анализа внешнеполитического положения России. «Четыре европейские державы предлагают нам свой ультиматум. Мы находимся в том положении, что теперь вся Европа против нас на море и на сухом пути: Англия, Франция, Турция уже объявили войну; Австрия, можно сказать, на их стороне. Пруссия будет также вскоре увлечена. Никогда Россия не бывала еще в таковых тяжких обстоятельствах»[549].

Констатация данного факта означала то, что масштабы борьбы стали превышать естественные пределы военных возможностей Российской империи. О локальной войне речи более не шло, союзников у России не было. Все дальнейшие размышления главнокомандующего отныне сводились к поиску возможности предотвратить вступление Австрии и Пруссии в войну, чтобы остановить расширение вражеской коалиции до безнадежных для России размеров.

Паскевич вспомнил об Отечественной войне. Он ясно видел,

что, в отличие от событий 1812 г., на этот раз Россия оказалась перед лицом опасной стратегической внезапности. Николай I не мог быть готов к борьбе против такой коалиции. Альянс его противников в любой момент мог объединить четыре из пяти великих держав. Военная угроза приобретала такие масштабы, при которых Россия гарантированно обрекалась на поражение.

«Неограниченное властолюбие Наполеона заставляло задолго предвидеть 1812 г. и дало нам полтора года на приготовления. В 1810 г. могли мы начать уже формирование новых полков; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины в тылу и потому в 1812 г., начав отступление до самой Москвы, пополняли убыль в войсках резервами. <…> К счастью, фланги наши были свободны, и все средства Англии в нашем распоряжении. Россия могла выдержать со славой борьбу с Наполеоном. <…> Ныне обстоятельства так быстро изменялись, что не дали нам возможности приготовиться. Дай Бог, чтобы я ошибался, но, мне кажется, нельзя уже сомневаться, что Пруссия будет действовать вместе с Австрией против нас. Имея двух неприятелей в центре, тогда как десанты французов на черноморских берегах в одно время с австрийцами из Трансильвании выйдут на коммуникации нашей Дунайской армии, а пруссаки обойдут наш фланг в Литве, мы уже не можем держаться ни в Польше, ни в Литве, а отступая, не найдем магазинов».

Фельдмаршал объяснял Николаю I тот очевидный факт, что Россия не может в одиночку бороться против всей Европы. В случае неудачи она будет оттеснена за Днепр, потеряет Литву и Польшу, лишится практически всех результатов победоносных войн Екатерины II и Александра I.

Во второй части записки Паскевич рассуждал о возможных путях выхода из создавшегося положения. Он пришел к выводу, что для России важнее всего выиграть время и, следовательно, ей необходимо принять ультиматум об очищении княжеств. В этом случае, даже если прекращение войны с Англией и Францией не будет достигнуто, появлялся шанс удержать пруссаков и австрийцев от вступления в конфликт.

«Если бы морские державы и не согласились на наши предложения, то и тогда мы, по крайней мере, выиграем время: в полтора-два месяца успеем укрепить свою настоящую позицию на Днестре. <…> У нас же в центре будут подходить войска; соберем магазины; словом, осмотримся, займем стратегические пункты и приготовим продовольствие. Европейские державы также будут иметь время одуматься: их лихорадочное состояние, может быть, успокоится, рассудок возьмет верх».

Таким образом, Паскевич приходил к выводу о

необходимости всеми силами затягивать войну. Только это давало шанс на благоприятный оборот событий в будущем. На этом расчете были построены все действия князя Варшавского в ходе кампании 1854 г. При таком положении дел продолжение операций на Дунае со стратегической точки зрения становилось не только бессмысленным, но и опасным.

Отношение Паскевича к продолжению Дунайской кампании изменялось по мере роста концентраций австрийских войск вдоль русских границ. В записке от 8 февраля 1854 г. он еще признавал там возможными активные наступательные действия, взятие Силистрии и разгром полевой турецкой армии. Победа на Придунайском театре позволяла, с его точки зрения, высвободить III пехотный корпус для боевых действий на западном стратегическом направлении. Выведенный с Дуная III корпус, усиленный двумя пехотными дивизиями VI корпуса, позволял сформировать отдельную армию для локтевой связи между силами Горчакова и Ридигера.

Так впервые была озвучена идея разделения Большой Действующей армии на три группировки и формирования Средней армии на Волыни. Но осуществить ее при значительно изменившихся военно-стратегических обстоятельствах удалось лишь весной 1855 г.

Поскольку к февралю 1854 г. потенциальная военная угроза наметилась по всему периметру западной границы, Паскевич, с одной стороны, хотел свести к минимуму риск дальнейшего расширения конфликта, с другой – стремился к последовательному укреплению положения России на обозначившихся театрах военных действий. «Мы можем, – размышлял главнокомандующий, – укрепившись сначала на Дунае, удерживать Германию и даже угрожать ей, и затем охраняться только против десантов Англии и Франции»[550].

Весной 1854 г., по мере развертывания австрийцев на фланге и в тылу армии Горчакова, князь Варшавский признавал продолжение Дунайской кампании всё менее целесообразным. Однако убедить императора Николая вывести русские войска из княжеств удалось лишь с большим трудом. Реакция императора на программную записку от 28 февраля 1854 г. неизвестна. И хотя Николай I разделял основные положения аргументации Паскевича, он лишь в июне 1854 г. согласился последовать совету об очищении княжеств.

Если перспектива военного столкновения с Австрией в конце февраля выглядела для Петербурга вполне реальной, то опасения насчет вступления в войну против России еще и Фридриха-Вильгельма IV были, по-видимому, преждевременны. В начале

весны 1854 г. это еще не было очевидно, но Пруссии был в принципе выгоден строгий нейтралитет в начавшейся войне. Причем эти выгоды носили вполне материальный характер. Пруссия активно занималась реэкспортом русской сельскохозяйственной продукции в Англию. В 1854 г. ввоз из России сала был увеличен почти в 5 раз, конопли – более чем в 10 раз, льна – более чем в 2,5 раза[551].

Австрийское правительство не желало мириться с присутствием русских войск в низовьях Дуная. В октябре 1853 г. в Славонии, Венгрии и Трансильвании была мобилизована армия численностью 130000 чел. Тем не менее до весны 1854 г. Австрия воздерживалась от сосредоточения войск в Галиции – естественном плацдарме для наступления против России[552].

11 марта Горчаков с боем форсировал Дунай у Галаца, Измаила и Браилова. Вскоре русская армия приступила к осаде Силистрии – ключевой крепости в нижнем течении Дуная. Турецкая армия Омера-паши укрепилась в Шумле, дожидаясь подхода союзников. Передовые отряды французской армии начали высаживаться на Галлиполи в апреле, откуда их затем перевозили в Варну, но до мая количество этих войск не вызывало опасений, кроме того, союзникам явно не хватало лошадей, полевой артиллерии и транспортных средств, что означало их беспомощность при действиях вдали от побережья.

Концентрации австрийских сил в Галиции, Трансильвании и Буковине выглядели значительно опаснее. Австрийские войска нависали над коммуникациями русской армии в Молдавии и Валахии. Попытки Дунайской армии после переправы развить успех на южном берегу в этих условиях были сопряжены с огромным риском. Ддар австрийцев во фланг и тыл Горчакову мог привести к полному разгрому. Разведка фиксировала перемещения и сосредоточения больших масс войск, заготовку австрийцами значительного количества продовольствия, расширение дорог в тылу армии и строительство земляных укреплений вокруг ключевых городов Галиции и Буковины.

8 (20) апреля 1854 г. под давлением Австрии Пруссия согласилась заключить с ней наступательный и оборонительный союз. Берлин включил в текст договора важную оговорку, в соответствии с которой соглашение вступало в силу только в случае «угрозы общегерманским интересам». Поскольку под угрозой германским интересам на дипломатическом языке того времени де-факто понималось только русское вторжение в Австрию, во всех остальных случаях разрыв между Пруссией и Россией становился маловероятным[553].

На то, какую важность имеет для России сохранение

Берлином нейтралитета, в своих письмах Паскевичу весной и летом 1854 г. указывал и Ф. В. Ридигер. «Если же… Пруссия не останется равнодушной свидетельницей, – писал Ридигер князю Варшавскому 26 июня 1854 г., – то военные соображения наши должны совершенно измениться. Принимая во внимание военное устройство этого государства, сеть железных дорог, его покрывающих, и возможность с помощью их быстро сосредоточить значительное число войск на нашей границе, между тем как мы не в состоянии противопоставить никаких подобных способов при огромных расстояниях от средоточия наших главных резервов, – нельзя, к сожалению, не убедиться, что значительный перевес неприятеля может поставить нас в немаловажное затруднение»[554].

Не меньший интерес представляют замечания генерала Ридигера о достоинствах и недостатках польского выступа как передовой стратегической позиции, которые до настоящего времени не были известны в научной литературе. В суждениях Фёдора Васильевича чувствовались те же опасения, что высказывались самим Паскевичем в записке 1845 г. «Стратегическое положение Царства Польского, столь выгодное для нас в войне наступательной, – продолжал Ридигер в том же письме, – получает уже совершенно другое значение, когда мы вынуждены будем ограничиться обороной. Пруссия и Австрия, не говоря уже о беспрепятственном занятии левого берега Вислы, имеют всю возможность двумя наступающими армиями охватить край с двух сторон на правом берегу этой реки и с первых же шагов обойти линию крепостей наших. Защищать правый берег Вислы и вместе с тем прикрывать главные сообщения с Империей, а именно: через Ковно и Динабург к столице, через Брест и Бобруйск внутрь Империи и через Устилуг и Житомир к Киеву, – с теми силами, которые теперь находятся в Царстве Польском, конечно, невозможно, сколь бы ни были искусны и решительны наши действия, ибо для этого нужно было бы разделить войска и через это подвергнуться почти верному поражению; устремляться же со всеми силами с одного направления на другое не дозволяет отдаленность расстояний»[555].

В создавшемся положении Ридигер, как и фельдмаршал Паскевич, не видел иного выхода, кроме всемерного усиления русской армии на западном стратегическом направлении. «Этот общий взгляд достаточно доказывает, – утверждал Фёдор Васильевич, – сколь важно было бы для нас усиление войск наших на западной границе. Дабы с надеждою успеха вступить в борьбу с германскими державами и быть в возможности удержать за собой правый берег Вислы, нужно иметь если не две армии, которых

образование в настоящую минуту невозможно, то, по крайней мере, сильный вспомогательный корпус между Неманом и Двиной, который, прикрывая главные сообщения наши с столицей, мог вместе с тем угрожать во фланг и тыл наступающим прусским войскам. Тогда, собственно, здешняя армия могла бы уже с уверенностью в успехе всеми силами обратиться исключительно против австрийцев и стараться не только не допускать их до соединения с их союзником, но даже, при благоприятных обстоятельствах, перейти в наступление и против сих последних»[556].

В военно-стратегическом смысле апрельский договор ставил крест на любых планах превентивного наступления русской армии против австрийских войск, продолжавших сосредоточение на границе. Любая попытка вести войну на территории Австрии означала риск разрыва со всей Германией. Совокупный военный потенциал Германского союза, включая сюда Австрию и Пруссию, позволял в теории при «соединенных действиях» развернуть армию численностью 1 200 000 чел.[557] Паскевич неоднократно указывал на это обстоятельство в переписке с генерал-адъютантом Жомини летом и осенью 1854 г.[558] С апреля 1854 г., по глубокому убеждению Паскевича, русско-австрийская война могла вестись только на территории России.

К этому времени началось общее развертывание австрийских полевых войск. 9-й, 10-й, 11-й и 13-й армейские корпуса были сконцентрированы в Венгрии и Трансильвании. Так называемый Временный и Сербско-Банатский корпуса расположились на нижнем Дунае. Но лишь два корпуса, 2-й и 4-й, австрийцы решились направить в Галицию[559].

Трактат от 20 апреля 1854 г. связывал русскому командованию руки тем, что ограждал австрийцев от угрозы наступления в Галиции. В переписке с Паскевичем Ридигер предлагал наиболее оптимальные варианты использования своих весьма ограниченных сил, имея в виду столкновение как с одной лишь Австрией, так и с австро-прусской коалицией.

До того, как условия трактата 20 апреля сделались известны русскому командованию, последнее склонялось к идее парировать угрозу коммуникациям Дунайской армии через создание контругрозы австрийской Галиции. Однако детали данного плана вызвали разногласия между Ридигером и Паскевичем.

Зная, что задуманная Ридигером осторожная оборонительная диспозиция предварительно была одобрена императором Николаем, фельдмаршал Паскевич, хотя и был старше генерал-адъютанта Ридигера по званию, не приказал, но предложил

Фёдору Васильевичу стянуть вверенные ему дивизии на австрийскую границу. Фельдмаршал имел в виду расположить армию в Царстве Польском так, «чтобы, занимая крепости резервами, можно было иметь свободными шесть дивизий пехоты и две или даже две с половиной дивизии кавалерии, для употребления их там, где необходимость потребует»[560]. В случае сосредоточения главных сил Ридигера в южных воеводствах Польши «австрийцы, – утверждал князь Варшавский, – не решатся отделить из Галиции войск своих для направления их на сообщения наши через Подолию и Молдавию»[561].

Однако опасавшийся двойного охвата с севера и юга Фёдор Васильевич, до окончательного прояснения внешнеполитических отношений с Берлином, не желал рисковать и оголять границу с Восточной Пруссией. Вместо этого он стремился держать свои силы в центральной части польского выступа. «В настоящую минуту, – отвечал Ридигер фельдмаршалу, – когда обстоятельства не совершенно еще объяснились, вывод всех войск из этой части края и одно общее сосредоточенное направление наших сил против Австрии, в том числе и гренадер, о прибытии коих в Варшаве возвещено во всех газетах, ясно обнаруживая наши намерения, могли бы произвести в политическом отношении невыгодное влияние»[562].

В Берлине, как следовало из полученного Ридигером разведывательного донесения, господствовали враждебные России умонастроения, и активно действовала партия войны, под влиянием которой Пруссия «могла бы легко быть увлечена к совокупному действию с Австрией, вследствие заключенного между обеими державами взаимного союза»[563]. Наконец, «обнажение западной части Царства Польского, – указывал генерал Ридигер, – было бы опасно еще и в том внимании, что крепость Новогеоргиевск и Цитадель не очищены еще и не приведены окончательно в то положение, чтобы могли быть предоставлены собственной обороне, при всей деятельности, на этот предмет обращенной»[564].

При всем огромном доверии к своему «отцу-командиру», на этот раз Николай I решил спор не в пользу Паскевича. 24 мая 1854 г. в письме генералу Ридигеру, копия которого через военного министра была отослана князю Варшавскому, император признал, что «исполнение предположений фельдмаршала по теперешним обстоятельствам совершенно неудобоисполнимо по невозможности не оголять Курляндии и Самогиции, а еще меньше окрестностей Риги»[565]. Более того, поскольку «защита левого берега Вислы далее

Рад ома и Ловича» была признана Николаем I опасной, он

повелел оставить на острие польского выступа лишь казаков[566].

Несмотря на то, что уже с конца февраля князь Варшавский рассматривал кампанию на Дунае как стратегически бесперспективную, 12 апреля полководец прибыл под осажденную Силистрию и лично возглавил армию. Николай I смотрел на дело иначе. Хотя император прекрасно понимал опасность австрийских военных приготовлений, он считал, что Силистрию можно и нужно взять до их завершения, а также пока союзники не доставили в Варну значительных сил.

Помимо исполнения высочайшей воли, в действиях фельдмаршала имелся еще один важный мотив. С его точки зрения, форсирование Дуная и осада Силистрии могли сыграть роль отвлекающего маневра с целью выигрыша во времени. Кампания на южном берегу Дуная, до тех пор пока концентрация австрийских войск на фланге и в тылу армии не приобрела угрожающие размеры, позволяла удерживать войска союзников на Балканах и защищать, таким образом, черноморское побережье России[567].

В это же самое время князь Варшавский тщательно готовил будущую позицию русской армии за Днестром, отступление на которую он считал неизбежным. В городах Бессарабии и Новороссии, особенно в Одессе, создавались большие запасы продовольствия для войск[568], укреплялись стратегически важные прибрежные города.

Паскевич писал в Севастополь князю А. С. Меншикову, откровенно излагая свой план: «Действительно, когда будет против нас вся Европа, то не на Дунае нам необходимо ожидать ее… <…>…Австрия, имея до 230 000 войск в Венгрии, Трансильвании и на сербской границе… пошлет в Фокшаны, Яссы или Каменец… тысяч 60 или 70, нам совершенно в тыл. <…> Тогда положение будет так тяжело, как не было ив 1812 году, если мы не примем своих мер заранее и не станем в своей позиции, где бы не опасались, по крайней мере, за свои фланги. <…> Я ожидаю об этом повеления, а между тем, сохраняю вид наступательный для того, чтобы, угрожая Турции, оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их на себя…»[569]

Как видно из текста письма, на тот момент Николай I еще не принял решение об эвакуации княжеств. Напротив, император требовал активизации осадных работ и скорейшего взятия Силистрии. 17 апреля в письме Паскевичу он выразил свое категорическое несогласие с предложением оставить княжества и отступить сначала за Серет, а потом за Прут[570].

Тем временем угроза со стороны австрийцев постепенно

нарастала. В конце апреля Паскевич начал вывод войск из Малой Валахии, с одной стороны, чтобы не провоцировать Австрию действиями вблизи Сербии, с другой – чтобы эти войска не попали под австрийский удар со стороны Трансильвании.

6 мая 1854 г. русский посланник при австрийском дворе граф Э. Г. Штакельберг докладывал: «Австрия одна может принести нам более вреда, чем Англия, Франция и Турция, взятые вместе. Захочет ли она сделать это без поддержки Пруссии, которая более к нам расположена, – вопрос будущего»[571].

Приказ императора Франца Иосифа о сосредоточении дополнительных сил в Венгрии и Галиции последовал 15 мая 1854 г.[572]Объявлялся призыв резервистов на службу. В Венгрии началась мобилизация 3-й армии под командованием эрцгерцога Альбрехта, а в Галиции – 4-й армии генерала графа Ф. Шлика. Общее начальство над двумя армиями было поручено генералу Г. фон Гессу – начальнику императорского Главного штаба[573].

Всё еще связанный распоряжениями императора, Паскевич был вынужден продолжать осаду Силистрии, хотя, по его мнению, «риск делается почти невозможным и, во всяком случае, неблагоразумным и лишним»[574]. 28 мая во время рекогносцировки крепости он был контужен ядром. Фельдмаршалу пришлось сдать командование М. Д. Горчакову и уехать в Яссы, откуда 10 июня он снова пытался убедить Николая I отступить за Дунай[575]. Император отлично понимал потенциальную угрозу, исходившую от Австрии, но до июня 1854 г. всё еще не считал положение опасным настолько, чтобы прекратить осаду Силистрии.

Князь Варшавский располагал многочисленными агентурными данными и видел высокую готовность австрийской армии к нападению. 4 июня он сообщал Горчакову, что, по данным разведки, в Буковине и Галиции осуществляются приготовления к приему большого числа войск, проводятся работы по расширению дорог. Австрийским командованием было собрано 90000 новобранцев и резервистов с перспективой набора еще 95 000 чел.[576]

18 апреля 1854 г. из канцелярии Военного министерства командующему русскими войсками в Польше генерал-адъютанту Ф. В. Ридигеру была сообщена выписка секретных сведений, указывавшая, что после завершения развертывания численность австрийской армии достигнет 478 394 чел.[577]

6 июня на имя генерал-квартирмейстера армии генерал-лейтенанта И. С. Фролова пришло разведывательное донесение, из которого следовало, что австрийцы в скором времени намерены объявить России войну с целью очищения княжеств[578].

6 июля отвечавший в Действующей армии за разведку генерал-полицмейстер И. Абрамович донес из Варшавы генералу Ридигеру и князю Варшавскому о том, что численность австрийских войск в Галиции и на Буковине вскоре достигнет 300 000 чел.[579]

Канцлер Буоль, действительно, предъявил Российской империи ультиматум, требуя покинуть Молдавию и Валахию. Направляя ультиматум, Буоль продолжал преследовать свою цель, подразумевавшую вывод с Балкан русских войск. Этим шагом он рассчитывал обеспечить равноудаленность от России и Запада с целью укрепления позиций Австрии в регионе[580].

Таким образом, стремясь к выгодному для Австрии мирному урегулированию, Буоль шел на очевидный риск войны с Россией. Однако канцлер полагал, что, даже если такая война начнется, ее масштабы ограничатся княжествами[581].

Политика Буоля вызывала жесткую оппозицию со стороны австрийского генералитета. Начальник императорского главного штаба генерал фон Гесс придерживался мнения, что даже война, «ограниченная» рамками княжеств, потребовала бы мобилизации не менее 200 000 чел. и активной помощи со стороны Пруссии. Ожидать же, что Пруссия вступит в войну на стороне Австрии, можно было только в том случае, если бы русские войска вторглись на австрийскую территорию.

19 июня находившемуся в Яссах на лечении после контузии Паскевичу была доложена приблизительная дислокация 2-го, 4-го, 9-го, 10-го, 11-го и 12-го австрийских корпусов, сосредоточенных на границах России[582]. В начале июля было выяснено, что общая численность австрийских войск вскоре достигнет 300000 чел., из которых 70 000 сосредоточены в районе Кракова, не менее 50 000 – в Трансильвании[583], 30000 – около Лемберга (Львова), 40000 – в остальной Галиции и 90 000 – в Буковине[584].

Развертывание австрийцами такого количества войск наконец убедило Николая I в справедливости доводов князя Варшавского. 12 июня от императора пришло приказание прекратить осадные работы. Получив разрешение, Паскевич немедленно увел войска за Дунай, сохранив небольшой плацдарм у Тульчи и Исакчи.

Капитан Г. Пестов, дивизионный квартирмейстер 6-й легкой кавалерийской дивизии, в июне 1854 г. стал свидетелем того, как в Фокшанах князь Варшавский диктовал приказ о снятии осады

Силистрии и отступлении за Дунай, с тем чтобы избежать угрозы со стороны австрийской армии, сосредоточенной в Трансильвании. Восхищенный тем мастерством, с каким на его глазах старый фельдмаршал при участии своего генерал-квартирмейстера И. С. Фролова распорядился войсками,

кавалерийский капитан вспоминал: «В продолжение войны 1853–1856 годов я имел случай быть с докладом у всех главнокомандующих, и, признаюсь, Светлейшему князю Паскевичу как полководцу я кланяюсь низко»[585].

20 июня Паскевич из Ясс переехал в Гомель, где продолжил лечение. Армия начала возвращаться на российскую территорию. 10 августа Омер-паша занял Бухарест, но вскоре по соглашению с союзниками турок сменили австрийцы. В конце августа армия Горчакова отошла за Прут на территорию Бессарабии. Командующий располагал весьма внушительными силами, насчитывавшими 8 пехотных дивизий, 4,5 дивизий кавалерии, 3 стрелковых и 3 саперных батальона, 8 казачьих полков и 392 орудия – всего до 120 000 чел.[586]

После завершения Дунайской кампании русская армия была готова встретить австрийское нападение на более удачных позициях. Войска располагались за Днестром, к Пруту были выдвинуты только передовые отряды. К северу от позиций Горчакова на Волыни находился созданный Паскевичем в мае 1854 г. отряд генерала И.П. Шабельского в составе трех дивизий резервной кавалерии и 6-й пехотной дивизии[587].

Еще севернее – в Царстве Польском – в боевой готовности стояла армия Ф. В. Ридигера, имевшая для действий в направлении австрийской границы шесть пехотных дивизий, не считая войск в гарнизонах.

После завершения вывода русских войск из Придунайских княжеств прочность обороны западной границы России уже не вызывала у Паскевича столь острых опасений, хотя, по сведениям на 21 августа 1854 г., численность австрийских войск в Галиции и на Буковине составляла 200000 чел.[588] Исключением был лишь район Волыни. Стратегически важное шоссе Варшава – Брест – Киев проходило вдоль Припятских болот в непосредственной близости от границы с Австрией. В условиях, когда главные силы III и IV корпусов вернулись с Дуная, появилась возможность усилить войска, прикрывавшие Волынь.

Князь Варшавский полностью разделял идею военного теоретика генерал-адъютанта А.-А. Жомини, который, так же как и Паскевич, пришел к мысли, что наиболее рациональным решением станет разделение русских войск на западе на три самостоятельные армейские группировки[589]. В этом случае русская армия получала возможность парировать фланговым ударом вторжение австрийцев на любом возможном направлении.

В начале августа Паскевич от Вислы до Чёрного моря располагал войсками I, II, III, IV пехотных корпусов, а также 15-й и 16-й дивизиями, соответственно, V и VI корпусов. В районе

Варшавы развернулись две дивизии Гренадерского корпуса. Во втором эшелоне расположились I и II Резервные кавалерийские корпуса, поддержанные резервными пехотными бригадами и дивизиями.

Англо-французский десант в Крыму сорвал планы главнокомандующего по уплотнению обороны на западе. На Волыни сохранялась слабо прикрытая 400-километровая брешь. Осенью 1854 г. войска, необходимые для обеспечения устойчивой локтевой связи между армиями Горчакова в Бессарабии и Ридигера в Польше, потребовалось срочно направить в Крым.

После ухода русских войск из княжеств Буоль выступил с новой мирной инициативой, известной как «четыре пункта» и содержавшей неприемлемое на тот момент для Петербурга требование о пересмотре конвенции о проливах 1841 г.[590]

5 августа 1854 г. главнокомандующий австрийской армией в северной Италии фельдмаршал И. Радецкий в письме императору Францу Иосифу указал на то, что военные приготовления на востоке недопустимо ослабляют вверенную ему 2-ю армию на границах с Францией и Пьемонтом. С мнением прославленного полководца при дворе спорить не решились, предназначенный к отправке в Галицию 6-й армейский корпус был остановлен и возвращен в район г. Тревизо[591].

Австрийские генералы не одобряли присутствия русских войск в устье Дуная, но, за явным исключением в лице эрцгерцога Альбрехта, не желали бросать России вызов. Их предпочтения, в особенности Радецкого и И. Елачича, лежали в области экспансии на западных Балканах[592].

Фон Гесс также был настроен скептически по поводу перспективы войны с Россией. Но, подчиняясь приказу императора, в конце лета 1854 г. он разработал план наступления, в основу которого была положена идея нанесения удара из Галиции на северо-восток между Вислой и Бугом[593].

Опасения Гесса в значительной степени были оправданы. Австрия в случае вторжения на русскую территорию не могла рассчитывать на помощь Пруссии, а ее собственный военный потенциал всё еще оставлял большие сомнения в возможности успешной борьбы с армией Николая I. По словам французского историка, среди австрийского генералитета русский император продолжал пользоваться огромным авторитетом. «Война против него казалась им изменой»[594].

Стремление русской дипломатии к расширительному толкованию положений Адрианопольского трактата 1829 г., касавшихся прав на покровительство православным подданным султана, в обстановке начала 1850-х гг. не вызывало у Австрии

понимания. Канцлер Буоль, который до 1853 г. выступал при венском дворе как сторонник сближения с Петербургом, серьезно пересмотрел политический курс Австрии. Требования, заявленные Меншиковым в Константинополе, Вена сочла чрезмерными[595]. К началу 1850-х гг. в отношениях между Россией, Австрией и Францией сложилась ситуация, при которой, по утверждению турецкого исследователя К. Бадема, «Николай I не мог оказать помощь Австрии в Италии против Франции, в то время как сама Франция могла и желала помочь Австрии на Дунае»[596].

Историк международных отношений Я. Н. Бутковский небезосновательно приходил к выводу, что просербские симпатии русского общественного мнения производили в Вене более серьезное впечатление, нежели любые официальные заявления России. Посольство Орлова еще сильнее обострило подозрения Австрии[597]. «То, что по отношению к Турции называют Восточным вопросом, – заметил однажды австрийский дипломат А. фон Прокеш-Остен, – есть только вопрос между Россией и остальной Европой»[598].

Долгосрочные цели австрийской дипломатии в Германии и на Балканах оставались неизменными. Еще во времена войны за освобождение Германии 1813 г. и на Венском конгрессе канцлер К. Л. Меттерних стремился к созданию под австрийским контролем единого германского блока, с помощью которого он рассчитывал свести к минимуму возможное влияние России и Франции в Центральной Европе. Конечной целью Австрии была такая система международных отношений, внутри которой влияние России и Франции находилось бы в равновесии. Меттерних надеялся, что в союзе с Пруссией империя Габсбургов сможет защитить свои интересы в Германии[599].

События 1830-1840-х гг. показали беспочвенность подобных расчетов. В условиях расширения амбиций Берлина и постепенного роста немецкого национального движения для Австрии становилось невозможным сохранение за собой первенства в германских делах без прямой помощи со стороны России.

А. фон Бах, министр внутренних дел Австрии, 18 марта 1854 г. в письме эрцгерцогу Альбрехту утверждал: «От России нечего ожидать, чтобы она обращала внимание на немецкие интересы. <…> Австрия не может желать ослабления или унижения России, но из-за этого нельзя же давать ей поддержку, представляя исключительный перевес на Востоке».

Подобные заблуждения стали для австрийской внешней политики роковыми. Впоследствии они привели к ее

дипломатической изоляции и военным поражениям 1859 и 1866 г. Буоль и Франц Иосиф «позволили своим страхам перед Россией затмить фундаментальную потребность Австрии в русской дружбе»[600]. Как показал исход Австро-итало-прусской войны 1866 г., вера в возможность сохранить австрийскую гегемонию в Германии без участия России оказалась иллюзией.

Паскевич был храбрым генералом, талантливым и удачливым полководцем. Он, несомненно, играл важную роль в войнах первых лет царствования Николая I. Но как для того, чтобы стать полководцем, мало одной лишь храбрости под огнем, так и для того, чтобы стать государственным деятелем, мало быть просто полководцем. В трудный час фельдмаршал нашел в себе силы нести историческую ответственность за ведение проигранной еще до первого выстрела войны и перед императором, и перед русским общественным мнением, и перед судом потомства.

Несмотря на вынужденное прекращение Дунайской кампании, фельдмаршал достаточно оптимистично подводил итоги боевых действий летом – осенью 1854 г.: «Кампания эта кончилась лучше, чем ожидать было можно: турки и союзники их понесли потери более нас; мы удержали Германию, остановили Австрию, сохранили армию и выиграли время, которое даст нам возможность усилиться для будущего. Осада Силистрии до половины лета удержала союзников от покушений на наши берега…»[601]

Пассивная и осторожная оборонительная стратегия, к которой Россия вынуждена была прибегнуть, начиная с весны 1854 г., принесла плоды и удержала германские державы от вступления в конфликт. Но содержание на границе армейских группировок, равных по численности войскам потенциального противника, требовало серьезного напряжения сил. «Таково затруднительное положение в оборонительной войне, – утверждал князь Варшавский во всеподданнейшей записке 19 мая 1854 г. – Везде должно быть готовым и везде принимать меры, из коих некоторые могут оказаться впоследствии ненужными»[602].

К осени 1854 г. фельдмаршал надеялся сосредоточить на границе Австрии главные силы Действующей армии, чтобы при необходимости парировать ее наступление на наиболее вероятных направлениях. Но начавшаяся Крымская кампания вновь вынудила его изменить планы.

Глава 5
Восточная (Крымская) война и Севастопольская кампания 1855–1856 гг

Оценка Крыма как периферийного театра в случае возможной войны с великими державами имела свою предысторию. В декабре 1832 г. собственноручная записка Николая I, касавшаяся плана действий на случай большого европейского конфликта, предполагала защищать Крым лишь одной пехотной дивизией[603]. На протяжении 1830-1840-х гг. полуостров служил квартирным районом для одной из дивизий V пехотного корпуса.

В первой половине 1854 г. командовавший русскими силами в Крыму князь А. С. Меншиков испытывал постепенно нараставшую тревогу. Высадку союзников он считал предприятием весьма сложным, но выполнимым. В мае он отмечал, что «Севастополь обеспечен в той мере, что, конечно, нужен весьма значительный десант, чтобы отважиться сделать решительное нападение на этот порт»[604]. Но в письме М. Д. Горчакову от 30 июня 1854 г. он уже настоятельно просил вернуть в его распоряжение 16-ю пехотную дивизию[605]. А 29 июля в донесении Николаю I Меншиков указывал, что «бой будет одного против двух, чего, конечно, желательно избегнуть»[606]. Однако катастрофические результаты экспедиции союзников в Добруджу, в ходе которой войска генерала Э.-Ш.-М. Эспинаса потеряли 6000 чел. умершими от холеры[607], как следует из переписки с военным министром князем В. А. Долгоруковым в августе 1854 г., в значительной степени развеяли его опасения[608].

В сентябре 1854 г. 62-тысячный англо-франко-турецкий десант высадился в Крыму. Для отражения экспедиции таких масштабов сил Меншикова было явно недостаточно. Тем не менее 8 сентября 1854 г. командующий принял сражение на р. Альма, в котором потерпел поражение. Над Севастополем нависла угроза.

С осени 1854 г. борьба в Крыму начала стремительно поглощать те резервы, которые Паскевич считал необходимым удерживать на западном стратегическом направлении.

Уже в октябре из состава Южной армии М. Д. Горчакова, выведенной летом с Дуная и отвечавшей теперь за оборону пространства от Полесья до Чёрного моря, Меншикову были переданы дивизии IV пехотного корпуса под командованием генерала П. А. Данненберга.

12-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта П. П. Липранди приняла участие в битве под Балаклавой. 10-я и 11-я пехотные дивизии действовали в кровопролитном сражении при Инкермане. После того как неприятельский десант закрепился на Сапун-горе, прорвать позиции противника под Севастополем без осадной артиллерии и без серьезных инженерных работ для русской армии становилось практически невозможно, даже несмотря на постепенное прибытие подкреплений. К ноябрю в Крыму возникло патовое положение, началась затяжная осадная война на измор.

Таким образом, к осени 1854 г. перед Паскевичем и Николаем I возникли задачи, явно превышавшие реальные возможности русской армии. Было необходимо удержать Севастополь, прикрыть Новороссию от новых возможных десантов и обеспечить отражение всё еще вероятного нападения со стороны Австрии.

К ноябрю 1854 г. русская армия оказалась рассредоточенной на громадном пространстве. Армия Ридигера в Польше имела 144 батальона пехоты и 97 эскадронов кавалерии, Горчаков на Днестре – 149 батальонов и 203 эскадрона, Меншиков в Крыму – 169 батальонов и 79 эскадронов, 229,5 батальонов и 118 эскадронов защищали балтийское побережье[609].

Австрийцы продолжали стоять на границе в боевой готовности. 3-я армия в Галиции, по данным русской разведки, имела в своем составе 147 000 чел. В Трансильвании 4-я армия эрцгерцога Альбрехта насчитывала 124000 чел. После занятия австрийцами княжеств ее численность сократилась до 90 000 чел.[610]

В сентябре 1854 г. поступившее из Галиции агентурное донесение сообщало: «Чем более Австрия убеждается в том, что на помощь Пруссии в войне против России считать она не может, тем более и поспешнее вооружается в Галиции»[611].

Дунайская монархия испытывала большие трудности. Финансовое положение Австрии грозило ей банкротством. До 1848 г. ее ежегодные военные расходы находились на уровне примерно 50 млн флоринов. Война и революция 1848–1849 гг.

вынудили правительство их удвоить. Начиная с 1849 г., военные расходы уже не опускались ниже 100 млн флоринов. В 1854 г. расходы на армию составили 198 219783 флорина, или 42 % всего годового бюджета империи. Затем в 1855 г. они возросли до 211002721 флорина. Лишь после прекращения мобилизации последовало их резкое сокращение – до 110980087 флоринов в 1858 г.[612]

Огромные непредвиденные расходы привели к тому, что годовой военный бюджет 1854 г. был полностью исчерпан уже в течение первого квартала[613]. Правительство было вынуждено прибегнуть к принудительным займам. На покрытие старых долгов было выпущено бумажных денег на 140 млн флоринов[614]. Мобилизация и содержание армии в ходе Крымской войны обошлись Австрии в 610 млн флоринов.

Канцлер Буоль в своей политике встретил противодействие австрийского генералитета. Тем не менее 22 октября император Франц Иосиф объявил, что австрийская армия должна быть готова к войне с Россией весной 1855 г. После окончательного завершения мобилизации фон Гесс предполагал иметь 327 380 чел. в полевых и около 100 000 чел. во вспомогательных войсках, объединенных в 11 корпусов[615].

Однако этим планам не суждено было сбыться. 26 октября в своем меморандуме начальник императорского Главного штаба генерал фон Гесс открыто заявил, что даже успешная война с Россией, во-первых, окончательно разорит государство, а во-вторых, не соответствует политическим интересам монархии. Жесткое противостояние Буоля и военных имело тот результат, что к середине ноября 1854 г. мобилизация австрийских войск была приостановлена[616], хотя в декабре Австрия и заключила с Англией и Францией формальный союз.

В меморандуме фон Гесс оценил численность действующих, резервных, запасных и крепостных войск России на западе в 820000 чел. и 2300 орудий. Австрия, с его точки зрения, могла противопоставить этим силам только 350000 чел. и 1 100 орудий[617]. Примерное равенство по численности могло быть достигнуто лишь при участии войск Германского союза. Гесс рассчитывал на 200-тысячную армию со стороны Пруссии и объединенный 100-тысячный контингент остальных германских государств, что составило бы 650000 чел. «Лишь присоединяя к ним 100000 англо-французов и 100 000 турок, – докладывал он императору Францу Иосифу, – появлялся некоторый перевес сил. Но если нельзя рассчитывать на помощь Пруссии, то равновесия не окажется, и тогда придется играть рискованную игру, предоставив 300 тысячам французов пройти чрез австрийские

земли»[618].

Впрочем, появление экспедиционной французской армии на немецких территориях было для германских правителей крайне нежелательно. Там вовсе не хотели того, чтобы Германия исполняла «свое обычное предназначение, то есть подверглась французскому нашествию, была разграблена и опустошена»[619]. Английским интересам также «не отвечало, чтобы Германия стала районом развертывания французских армий. Англичане хотели лишь вооружить против России Германский союз и крупные государства Германии»[620].

Фон Гесс констатировал, что «нынешнее могущество России покоится на установившемся уже полвека ее военном положении на западе и завоевании ей привислинских и придунайских равнин. Рассчитывать на возможность вести наступательную войну, не отняв у России этого положения, было бы промахом». Австрия, считал он, должна уяснить себе, «желает ли она изменения территориальных владений, и будет ли это ей полезно». Начальник императорского Главного штаба высказал убеждение, что обладание Бессарабией стало бы для Австрии грузом. Завоевание же Царства Польского могло принести еще больший вред. «Это, – доказывал фон Гесс, – принесет Австрии только ущерб в военном отношении, и об руку с ним последует политический упадок. Связь с Францией, заменив союз с консервативной Россией, может иметь впоследствии большие невыгоды, потому что моральное первенство средней Европы, которое в будущем должно принадлежать Австрии, придется навсегда разделить с Францией»[621]. Таким образом, неизбежно должно было случиться то, против чего была направлена вся политика Меттерниха на протяжении первой половины XIX столетия: «С возникновением Польского королевства, Австрия, кроме западной Франции, будет иметь в соседстве еще другую Францию на востоке, как это было во время Людовика XV. Австрия пойдет на буксире Франции, и первенствующее ее влияние в Германии будет утрачено навсегда. Если же русскую Польшу поделить между Австрией и Пруссией, то Франция, со своей стороны требуя вознаграждения, двинется к востоку, захватив левый берег Рейна»[622].

Вследствие тяжелых условий расквартирования в войсках на территории Галиции и Трансильвании резко возросла смертность от болезней[623]. В принципе, можно утверждать, что к осени 1854 г. Австрия достигла пика своей боеготовности, и после этого возможности ее армии стали неуклонно снижаться. Но в России этого не могли знать наверняка. Поэтому в Петербурге, куда 18 декабря был срочно вызван фельдмаршал обсуждалась в

основном перспектива военного противостояния с австрийцами.

Таким образом, вывод, сделанный Паскевичем в конце февраля 1854 г., о том, что «для Австрии мы можем быть весьма опасны»[624], нашел свое подтверждение. Неуверенность австрийского генералитета и его опасения перед лицом войны с Россией являлись прямым следствием широкомасштабных военных приготовлений, предпринятых князем Варшавским на западном стратегическом направлении. Австрийцы опасались начинать войну без гарантии военной помощи со стороны Пруссии, а пруссаки сохраняли нейтралитет, видя, что русский император не собирается выступать инициатором войны.

Быстрое ослабление Южной армии М. Д. Горчакова, вынужденной посылать в Крым резервы из своего состава, сильно встревожило Паскевича. Когда в декабре 1854 г. зашла речь об отправке Меншикову дивизий еще и III корпуса, Паскевич категорически возражал. Он направил Горчакову письмо, в котором указал, что отныне «дело идет уже не о Севастополе, но о лучших наших южных провинциях, и может быть, и о Царстве Польском; то есть о населении почти 15 миллионов»[625].

Совещания Паскевича с Николаем I и военным министром продолжались до начала февраля 1855 г. Предстояло определить то направление, откуда для России исходит главная опасность, выработать план кампании на следующий год и в соответствии с ним распределить войска.

Разнообразные варианты плана возможной кампании в марте 1855 г. в двух записках на имя военного министра обобщил и проанализировал его помощник генерал-майор Д.А. Милютин[626].

Авторами этих вариантов были, главным образом, Николай I, Паскевич, Горчаков и Ридигер.

Австрийцы в случае войны могли действовать на трех направлениях: против армии Ридигера в Польше, против армии Горчакова в Бессарабии, либо на Волыни, то есть вклиниваясь между ними.

Ридигер имел под своим командованием шесть пехотных дивизий I, II и Гренадерского корпусов. Его войска опирались на крепости Ивангород, Замостье и Брест-Литовск. Завоевание Царства Польского без активной помощи прусской армии было Австрии не по силам.

Наступление австрийцев в Бессарабии представлялось более опасным. Южная армия Горчакова была ослаблена, поскольку подкрепления для Меншикова в Крыму посылались именно из ее состава. Австрийцы могли выйти на левый берег Днестра и двинуться к Одессе и Николаеву. Удар на южном направлении

стратегически приближал их к осадной армии союзников в Крыму и для России был чрезвычайно опасен. Парировать такое наступление было практически нечем, поскольку войска Ридигера находились слишком далеко, а армии на Волыни не существовало.

Не менее тяжелые последствия могло иметь наступление австрийцев на Волыни, в районе Дубно, Кременца и Острога. От Царства Польского до Брацлава зияла 400-километровая брешь, прикрытая лишь несколькими батальонами пехоты и кавалерией. Такой удар ставил под угрозу Житомир, а в перспективе и сам Киев. Выход противника к Полесью фактически вбивал клин между армиями Горчакова и Ридигера.

Противостоять такому вторжению было бы нелегко. Южная армия на Днестре оставалась слишком слабой для нанесения флангового удара. Войска Ридигера в Царстве Польском из-за австро-прусского договора от 8 (20) апреля 1854 г. не могли угрожать Галиции. Единственным средством изменить положение становилось наступление армии Ридигера вдоль Припятских болот по шоссе на Киев.

Две записки Милютина: от 3 марта 1855 г. под названием «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и от 9 марта под названием «Соображения по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией» – дают представление о наличии различных взглядов на перспективу кампании.

Паскевич продолжал считать Австрию наибольшей угрозой и потому требовал концентрации всех свободных сил в Польше. Он хотел собрать между Брестом и Варшавой ударный кулак в 200 батальонов и 200 эскадронов. Помимо сдерживания Австрии, такая концентрация сил была единственным способом действий в том крайнем случае, если Пруссия вступила бы в войну, или если австрийская армия усилилась бы французским экспедиционным корпусом.

Весной и летом 1855 г. русское командование всерьез опасалось появления французской армии на западе. Лишь позднее стало ясно, что для мобилизации еще одной армии у Наполеона III просто не было резервов, а сама идея появления французских войск в Германии была политически неприемлема для Пруссии и германских государств[627].

Князь М.Д. Горчаков, назначенный в феврале главнокомандующим Южной и Крымской армиями, придерживался несколько иного мнения. Он признавал опасность со стороны Австрии, но настаивал на первостепенной важности сохранения за Россией Крыма. Ф. В. Ридигер рассматривал

варианты максимально эффективного использования своих войск в случае австрийского вторжения. Николай I, в принципе, склонялся к точке зрения князя Варшавского и при любых действиях в Крыму требовал безусловного сохранения за Россией Царства Польского. В соответствии с этим решением в Польшу были направлены две гвардейские пехотные дивизии.

Во время шестинедельного пребывания в столице Паскевич заметил, что цесаревич Александр Николаевич в гораздо большей степени, чем Николай I, разделяет настроения общественного мнения и важнейшей считает борьбу в Крыму[628].

2 февраля Иван Фёдорович покинул Петербург и вернулся в Варшаву, а 18 февраля скончался Николай I. Смерть монарха сразу же изменила многое в плане будущей кампании. М. Д. Горчаков сменил А. С. Меншикова и, пользуясь правами главнокомандующего на юге России, направил в Крым дополнительно 2,5 пехотные и одну драгунскую дивизии, что составляло в общей сложности 40 батальонов, 30 эскадронов и 6 казачьих сотен. Подкрепления были взяты из Южной армии, которая после этого сократилась до размеров корпуса. Генерал-адъютант А. Н. Лидере, который теперь командовал войсками в Бессарабии, для действий в поле располагал только 34 батальонами и 80 эскадронами общей численностью 50 000 чел. Столь слабыми силами невозможно было противостоять австрийцам, если бы они решились вторгнуться в Россию на юге[629].

В таких условиях было принято решение о создании третьей армии. Эта идея в первой половине 1854 г. высказывалась Паскевичем, Жомини и Николаем I, но тогда в Крыму не требовалось держать три корпуса. Весной же 1855 г. для создания армии на Волыни пришлось взять у генерала Ридигера II пехотный и Гренадерский корпуса. Теперь оставшиеся в Польше русские войска могли лишь обороняться. 30 мая был издан приказ о создании Западной и Средней армий.

Александр II, видимо, исходил из того, что война с Пруссией маловероятна, а два корпуса, взятых у Ридигера, в случае вторжения австрийцев в Бессарабию или на Волынь больше пригодятся южнее Полесья. Командующим Западной армией был назначен командир Гвардейского корпуса генерал С. П. Сумароков[630]. Основой Западной армии стали именно гвардейские части. Она насчитывала 59 батальонов, 53 эскадрона, 52 казачьи сотни и 212 орудий в полевых войсках и 47 батальонов, 2 эскадрона и 48 полевых орудий в гарнизонах крепостей Царства Польского[631].

Бывший командир II пехотного корпуса и герой Венгерской

кампании 1849 г. генерал-адъютант Ф. С. Панютин занял должность командующего Средней армией на Волыни. Вверенные ему силы насчитывали 93 батальона, 114 эскадронов, 42 казачьи сотни и 320 полевых орудий[632]. Западная и Средняя армии находились под общим командованием генерал-фельдмаршала князя Паскевича. Штаб Средней армии функционировал на правах корпусного штаба и просуществовал до сентября 1856 г.

В обсуждении планов обороны юга России от предполагаемого австрийского вторжения принимали участие не только командующие армиями. 2 марта 1855 г. начальник штаба резервной кавалерии в военных поселениях юга России генерал-лейтенант В. Ф. фон дер Лауниц представил военному министру князю В. А. Долгорукову доклад[633], в котором высказал мнение, что в случае наступления австрийских войск со стороны Прута русским войскам будет опасно отходить на Ольвиополь и Кременчуг. Такое эксцентрическое движение удалило бы Южную армию от главных сил на западе и ставило под угрозу открытый фланг отступавших войск. Кроме того, противник получал возможность отрезать Южную армию от Крыма. Вместо этого фон дер Лауниц предложил занять фланговую позицию между Днестром и Бугом, сохраняя связь с войсками в Польше. Это позволяло угрожать австрийским коммуникациям и не допустить продвижение неприятеля вглубь Украины. Если же по причине значительного численного превосходства противника русские войска всё же будут вынуждены отступить, то отходить следовало на Киев. В этом случае оперативная связь с Западной армией сохранялась, а коммуникации противника растягивались. Фон дер Лауниц предположил, что, «вероятнее всего, неприятель при таком направлении наших войск никогда не осмелится идти за Балту»[634].

М. Д. Горчаков отдал приказ командующему Южной армией генералу Лидерсу держаться между Днестром и Бугом, но в вопросе отступления к Киеву с точкой зрения фон дер Лауница не согласился. Горчаков опасался того, что возможный отход в направлении на Киев оголит коммуникацию Крымской армии. Потерю оперативной связи с Западной армией Горчаков считал неизбежной в любом случае, так как район ее возможных действий находился севернее Полесья[635].

Данные мнения в начале марта 1855 г. были представлены на рассмотрение военному министру князю Долгорукову. Проанализировавший их начальник Департамента Генштаба генерал В. К. Ливен пришел к выводу, что после создания Средней армии на Волыни положение сильно изменилось. Южная армия должна иметь в виду упорную оборону между Днестром и

Бугом, однако точное направление дальнейшего ее отступления не представляется возможным указать заблаговременно[636]. «В настоящее время, – писал генерал Ливен, – относительно пути отступления ничего положительно не может быть определено, кроме видимой цели взаимного подкрепления обеих армий: Средней и Южной, а в случае перенесения главного театра действий из Крыма в Бессарабию и к Одессе, то, само собой разумеется, излишняя масса войск из Таврической губернии должна перенестись для подкрепления левого фланга обеих наших армий»[637]. Категорическое несогласие с планами возможного отступления на Кременчуг князь Варшавский высказал еще в декабре 1854 г.[638]

К большому облегчению Паскевича, весной – летом 1855 г. нового широкомасштабного развертывания австрийских войск не последовало. Острейший финансовый кризис накладывал на политику Австрии свои ограничения. Австрийская армия сильно страдала от болезней[639]. Ее совокупные санитарные потери в 1854–1855 гг. составили примерно 35 000 чел. умершими[640]. 22 апреля агент сообщил Паскевичу сведения о том, что нового рекрутского набора в 1855 г. в Австрии еще не начиналось[641]. 3 мая пришло важное сообщение о том, что австрийская армия в данное время не готова к вступлению в войну[642]. Внушало определенный оптимизм и поведение Австрии на Венской конференции 15 марта – 4 июня 1855 г.[643]

Наличие в разведывательных донесениях большого количества сведений, подтверждающих неготовность Австрии к вступлению в войну, объясняет тот факт, что фельдмаршал согласился с выводом двух корпусов из Польши. Улучшение обстановки на западе провоцировало у императора Александра II, части генералитета и русского общественного мнения желание во что бы то ни стало добиться успеха в Крыму. Желая переломить ситуацию под Севастополем, император приказал отправить в Крым II пехотный корпус, Гренадерский корпус занял позиции на Перекопе. Средняя армия, не успев сформироваться, сразу же потеряла большую часть своих дивизий[644].

Тяжелейшие бои под Севастополем постепенно истощали армию, но в стратегических приоритетах фельдмаршала Крымский театр не занимал первое место. Осенью 1854 г. главнокомандующий Действующей армией высказал мнение, что для удержания бастионов Севастополя достаточно 40000-50000 чел. даже против 100-тысячной осадной армии союзников, отправка же дополнительных сил в принципе бесполезна. Во-первых, потому что в Крыму отсутствовали соответствующие запасы продовольствия. Во-вторых, потому что

риск ослабления русских армий на западе недопустимо возрастал. Ведь именно осенью 1854 г. Австрия находилась в наивысшей готовности к войне с Россией.

Поскольку стратегическое значение Севастополя исчерпывалось базировавшимся в нем Черноморским флотом, Паскевич полагал, что, «не будь в Крыму Севастополя, никому в мысль бы не пришло ни нападать на Крым, ни защищать его»[645]. «Сравните же неудачу в Крыму с теми последствиями, кои могут ожидать нас в беззащитном положении при войне с Австрией на западной границе, – призывал Горчакова фельдмаршал. – С одной стороны, потеря 16 кораблей, с другой – потеря сначала 4-х губерний с 9 миллионами жителей, а потом, может быть, и потеря Польши, то есть всего 15 миллионов жителей и лучших наших провинций, которые неприятель может занять без боя, и откуда нескоро его потом выгоним»[646].

Трудности с провиантом и фуражом, о которых упоминал князь Варшавский, не стали непреодолимым препятствием, хотя и сказывались на протяжении всей Крымской кампании[647]. Выдающуюся роль в организации снабжения Крымской армии сыграл генерал-интендант Действующей армии Ф. К. Затлер[648]. Перед ним встала беспрецедентная по сложности задача. По данным переписи 1848 г., в Крыму проживало 280000 чел., содержавших 54000 лошадей и 158000 голов рогатого скота. Уже в марте 1855 г. русскому интендантству потребовалось наладить тыловое обеспечение для армии, насчитывавшей 320000 чел. и 100000 лошадей, и к тому же размещенной на полуострове неравномерно[649].

Мнение Паскевича, будто Севастополь можно удерживать без содействия со стороны многочисленной полевой армии, было ошибкой. Упрек защитников в том, что «против 120000 не защитить стен Севастополя было бы постыдно даже с третью частью войск»[650], оказался несправедлив. Князь Варшавский явно недопонимал сложность положения в Крыму. А времени на то, чтобы углубиться в изучение обстановки на этом театре войны, у него попросту не оставалось. В этом он отчасти признался в письме А.-А. Жомини[651]. Рекомендации фельдмаршала относительно строительства под Севастополем передовых оборонительных сооружений с целью фланкирования осадных работ союзников были реализованы в феврале – марте 1855 г. Но противник, снабженный многочисленной осадной артиллерией и постоянно получавший подкрепления, методично подводил свои траншеи к бастионам.

Особого внимания здесь заслуживает проблема технической отсталости русских войск в Крыму на фоне англо-французской

экспедиционной армии. В прошлом неудачный исход кампании нередко объяснялся именно этим фактором.

Основная масса французской линейной пехоты вооружалась гладкоствольным капсюльным ружьем образца 1842 г. По своим техническим характеристикам ружье было очень близко как к русскому гладкоствольному капсюльному ружью образца 1845 г., так и к аналогичному английскому капсюльному ружью образца 1842 г. К началу Крымской войны наряду с обычными сферическими пулями французская пехота начала использовать для своих гладкоствольных ружей специальные продолговатые пули системы Нейсслера, которые повышали дальность эффективного огня примерно вдвое: с 300 до 600 шагов[652].

Легкая пехота французской армии – знаменитые зуавы и венсенские стрелки – к началу Крымской кампании насчитывала до 20 батальонов. На поле боя они предназначались для выстраивания цепи застрельщиков впереди ротных и батальонных колонн вооруженной гладкоствольными ружьями линейной пехоты. Главным оружием французских стрелков в Крыму был стержневой штуцер системы Тувенена образца 1846 г. под 18-миллиметровую пулю системы Тамизье. И лишь в январе 1855 г. в осаждавшую Севастополь французскую армию поступила первая партия из 3600 новейших 18-миллиметровых нарезных ружей системы Минье. В первую очередь ими вооружили четыре полка гренадеров и вольтижёров воссозданной Наполеоном III императорской гвардии[653].

Пропорцию использования различных типов боеприпасов для стрелкового оружия можно проиллюстрировать следующими примерами. В битве на Альме французская пехота расстреляла 30 180 патронов с обычной сферической пулей и 12453 патрона под пули Нейсслера и Тамизье. В битве при Инкермане было израсходовано 34650 патронов под сферическую пулю, 15750 патронов под пулю Нейсслера и 26 520 патронов под штуцерную пулю Тамизье. К началу 1855 г. во французском осадном лагере под Севастополем было накоплено 15 594291 патрон со сферической пулей, 1046525 патронов под пулю Нейсслера и 4023 530 патронов под штуцерную пулю Тамизье[654]. Таким образом, на полях сражений Крымской войны основным французским ружьем по-прежнему оставался заряжавшийся с дула гладкоствольный мушкет, правда, в отличие от Наполеоновской эпохи, он был уже не кремневый, а капсюльный.

Весьма специфический опыт колониальной войны в Алжире сыграл с французами такую же злую шутку, какую индийский опыт сыграл с британцами. Став школой для офицеров и генералов, он уверил их в том, что храбрый, но

недисциплинированный азиатский противник может быть сокрушен, если атаковать его с надлежащей энергией. Но этот казавшийся универсальным тактический рецепт мог принести много бед, в случае его опрометчивого использования при столкновении с армией великой европейской державы[655].

Если говорить о британской армии, то основной массе английских войск, расквартированных в мирное время в метрополии, не хватало боевого опыта. Явным анахронизмом, подрывавшим профессионализм офицерского корпуса, выглядела практика торговли офицерскими патентами, позволявшая покупать чины до подполковника включительно, после чего дальнейшее чинопроизводство следовало уже по выслуге лет.

Однако во второй четверти XIX в. боевой опыт как британской, так и французской армии вытекал не столько из Наполеоновских, сколько из колониальных войн[656]. Британская Индийская армия в англо-сикхских войнах 1840-х гг. получила разноплановый организационный и тактический опыт, во многом не уступавший французскому опыту, добытому в Алжире. Другое дело, что, в отличие от Франции, опыт британской Индийской армии оказался практически никак не востребован в метрополии. В 1815–1853 гг. командование британской армии, в первую очередь сам герцог А. Веллингтон, относилось к офицерам из Индии с подозрением, недоверием и высокомерием. Их значительный боевой опыт, по сути, ни во что не ставился, а потому ветеранов сикхских войн в штабе отправившейся в Крым армии лорда Д. Раглана практически не было[657].

Несмотря на определенное предубеждение и снобизм в отношении офицеров колониальных войск, армия, расквартированная непосредственно на Британских островах, в 1830-1840-е гг. подверглась достаточно интенсивному, хотя во многом и поверхностному реформированию. В преддверии Крымской войны качество тактической подготовки войск удалось несколько улучшить за счет широкомасштабных маневров в учебном лагере около г. Чобем. Ряд отдельных полков и батальонов в пяти пехотных дивизиях, составлявших экспедиционную армию Д. Раглана, имели опыт Первой Опиумной войны 1839–1842 гг., завоевания Синда в 1843 г., Гвалиорской кампании 1843 г., Первой англо-сикхской войны 1845–1846 гг. и Кафрских войн 1846–1847 и 1850–1853 гг.[658]

Десятилетиями британская армия ориентировалась на выполнение двух приоритетных задач: несение гарнизонной службы в колониях и отражение возможного французского десанта на побережье. Никто всерьез не готовился к решению проблем, связанных с организацией крупной заморской

экспедиции. Для нее остро не хватало резервов[659].

С точки зрения развития тактики Крымская война во многом оказалась затянувшимся эндшпилем Наполеоновской эпохи. Однако благодаря герцогу Веллингтону, оказывавшему огромное влияние на британскую армию вплоть до своей кончины в 1852 г., тактика английской пехоты в Крыму оставалась устаревшей даже по меркам Наполеоновских войн. Сомкнутые линии пехоты Раглана на Альме практически ничем не отличались от боевых порядков самого Веллингтона при Ватерлоо, своими корнями они явно уходили в XVIII в.[660] Неслучайно, наблюдая за атакой англичан на Альме, французский генерал воскликнул: «…как при Фонтенуа!»[661].

Архаичность тактической доктрины своей пехоты Великобритания отчасти могла компенсировать лишь за счет отличной выучки солдатского и унтер-офицерского состава на индивидуальном уровне, а также с помощью широкомасштабного перевооружения на новые образцы стрелкового оружия.

Благодаря огромным финансово-экономическим возможностям Великобритании, а также за счет относительно небольшой численности британской экспедиционной армии, ее насыщенность современным нарезным стрелковым оружием была выше, чем у французской. Четыре из пяти высадившихся в Крыму английских дивизий были вооружены 18-миллиметровым нарезным ружьем системы Минье образца 1851 г. Лишь в дивизии генерала Д. Каткарта пять из шести пехотных батальонов были вооружены 19-миллиметровым гладкоствольным капсюльным ружьем образца 1842 г.[662] Если русские и французские гладкоствольные ружья времен Крымской войны были техническим развитием знаменитого Шарлевильского мушкета образца 1777 г., то английское ружье образца 1842 г. было наследником Браун-Бесса – не менее известного мушкета 1730-х гг.

Зимой 1855 г. британская армия под Севастополем в больших количествах начала получать еще более современные ружья системы Энфилда образца 1853 г. под пулю системы Притчетта. В отличие от 18-миллиметрового ружья Минье, винтовка Энфилда была значительно облегчена за счет уменьшения калибра до 14,7 мм[663]. В августе 1855 г., к моменту падения Севастополя, 20 батальонов британской армии в Крыму имели на вооружении Энфилды, а 29 батальонов оставались с винтовками системы Минье[664].

Если абсолютная эффективность практически любого вооружения по ходу технического прогресса естественным образом растет, то его относительная эффективность от

поколения к поколению, напротив, снижается. Собственно, именно это подразумевал, к примеру, русский военный мыслитель А. А. Керсновский, когда напоминал, что в 1812 г. на Бородинском поле 100000 чел. пало с обеих сторон за каких-нибудь восемь часов, тогда как под Верденом в 1916 г. – 700000 чел., но за восемь месяцев[665]. «Новая техника, – доказывал Керсновский, – влечет за собой не новую тактику, а всего лишь новые тактические навыки. Тактика может измениться коренным образом от причин, совершенно не зависящих от техники (например, при переходе вербовочных армий на систему вооруженных народов). Природа тактики совершенно не должна измениться от технических условий, ибо она лежит вне досягаемости техники, будучи производной величиной военной доктрины»[666].

Взаимосвязь техники и тактики имела, таким образом, нелинейный характер. В середине XIX в. спор о сравнительной важности дальнобойности и скорострельности стрелкового оружия еще не получил окончательного разрешения. В 1813 г. в битве при Виттории, где британская пехота вела огонь из гладкоствольных кремневых мушкетов Браун-Бесс, лишь 1 пуля из 459 поражала цель, в битвах на Альме и при Инкермане в 1854 г., где она же использовала нарезные винтовки Минье, в цель попадала уже 1 пуля из 16[667]. Однако скорострельность винтовок Минье составляла 2 выстрела в минуту против 3 выстрелов в минуту у старых гладкоствольных ружей[668], что обуславливало более высокую эффективность последних в ближнем бою. Поэтому в битве при Инкермане результаты боевой работы 4-й пехотной дивизии генерала Д. Каткарта, вооруженной преимущественно гладкоствольными ружьями образца 1842 г., были не хуже, чем у остальной британской пехоты, стрелявшей из нарезных винтовок Минье.

«Еще до окончания Крымской войны, – писал британский военный историк П. Грифит, – возникли подозрения, что «Chasseurs a Pied» (пешие егеря. – *А.К.)* были чем-то вроде фанатической секты на периферии действительного тактического спора. С полей сражений стали приходить убедительные свидетельства, которые наводили на мысль, что требования по части точности огня на большой дистанции фактически не возникало, и даже если бы такие требования возникли, нарезное ружье не могло ему соответствовать на необходимом уровне. В Итальянской войне 1859 года французы нанесли поражение вооруженным нарезным оружием австрийцам не благодаря дальнобойной стрельбе, а с помощью энергичного огня и стремительных штыковых атак в ближнем бою. Егеря скорее

использовались как элитные ударные отряды, нежели в качестве застрельщиков, и в целом тактика уповала на небольшие колонны, взаимодействовавшие на относительно ограниченном пространстве с узкими секторами ведения огня. Они не выглядели бы неуместными в Итальянской кампании Бонапарта в 1796–1797 гг.»[669]

Вооружение русской пехоты на Крымском театре военных действий в целом, конечно, уступало вооружению союзников, хотя их превосходство едва ли было решающим. Основная масса русской, так же как и французской, пехоты вооружалась в начале 1850-х гг. гладкоствольными ударными, то есть капсюльными, ружьями. Ружье образца 1845 г. калибром 18,03 мм и его незначительная модификация образца 1852 г. позволяли вести прицельный огонь сферической пулей на дистанции примерно 300 шагов. В 1855 г. в русской армии начали распространяться полукруглые пули, созданные по образцу трофейных французских пуль системы Нейсслера[670], которые увеличивали дальность прицельного огня гладкоствольных ружей до 600 шагов.

Также в русской армии постепенно увеличивалось и число пехотинцев, вооруженных нарезными штуцерами. Помимо отдельных стрелковых батальонов корпусного подчинения, к 1854 г. каждый пехотный батальон насчитывал 26 солдат со штуцерами. К осени 1855 г. 26 солдат со штуцерами приходилось уже на каждую роту[671]. Основным вооружением русских стрелков был нарезной так называемый Литтихский штуцер образца 1843 г. калибром 17,78 мм, заряжавшийся пулей системы Куликовского. Реже использовались штуцера системы Гартунга и Эрнрота. Нарезное оружие русской армии имело эффективную дальность 1200 шагов и по тактико-техническим характеристикам примерно соответствовало французскому штуцеру системы Тувенена. Однако новейшим винтовкам Минье и Энфилда оно уступало – в первую очередь по удобству заряжения.

Россия и Франция обладали примерно одинаковым количеством легкой пехоты, однако, пользуясь неуязвимостью своих национальных границ, союзники смогли сконцентрировать значительную ее часть непосредственно на Крымском театре военных действий[672].

«Если мы возьмем в соображение общее число нарезного оружия, – писал выдающийся деятель русского Генерального штаба Н.Н. Обручев, – бывшего тогда во всей нашей армии, то увидим, что число его едва ли многим уступало тому количеству, которое имела армия французская. Разница была только в том, что французы, ведя войну наступательную, будучи у себя дома безопасными, могли и лучшие войска свои, и лучшее оружие

собрать на том пункте, где происходили военные действия; тогда как мы и то и другое вынуждены были раздробить»[673].

Из двадцати отдельных батальонов легкой пехоты французской армии в Причерноморье было отправлено девять, и этим девяти стрелковым батальонам в битве на Альме противостояло только два русских стрелковых батальона[674]. При таких условиях неудачный для русской армии исход сражения был закономерен.

Однако, несмотря на то, что в Крымскую войну дальность эффективного ружейного огня значительно возросла, основные боевые потери воюющим сторонам по-прежнему причиняли снаряды гладкоствольных орудий.

К весне 1855 г. под Севастополем начал отчетливо сказываться перевес средств осады над средствами обороны. Не считая турецких и сардинских контингентов, Британия в течение полутора лет отправила на Черноморский театр около 100000 чел., Франция – 309270 чел.[675]Такой размах действий Наполеона III накануне Восточной войны казался маловероятным. В апреле 1854 г. разведывательные данные, стекавшиеся в департамент Генерального штаба, указывали совсем иные цифры. В двух немецких аналитических записках, перевод которых был сообщен Паскевичу по приказу Николая I, предельно возможной численностью французской армии в военное время, включая полевые, резервные, запасные и гарнизонные войска, считалось 600 000 чел.[676] Эти сведения подтвердились в ходе войны. Но предположение о распределении сил между различными театрами оказалось в корне неверным.

В действующих французских войсках считалось 248300 чел. и 680 орудий, в запасных войсках – 204670 чел. Организационно армия военного времени насчитывала до двадцати дивизий. Первоначальный состав французской восточной экспедиции был оценен более или менее верно. Предполагалось, что противник отправит на Причерноморский театр три дивизии, насчитывающие 34 000 чел. пехоты, 1400 чел. кавалерии и 64 орудия. Однако возможность расширения данного контингента была решительно недооценена.

190000 чел. считались минимумом, который необходимо оставить во Франции для гарнизонной службы, охраны испанской границы и подготовки новобранцев. Около 56 600 чел. должны были остаться в Алжире. Предполагалось, что у французов не будет способа расширить ряды своей армии, иначе как за счет призыва национальной гвардии и формирования новых частей и соединений с нуля[677]. Затем не менее 260 000 чел. потребуется оставить на востоке Франции и еще 50000 чел. – в Италии. В

подобных обстоятельствах, как следовало из записки, для восточной экспедиции просто не оставалось резервов[678]. Французский император не мог выделить для действий в Причерноморье более 45 000 чел.[679], призыв же национальной гвардии стал бы для него ходом, заведомо неприемлемым политически.

Французский генералитет также испытывал определенные опасения. 14 июня 1854 г. на аудиенции у Наполеона III маршал Б. де Кастеллан заявил: «Теперь выходит так, что полки, уже отправившие своих старых солдат, отправляются на Восток наполовину с рекрутами, незнакомыми со службой. Следовало бы, государь, не посылать слишком много кадров на Восток, а ограничиваться отправлением отрядов; в противном случае, так как уже через три месяца убудет пятая часть наличности благодаря болезням и другому, на Востоке окажутся одни лишь кадры, в которых мы сами нуждаемся для наших границ…»[680]«На Крымскую экспедицию, – записал он в дневнике 23 февраля 1855 г., – потребовавшую отправления наших лучших войск, смотрят как на ослабление нашего положения на континенте»[681].

Однако расчет на то, что главные силы своей армии французы вынуждены будут оставить на германской и бельгийской границе, оказался несостоятельным. Дружественная позиция по отношению к Парижу, занятая в ходе Восточной войны Пруссией и Австрией, позволила Наполеону III оголить восточную границу Франции. В результате русской армии в Крыму пришлось иметь дело с неприятелем, численность которого в несколько раз превышала предвоенные оценки.

В такой ситуации стабилизировать положение под Севастополем можно было лишь с помощью постепенно прибывавших резервов. Но решительно повлиять на обстановку без ослабления сил в Польше и на Волыни оказалось невозможно. Если в начале 1855 г. в Крыму находилось 134,5 батальона, 79 эскадронов, 49 сотен и 352 полевых орудия[682], то к концу осады там находилось уже 216 батальонов, 79 дружин государственного подвижного ополчения, 139,5 эскадрона, 93 сотни и 656 полевых орудий[683].

К сожалению, прибывавшие резервы в основном лишь покрывали потери на бастионах. Возможности полевой армии по нанесению эффективного деблокирующего удара увеличивались очень медленно. Причиной тому было крайне невыгодное соотношение боевых потерь в ходе осады, несмотря на то, что зима стала для противника тяжелым испытанием. Если же говорить о санитарных потерях союзников, то они едва ли

уступали аналогичным потерям русских войск[684]. В условиях середины XIX в. именно высокая смертность от болезней причиняла основной урон противоборствовавшим армиям, так как совокупно она в 2–3 раза превосходила их кровавые потери. Особенность боевых действий в Крыму заключалась в том, что многочисленные подкрепления не позволяли решительно повлиять на ход боевых действий. Находясь на гребне Сапун-горы за мощными укреплениями, союзная армия могла успешно отражать деблокирующие удары.

После Инкерманского сражения в октябре 1854 г. Паскевич признал невозможность сбросить союзную армию в море. Вместо этого князь Варшавский советовал фланкировать осадные работы противника передовыми укреплениями, такими как Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты. Об истинном предназначении данных укреплений высказывались и другие мнения. По замечанию участника обороны О. И. Константинова, три передовых укрепления возводились не для фланкирования осадных работ противника, а из расчета на будущий переход в наступление с целью взятия Сапун-горы. В этом случае укрепления должны были бы сыграть роль опорных пунктов, удерживая которые, русская армия гипотетически могла бы повторить наступление, по замыслу аналогичному Инкерманскому сражению. С этой целью укреплениям придали облегченный «полевой», а не долговременный, профиль, и потому их способность к самостоятельной обороне была невысокой[685].

Когда же в мае 1855 г. эти укрепления были захвачены французами, фельдмаршал счел падение южной стороны лишь вопросом времени. Летом 1855 г. наступила агония осажденного города.

Подводя итог командованию А. С. Меншикова, мичман М.И. Ботьянов отметил, что тот, «бесспорно, был умный, тонкий и образованный человек, но как теоретик не понимал значения хорошо организованного штаба, не умел выбирать начальников, не придавал значения нравственному элементу в войсках и даже не умел поздороваться с солдатами. Следствием всего этого было отсутствие порядка, и всем вообще было тяжело служить – распоряжения бывали мудрены и шли как-то скачками»[686].

Более того, иногда казалось, что Меншиков и Горчаков придерживались принципиально различных подходов к проблеме удержания Севастополя, что вызвало серьезные перемены в тактике защитников после февраля 1855 г. По мнению командира бригады 10-й пехотной дивизии генерал-майора А.К. Баумгартена, «положение, в котором находились оба наши главнокомандующие, было совершенно различно и от каждого из

них требовало совершенно другого образа действий»[687]. «Князь Меншиков, – считал Баумгартен, – даже после Инкерманского сражения утверждал, что нельзя держать Севастополя, и не принимал решительно никаких мер для его обороны. <…> К приезду Горчакова, действительно, уже было невозможно держать долее Севастополь. Но князь Горчаков приехал с готовой мыслью действовать и исполнять всё то, что было упущено князем Меншиковым.

Вместо того чтобы не давать войска в Севастополь, он усилил гарнизон его до чрезвычайности, но уже тогда, как бомбардирование было сильнее и потери наши значительнее. Вместо того чтобы противиться ночным вылазкам, он увеличил их до чрезвычайности, несмотря на то, что ночи были светлые, теплые и непродолжительные, что все траншеи были углублены, вооружены артиллерией и полны войск. Не только вылазки эти не исполняли главной их цели, – держать наготове и утомлять неприятеля, но, делая их в значительных силах, потери наши были так велики, что деморализировали не противника, а наши войска. В той же степени, – заключает Баумгартен, – в какой князь Меншиков хотел оставить Севастополь, в той же князь Горчаков упорствовал его защищать, несмотря на видимую невозможность держаться долее»[688].

Сравнительно более тяжелые потери защитников Севастополя в артиллерии объяснялись в первую очередь неравными условиями огневой дуэли. В последние месяцы обороны 2-й, 3-й, 4-й бастионы и Малахов курган, в отличие от батарей союзников, находились под сосредоточенным перекрестным обстрелом. По данным Э. И. Тотлебена, у противника в ходе осады было подбито и повреждено 609 орудий, на русских батареях – примерно 900 орудий[689].

Тем не менее на потерях живой силы тактическое несовершенство севастопольских позиций сказывалось гораздо тяжелее. Относительно слабый профиль земляных укреплений и малая площадь обороняемого периметра не позволяли эшелонировать резервы в глубину и укрывать их от огня. «Резервы, – вспоминал флигель-адъютант капитан Д.А. Столыпин, – всегда были наготове, оставаясь под чистым небом без всякой покрыши и укрытия от неприятельских снарядов; а потому по мере приближения и умножения неприятельских осадных работ стрельба и бомбардировка делались всё более смертоносны, потери были громадны, и требовалось на пополнение гарнизона всё более и более войска в Севастополь»[690].

После взятия французами передовых севастопольских

укреплений 26 мая 1855 г. необходимость держать пехотные резервы на случай внезапного штурма в непосредственной близости от бастионов стала ещё более очевидной. Начальник 3-го отделения севастопольской оборонительной линии контр-адмирал А. И. Панфилов в разговоре с командиром Камчатского егерского полка И.П. Голевым вполне резонно заметил, что «у нас так перебьют много народа». На что полковник Голев отвечал: «Совершенно верно, но что же делать? Одно что-нибудь: жалеть людей или Севастополь!»[691] Принятое решение позволило 6 июня 1835 г. успешно отразить первый штурм Севастополя, но обрекло гарнизон на тяжелые потери от артиллерийского огня.

Свидетель тех событий О. И. Константинов также считал, что основной причиной более тяжелых потерь русской армии было размещение резервов рядом с бастионами и концентрический огонь противника. «Неприятель, – писал он, – имел на батареях одну артиллерийскую прислугу с необходимым числом прикрытия в траншеях, а мы, ежеминутно ожидая приступа, должны были держать наготове и поблизости пятидесятитысячный гарнизон»[692]. Кроме того, по наблюдениям Константинова, каменистый грунт, обнажавшийся после срытия в ходе фортификационных работ тонкого верхнего слоя земли, при обстрелах давал множество вторичных осколков, которые наносили защитникам дополнительный урон[693].

Неудивительно, что уже в первую бомбардировку в октябре 1854 г., несмотря на то, что русская артиллерия на два неприятельских выстрела отвечала пятью своими, гарнизон потерял 1100 чел. против 344 у противника[694]. В ходе последующих бомбардировок города эта невыгодная для защитников пропорция оставалась неизменной, в то время как в абсолютном исчислении потери постоянно увеличивались. Во время второй бомбардировки в апреле 1855 г. защитники потеряли 6130 чел., а союзники – только 1850 чел.[695] В ходе финальной шестой бомбардировки в августе 1855 г. гарнизон потерял 18000 чел., тогда как союзники – 3860 чел.[696]

При этом в ходе первого и второго штурма, когда русская артиллерия и пехота имела возможность действовать непосредственно по атакующим колоннам, столь невыгодная для защитников диспропорция потерь уже не наблюдалась. Штурм передовых укреплений Севастополя, предпринятый союзниками 26 мая 1855 г., стоил французам 5 554 чел., а британцам – 693 чел. убитыми и ранеными, тогда как гарнизон лишился примерно 5 000 чел.[697] Четвертая бомбардировка Севастополя 5 июня 1855 г. с учетом потерь в ходе неудачного для союзников штурма на следующий день 6 июня стоила русским войскам 5

446 чел. убитыми и ранеными против примерно 6700 чел. у англичан и французов[698]. Генеральный штурм 27 августа 1855 г. стоил союзникам 10067 чел., тогда как защитники потеряли 12913 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. По данным Н. Ф. Дубровина, из этого числа примерно 2 000 чел. русские потеряли в день штурма от неприятельской бомбардировки еще до начала атаки[699].

В условиях столь невыгодного соотношения потерь на бастионах прибывавшие русские резервы расходовались в первую очередь для пополнения севастопольского гарнизона. По этой причине возможности полевой русской армии в Крыму по нанесению эффективного деблокирующего удара увеличивались крайне медленно. Находясь на гребне Сапун-горы за мощными укреплениями, союзная армия могла успешно отражать удары извне. В таких условиях, несмотря на героическую стойкость обороны, падение южной стороны становилось лишь вопросом времени. Последняя попытка спасти город привела к безнадежному фронтальному наступлению полевой армии на укрепленные позиции союзников у Чёрной речки 4 августа 1855 г.

Обоснованные сомнения в целесообразности наступления выражали многие генералы Крымской армии, сам главнокомандующий практически не верил в успех, но общественное мнение столицы, которое ожидало немедленных решительных действий, князь Горчаков игнорировать так и не решился[700].29 июля (10 августа) 1855 г. состоялся военный совет, фактически подтвердивший обреченность готовившегося сражения. «Большинство мнений, – вспоминал очевидец, – склонялось к тому, что наступательные действия наши при численном превосходстве союзников и крайности их позиции не могли иметь другого результата, кроме поражения. <…> На военном совете, предшествовавшем сражению, большинство мнений было против нападения, но мотивировались они слабо и неубедительно»[701].

Русская армия могла перейти в наступление либо непосредственно из Севастополя против осадных линий союзников, либо против внешнего фронта их обороны, который проходил по Сапун-горе и прикрывался со стороны р. Чёрная передовыми укреплениями на Федюхиных высотах, Телеграфной горе и горе Гасфорта. В конечном итоге, Горчаков решил штурмовать Федюхины высоты, хотя многим была очевидна бессмысленность подобного шага[702].

На военном совете высказалось десять человек[703]. Идею штурма передовых позиций противника на Федюхиных высотах с некоторыми оговорками поддержали двое: начальник артиллерии

Южной и Крымской армии генерал-лейтенант А. О. Сержпутовский и генерал-квартирмейстер штаба армии генерал-лейтенант С.П. Бутурлин. Другие сразу предлагали штурмовать Сапун-гору, несмотря на то, что тактически она была еще более сложной целью. Провести это наступление от с. Чоргун советовали начальник штаба армии генерал-адъютант П.Е. Коцебу и командир VI пехотного корпуса генерал-лейтенант П. П. Липранди, хотя последний выражал сомнение в успехе. Нанести удар по Сапун-горе одновременно с мощной вылазкой севастопольского гарнизона предлагали начальник инженеров Южной и Крымской армии генерал-лейтенант А.Е. Бухмейер, командир 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. К. Ушаков и начальник войск, оборонявших Корабельную сторону Севастополя, генерал-лейтенант С. А. Хрулёв. Последний явно колебался, а потому в двух записках представил главнокомандующему взаимоисключающие мнения. Начальник 1-го и 2-го отделения севастопольской оборонительной линии генерал-лейтенант К. Р. Семякин рекомендовал оставить обреченный город и не рисковать полевой армией. Его поддержал командующий севастопольским гарнизоном генерал-адъютант Д.Е. Остен-Сакен, который честно заявил: «Всякое предприятие, не ведущее к снятию осады, есть мера бесполезного кровопролития!»[704]Вице-адмирал Ф. М. Новосильский, исправляющий должность командира Севастопольского порта и военного губернатора, не предложил чего-либо конкретного. Раненый генерал Э. И. Тотлебен не мог присутствовать на совете, но также высказывался против наступления[705].

Генерал А. П. Хрущов, командовавший в Севастополе пехотной бригадой, считал успешную вылазку гарнизона неосуществимой. Ее проведению мешала, во-первых, близость осадных батарей противника, а во-вторых, невозможность в короткие летние ночи быстро вывести войска через узкие проходы в оборонительных верках, не говоря уже о том, чтобы выстроить колонны для атаки. С внешней же стороны Сапун-гора, по мнению Хрущова, была неприступна. Пусть и в несколько утрированной форме, ветеран севастопольской обороны высказал весьма точную мысль, что поражение 4 августа 1855 г. фактически стало спасением от еще более тяжелой неудачи. Потому как, займи Горчаков Федюхины высоты, писал Хрущов, на следующий день он бы начал штурм Сапун-горы, где французы неизбежно разбили бы его наголову[706].

По мнению начальника штаба III пехотного корпуса генерала П. В. Веймарна, смысл предстоящего сражения сводился к необходимости выиграть время для завершения строительства

огромного понтонного моста через Северную бухту, необходимого для эвакуации гарнизона[707]. «Даже в случае успеха, – полагал генерал Веймарн, – если мы овладеем высотами, то к ночи все-таки должны отступить; предприятие же наше можно объяснить тем, что мост через Севастопольскую бухту поспеет только к 15 августа, что опасаются неприятельского штурма до окончания постройки моста, а потому предполагают этим наступлением отвлечь на время внимание неприятеля от Севастополя»[708]. О важности выиграть время для завершения строительства моста вспоминал также адъютант главнокомандующего И. И. Красовский[709].

Участник битвы на р. Чёрной французский офицер Ж. Эрбе полагал, что внешний фронт позиции союзников, и без того труднодоступный по природным условиям, после возведения на нем полевых укреплений фактически стал неприступен. «Нас нелегко выбить, – записал Эрбе в дневнике накануне сражения, – так как наши позиции прикрываются рекой, которую можно перейти вброд только в некоторых нешироких местах и разве еще лишь у водопровода. Обход этих препятствий не был бы удобен ввиду почти 40-тысячного войска, включая сюда турок и сардинцев, более чем со 100 орудиями»[710].

Поскольку р. Чёрная не везде была проходима вброд, русские батальоны были вынуждены вести наступление в тесно сомкнутых взводных колоннах[711], что неизбежно влекло тяжелые потери от артиллерийского и штуцерного огня. При Инкермане, к примеру, условия местности позволяли русской пехоте двигаться в атаку строем ротных колонн[712].

По свидетельству одного из очевидцев, накануне битвы русские офицеры находились в состоянии обреченной решимости умереть без всякой надежды на успех[713]. Подобный пессимизм сильно контрастировал с приподнятым настроением русской армии накануне Инкермана, когда успех многим казался несомненным[714].

Наступление Горчакова вылилось в лобовой штурм мощных полевых фортификаций, расположенных на Федюхиных высотах, и завершилось неудачей. «Из двух больших дел – 24 октября на Инкерманских высотах и 4 августа на реке Чёрной, – вспоминал генерал Хрущов, – первое по идее было превосходно, а по исполнению дурно; второе же как по исполнению, так и по идее было совершенно нелепо. При этом нельзя не принять во внимание, что князь Меншиков не имел ни штаба, ни советников, а князь Горчаков имел и то и другое»[715].

Получив известие о результатах битвы на Чёрной, Паскевич записал: «Суворов не осмелился бы исполнить того, на что

отважился главнокомандующий Крымской армией»[716]. Возмущение старого фельдмаршала вызвал тот факт, что Горчаков «гнал войска на убой» и «шел на верное поражение», вместо того чтобы честно доложить императору Александру II о невозможности исполнить его волю[717].

Вскоре после победы на Чёрной союзники предприняли второй штурм, в результате которого французы овладели Малаховым курганом, после чего русская армия по наведенному инженерами генерала А.Е. Бухмейера почти километровому понтонному мосту отошла на северную сторону Севастополя.

Паскевич, всегда противившийся накоплению сил в Крыму, весной 1855 г. проявлял странное терпение, видя уход на полуостров всё новых и новых дивизий. Этому можно предложить два объяснения. С одной стороны, его план сдерживания Вены увенчался успехом, и в новом, 1855 г. повторного развертывания австрийских войск на русских границах не последовало. С другой стороны, формирование новых соединений из числа резервных и запасных войск в значительной степени заменяло уходящие в Крым батальоны.

После падения Севастополя Александр II в собственноручной записке, подготовленной в Москве 3 сентября, определил приоритетность дальнейших военных задач. Первой задачей провозглашалась оборона Крыма, второй – восстановление боеспособности Южной армии и надежная защита Черноморского побережья и Новороссии[718].

Хотя в записке императора не упоминалось прямо о Польше и Волыни, сокращение войск в Крыму должно было привести к тому результату, что группировка русских армий вновь приобретала очертания, выгодные в плане подготовки к войне на западе. Теперь Крымская армия передавала резервы для усиления Южной.

К этому времени на полуострове находились четырнадцать дивизий. В Крыму решено было оставить 7-ю, 8-ю, 9-ю пехотные, 7-ю резервную дивизии III пехотного корпуса и 10-ю, 11-ю, 12-ю дивизии IV корпуса. Их поредевшие полки было решено привести в трехбатальонный состав и укомплектовать за счет 4-й, 5-й, 6-й дивизий II пехотного корпуса, 16-й и 17-й дивизий VI корпуса и 15-й резервной V корпуса, кадры которых возвращались в Россию для формирования до надлежащего комплекта. Таким образом, состав Южной армии увеличивался до 7 дивизий из 112 батальонов[719].

Общее распределение войск на 1856 г. устанавливало численность Крымской армии в 98 батальонов, 50 дружин государственного подвижного ополчения, 63 эскадрона, 97

казачьих сотен, 264 полевых и 68 конных орудий. Южная армия должна была насчитывать 127 /4 батальона, 44 дружины государственного подвижного ополчения, 209 эскадронов, 45 казачьих сотен, 368 полевых и 128 конных орудий[720].

В сентябре 1855 г. в письме императору фельдмаршал справедливо отметил, что «положение дел наших с Австрией, в сущности, не изменилось сравнительно с прошедшим годом. Если Австрия не объявила нам доселе войны, то была удержана лишь сильной армией, собранной в 1854 г. в Польше»[721]. «В 1854 г., – указывал фельдмаршал в записке неизвестному адресату от 24 сентября 1855 г., – мы остановили австрийцев только скорым отступлением за Серет и готовностью встретить их со 170-тысячной, а в 1855 г. – 200-тысячной армией, собранной в Польше»[722].

Князь Варшавский и на этот раз советовал Александру II сосредоточить большие массы войск в составе Западной и Средней армий. 1 октября 1855 г. император ответил, что собрать 175 батальонов для Западной армии и 80-100 для Средней, как просит фельдмаршал, не представляется возможным[723].

В это время Военное министерство завершало составление общего боевого расписания русских войск на будущий, 1856 год. Сохранение всё еще достаточно сильной Крымской армии, а также заметное усиление Южной и Средней армий за счет Западной указывало на новую стратегическую линию сдерживания Австрии[724].

В последние месяцы жизни Николая I у России отсутствовали значительные силы на Волыни и в Бессарабии. Поэтому Западная армия Ридигера в Польше для создания угрозы флангу противника ориентировалась на действия по операционному направлению Брест-Киев.

Осенью 1855 г. новые планы стали, фактически, зеркальным отражением предыдущих. Теперь предполагалось, что при вторжении австрийцев в Царство Польское отступить должна ослабленная Западная армия, тогда как Средняя и Южная армии контратакуют противника во фланг. В случае вторжения на Волынь и в Бессарабию оборона пространства к югу от Полесья должна была осуществляться непосредственно Средней и Южной армией.

При этом первоначально отвергнутое Александром II предложение Паскевича относительно усиления Западной армии по существу оказалось исполнено. 8 октября 1855 г. военный министр князь В. А. Долгоруков писал начальнику Императорской Главной квартиры генералу В. Ф. Адлербергу, что по новому боевому расписанию Западная армия усиливается до

140–150 батальонов[725].

Тогда же в Военное министерство поступила на рассмотрение записка генерала Ф. Ф. Берга, командовавшего расположенными в Финляндии русскими войсками[726]. Доклад от 27 октября 1855 г. назывался «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года» и логически подразделялся на две части. В первой части генерал Берг анализировал опасность, которую неприятельская высадка могла представлять для Финляндии, Остзейского края и района столицы. Наиболее опасным направлением на северном театре Берг признавал Финляндию. С точки зрения Берга, эта провинция по стратегическим и внешнеполитическим причинам представляла более благоприятную цель, нежели Остзейский край. Во второй части записки он рассматривал перспективы десантной операции противника в Финляндии и те меры, которыми русское командование могло бы ей противодействовать.

Берг предположил, что даже в случае высадки на финском побережье главной целью противника на Балтийском театре будут Кронштадт и Петербург. После нерешительных кампаний на Балтийском море в 1854 и 1855 г. союзники должны были осознать тщетность своих попыток добиться успеха на Балтике без помощи многочисленной десантной армии. По оценкам Берга, в 1856 г. противник мог выделить для операций на севере до 60000 чел. Но поскольку для взятия Петербурга и Кронштадта требовалась армия силой не менее 150000-200000 чел.[727], неприятель, как представлялось Бергу, был бы вынужден действовать в два этапа.

На первом этапе при завоевании Финляндии экспедиционная армия союзников могла рассчитывать на помощь Швеции. И лишь после того как в ходе возможной кампании 1856 г. противник закрепится и перезимует на финском побережье, в следующем, 1857 г. могло состояться нападение на столицу России.

Еще в апреле 1855 г. Ф. В. Ридигер в письме военному министру Долгорукову высказал мнение, что решительный англо-французский десант на севере без помощи со стороны Швеции невозможен. Но если бы он даже состоялся, то для России отчасти был бы желателен. Поскольку резервы для такой операции противник мог высвободить лишь за счет войск, действовавших в Крыму, Ридигер посчитал, что подобная ошибка со стороны неприятеля «обратится в нашу пользу в том, что, уравновесив его силы с нашими на всех театрах, увеличит везде шанс успеха в нашу пользу»[728].

Когда Швеция 23 декабря 1853 г. объявила Николаю I о своем нейтралитете, формально ее порты остались открытыми для

флотов всех враждующих сторон, что отвечало интересам Англии и Франции. В то же время король Оскар I запретил своим подданным поступать к ним на службу. Таким образом, в условиях тяжелой навигации в незнакомой акватории Балтийского моря союзный флот фактически остался без лоцманов.

В ответ на просьбу, высказанную Дании и Швеции со стороны России, закрыть гавани Эльфснабена, Карлсхамна и Киля, министр иностранных дел Швеции и Норвегии барон Г. Штирнельд отвечал русскому посланнику Я. А. Дашкову, что «трудно запереть двери дома, не имея к нему ключа… Мы этим ключом не располагаем, почему не в силах удержать флоты бросить якорь, где им вздумается»[729].

Сухопутная армия Швеции формально насчитывала 140 000 чел., из которых примерно 60 000 чел.[730] составляли действующие войска. Ее флот, помимо крупных кораблей, имел 328 канонерок, незаменимых при действиях в финских шхерах. Британский флот на Балтике в кампанию 1854 г. канонерских лодок не имел вовсе.

Общественное мнение Швеции по отношению к России было настроено в целом недоброжелательно. Идея войны за возвращение Финляндии была весьма популярна. Летом 1854 г. падение Бомарзунда, небольшой русской крепости на Аландских островах, вызвало в Стокгольме ликование. Но король Оскар I колебался. Он отказался принять под свою власть завоеванные союзниками Аландские острова и в обмен на требование Англии и Франции обещать присоединиться к ним потребовал в свою очередь гарантий финансовой и военной помощи. Главным условием выдвигалось предварительное вступление Австрии в войну против России. «Не я добивался войти в ваш союз, – сказал король французским эмиссарам, – мне предложили его. Я не могу принять предложения, пока не буду уверен, что Германия пойдет с вами»[731].

К концу 1855 г. Россия была готова к борьбе с Австрией гораздо лучше, чем летом. Полки армии усиливались дружинами государственного подвижного ополчения. По сравнению с 1853 г., численность вооруженных сил к январю 1856 г. увеличилась в 2,5 раза, если исключить потери, и достигала астрономических по тем временам показателей – 2,3–2,5 млн чел.[732] Опасное оголение западной границы, вызванное желанием добиться успеха в Крыму, более не наблюдалось. Союзники, заняв южную сторону Севастополя, даже не пытались затем атаковать Крымскую армию. Потери их были крайне тяжелы, а возможность развить свой успех в Крыму или где бы то ни было еще –

сомнительна. «Маршал Пелисье говорит, что он приказал потрогать русских во всех пунктах, – указывал маршал де Кастеллан в дневниковой записи от 19 декабря 1855 г. – Из позиции выбить их нет возможности; в данную минуту ничего поделать нельзя, и при движении вперед можно только потерять много людей. Их позиции лучше тех, что они имели в Севастополе. Наши также неприступны…»[733]

Сведения, получаемые князем Варшавским с австрийской территории, говорили о невысокой боеготовности армии Франца Иосифа. А в ноябре вообще пришло известие о роспуске австрийских войск в Галиции по домам[734].

Если на 1 января 1855 г., по данным русской разведки, развернутая австрийская армия насчитывала 681 769 чел. и 129 584 лошади, то на 1 сентября 1855 г. – уже только 435 243 чел. и 97 544 лошади. Из них примерно 400000 чел. составляли действующие войска. Таким образом, ее общее сокращение составило 246 526 чел. и 32 040 лошадей[735].

Мобилизация огромной, по меркам середины XIX в., армии дорого обошлась России. За время войны, с 1853 по 1856 г., дефицит бюджета по обыкновенным расходам возрос почти в 7 раз, с 9 млн руб. серебром до почти 61 млн, а общая сумма дефицита – в 6 раз, с 52 млн до 307 млн руб. Более чем на 50 % уменьшилась золотая обеспеченность бумажных денег[736]. К началу 1856 г. общая сумма внешних и внутренних долгов за годы войны составила 533 273 782 руб. Военные расходы в 1856 г. достигли 228 999 796 руб., а общая сумма расходов – 593 833 068 руб., при том что доходы за тот же год равнялись 264 925 321 руб. Общая сумма формального долга государства, включая довоенные внешние заимствования, достигла к окончанию войны 1,5 млрд руб.[737]

На этом фоне в декабре 1855 г. австрийцы предъявили России ультиматум, требуя от Александра II согласия начать переговоры на основе «четырех пунктов». Четыре пункта как основа для будущего мира были впервые сформулированы Англией, Францией, Австрией и Пруссией 8 августа 1854 г. Они предполагали замену русского покровительства над Дунайскими княжествами коллективным покровительством пяти держав, свободу судоходства по Дунаю, пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. в пользу союзников и замену русского покровительства над православными подданными султана коллективной гарантией их прав, данной европейскими державами[738].

16 ноября 1854 г. Николай I согласился с возможностью начать переговоры на основании «четырех пунктов»[739], однако в декабре 1854 г. на конференции послов в Вене первоначальная

трактовка «четырех пунктов» подверглась серьезному пересмотру. Поскольку союзники требовали от России «отказа от преобладающего положения в Чёрном море», что фактически означало ликвидацию Черноморского флота, а также территориальных уступок в районе устья Дуная, Николай I не мог принять такие условия.

Получив в декабре 1855 г. австрийский ультиматум, император Александр II испытывал мучительные колебания в вопросе о продолжении войны. В историографии не существует четкого ответа на вопрос, что предприняла бы Австрия, отклони Россия ее требование. Во всяком случае, император Франц Иосиф и Буоль оценивали вероятность получить от Петербурга положительный ответ как низкую[740]. 1 ноября 1855 г. Буоль доложил своему императору, что Австрии не придется вступать в войну, даже если Россия и отклонит ультиматум. Одновременно с этим министр иностранных дел ясно дал понять морским державам, что обещание Австрии разорвать с Россией дипломатические отношения, в случае отклонения Петербургом ультиматума, не означает намерения вступить в войну на стороне Англии и Франции[741].

Британский историк Э. Ламберт предположил, что уступчивость России объяснялась опасениями за столицу империи в результате будто бы неминуемого поражения в ходе готовившейся новой экспедиции союзников на Балтике, планируемой на 1856 г.[742] Однако осторожный оптимизм записки генерала Берга позволяет говорить о недоказанности мнения Ламберта. Положение России на Балтийском театре оставалось достаточно прочным, и потому командующий в Финляндии просил военного министра князя Долгорукова лишь о незначительных подкреплениях. Подписанное министром 2 ноября 1855 г. общее распределение войск на 1856 г. содержало особый раздел, посвященный Балтийскому театру. Комментарии Долгорукова к данному разделу практически в точности повторяли аргументы, высказанные в октябре 1855 г. в докладе Берга. Они сводились к трем основным выводам: во-первых, без десанта крупных сухопутных сил союзники не могут рассчитывать на серьезный успех, во-вторых, стратегическая цель неприятеля на севере предполагает овладение Петербургом и Кронштадтом, в-третьих, в качестве промежуточного этапа на пути овладения районом столицы противнику будет необходимо закрепиться в Финляндии. В преддверии кампании 1856 г. развернутую в Финляндии армию планировалось серьезно усилить. По боевому расписанию на 1856 г. численность пехоты с 71 батальона увеличивалась до 101, численность кавалерии с 18 казачьих сотен

возрастала до 42, численность орудий полевой артиллерии, соответственно, со 104 до 108. По мнению В. А. Долгорукова, численность выделенных для обороны севера русских войск позволяла «встретить неприятельскую десантную армию, даже и превышающую 50000 войск, с должной энергией»[743].

Князь Варшавский не принимал участия в политическом совещании по вопросу австрийского ультиматума. Состояние его здоровья с осени 1855 г. внушало серьезные опасения. Врачи обнаружили у главнокомандующего рак желудка. 20 января 1856 г. князь Варшавский скончался.

Невозможно утверждать наверняка, какую точку зрения поддержал бы Паскевич, если бы Александр II попросил его высказаться. Положение России, в случае отказа принять ультиматум, не выглядело безнадежным. Ресурсы для продолжения борьбы еще имелись. Угроза присоединения Австрии к союзникам, бесспорно, существовала, но готовность австрийской армии к боевым действиям была низкой. В феврале 1856 г. 4-я армия генерала Шлика в Галиции насчитывала 45 батальонов, 12 отдельных рот, 36 эскадронов и 224 орудия общей численностью 43 687 чел. и 7 598 лошадей. Австрийские войска в Придунайских княжествах состояли из 25 батальонов, 4 отдельных рот и 32 эскадронов. Они имели в своем составе 41 344 чел., 8 512 лошадей и 96 полевых орудий[744]. К 1 июля 1856 г. общая численность австрийской армии сократилась до 355425 чел. и 65 942 лошадей[745], таким образом, она стала лишь половиной той силы, что стояла на русских границах в конце 1854 г.

Тем не менее участники совещания и Александр II сделали свой выбор и признали поражение.

К концу 1855 г. неудача России в борьбе за нейтральные страны стала очевидной[746]. Возможное расширение враждебной коалиции означало противостояние с непредсказуемыми для России последствиями. На то, что при неблагоприятном стечении обстоятельств коалиция против России может охватить все европейские державы, зимой 1856 г. указывал канцлер К. Ф. Нессельроде в инструкциях для А. Ф. Орлова в преддверии Парижского конгресса[747].

На декабрьском совещании Нессельроде зачитал вслух текст договора Швеции с союзниками[748]. Этот оборонительный союз Швеция заключила с Англией и Францией 21 ноября 1855 г. Он был несовместим с нейтралитетом, объявленным Стокгольмом в 1853 г. Русская дипломатия не сомневалась, что данное соглашение содержало секретные статьи о возвращении шведам Финляндии[749].

Пруссия также настойчиво советовала Петербургу принять ультиматум. Она не желала полного поражения России, но еще менее, по мнению Э. Даниэльса, Берлин хотел быть втянутым в войну против Франции и Австрии. С точки зрения германского историка, Пруссия не могла выиграть такую войну «без призыва демократических сил», что едва ли было приемлемо для королевского двора[750]. По всей видимости, Даниэльс сильно переоценивал вероятность открытого выступления Пруссии на стороне России против Австрии и коалиции морских держав. Сохранявшееся соперничество двух крупнейших германских государств вынуждало Пруссию противодействовать австрийской политике, но Берлин отчетливо понимал, что лишь в состоянии нейтралитета

Пруссия могла иметь во время войны политическое значение для обеих воюющих сторон[751]. Осенью 1855 г. Паскевич также отмечал огромное значение прусского нейтралитета для русской стратегии[752].

Князь Варшавский был ближайшим сподвижником Николая I, но ретроспективно он готов был поставить под сомнение целесообразность ряда аспектов внешней политики императора в предвоенные годы. Решающим фактором, благодаря которому Восточная война не продолжилась для России по наиболее опасному сценарию, главнокомандующий справедливо считал прусский нейтралитет.

В том же неотправленном письме М. Д. Горчакову Паскевич с ясно читающимся в подтексте укором в адрес покойного самодержца указал, что «не геройская оборона Севастополя остановила австрийцев, а благородная твердость короля прусского, великодушно забывшего все наши непростительные насмешки и даже дерзости, которые столь безрассудно ему делали в 1848 году и последующих годах»[753].

К сожалению, в этих признаниях имелась изрядная доля самооправдания и лукавства, возможно, извинительная, если принять во внимание тяжелое физическое состояние умиравшего военачальника. Кому, как не Паскевичу, было знать, что в дни чреватого общеевропейской войной кризиса 1848–1850 гг. внешняя политика России руководствовалась чем угодно, но только не «безрассудством». Именно князь Варшавский 17 декабря 1849 г. в письме Николаю I признавал желательным для государственных интересов России взаимное истощение германских держав, в том случае, если их конфликт всё же перерастет в войну.

На первом совещании в Зимнем дворце по вопросу о принятии австрийского ультиматума 20 декабря 1855 г. (1 января

1856 г.) присутствовали канцлер К. В. Нессельроде, бывший главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант светлейший князь М. С. Воронцов, министр государственных имуществ граф П. Д. Киселёв, шеф жандармов и главный начальник III Отделения собственной императорской канцелярии граф А. Ф. Орлов и президент Академии наук граф Д. Н. Блудов. Навторое совещание 3(15) января 1856 г. были дополнительно приглашены управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич, опытный дипломат, член Государственного совета барон П. К. Мейендорф и военный министр князь В. А. Долгоруков. В ходе обоих совещаний все участники, за исключением Д. Н. Блудова, высказались за прекращение войны[754]. Военный министр зачитал записку своего помощника генерал-майора Д.А. Милютина, содержавшую данные о тяжелом, хотя и не безнадежном, истощении материальных ресурсов России. Милютин приходил к выводу, что в будущем «после нескольких неудачных кампаний условия мира будут еще тягостнее для нас; в таком случае и все пожертвования будут только напрасным истощением последних сил России»[755]. По мнению британского историка К. Понтинга, подтекст записки Милютина свидетельствовал о том, что и ее автор очень хорошо чувствовал, к какому решению в действительности склоняется большинство участников совещания[756].

Современный американский исследователь резонно обратил внимание на то, что участники совещания в ходе своих выступлений, по сути, не упоминали о падении Севастополя. Их внимание было поглощено такими факторами, как экономическое истощение России, усугубляющаяся дипломатическая изоляция, а также опасения возможных волнений в Польше и Финляндии[757].

Ни один крупный действующий военачальник в Зимний дворец приглашен не был. Выслушав единодушное мнение В. А. Долгорукова, К. В. Нессельроде, П. Д. Киселёва и А. Ф. Орлова, император Александр II признал войну проигранной и согласился на мирные переговоры.

«Россия выпуталась из своего затруднительного положения, – комментировал итоги Парижского мира офицер Генерального штаба А.О. Дюгамель, – быть может, лучше, чем можно было ожидать. <…> Севастополь был взят, но, в сущности, в руки неприятеля досталась лишь куча развалин, и все его попытки проникнуть внутрь Крыма остались безуспешными: союзники могли удаляться от берега моря лишь на несколько переходов, потому что только их флот мог доставлять им съестные припасы, военные снаряды и всё, в чем нуждается армия во время войны.

<… > Страна сама по себе не доставляла никаких ресурсов»[758].

Американский историк Д. Ледон считал Российскую империю «военным государством» и потому сравнивал ее с «крепостью». Падение Севастополя, по его мнению, означало не поражение русской армии, а всего лишь падение одного из «крепостных бастионов». Однако как только миф о неуязвимости России был развенчан, здание «крепости» оказалось потрясено до основания. Вступление в новую эру впервые со времен царствования Петра Великого потребовало полного пересмотра имперской большой стратегии[759].

Генерал-квартирмейстер Крымской армии полковник Н.Б. Герсеванов проницательно отмечал, что «при тогдашних политических отношениях нападения можно было ожидать на протяжении 6 000 верст, и в большей или меньшей степени оно почти везде осуществилось. <…> На каждом важном пункте, которому могли угрожать союзники, она (Россия. – *А. К.)* должна была держать части войск, значительные для наблюдения, недостаточные для отпора»[760].

Паскевич преувеличивал оборонительные возможности Севастополя. Его расчет на удержание крепости без постоянной помощи со стороны русской полевой армии оказался несостоятельным. Но, как и предсказывал князь Варшавский еще в феврале 1854 г., русская стратегия, четко разделив потенциальные театры военных действий на главные и второстепенные, постаралась свести ущерб в изначально безнадежной войне к минимуму. России удалось навязать противнику изнурительную кампанию на периферии, и в то же время избежать непредсказуемой по своим последствиям борьбы с возможной коалицией германских государств на западе.

Заключение

Вопрос об ответственности фельдмаршала Паскевича за поражение в Крымской войне его самого не волновать не мог. В последние месяцы жизни военачальник часто размышлял о своем месте в русской истории. В неотправленном предсмертном письме М. Д. Горчакову в сентябре 1855 г. фельдмаршал утверждал, что «встречает смерть без страха и ропота, с уверенностью, что соотечественники мои отдадут мне справедливость, когда убедятся, что… я умел… говорить правду покойному государю…»[761]

С 1831 г. фельдмаршал входил в негласный «триумвират» в составе императора и военного министра князя А. И. Чернышёва, который определял военную политику и стратегию России, а также решал большинство вопросов военного строительства.

Благодаря их деятельности, в 1853 г. Россия обладала армией, втрое превосходившей ее собственные военные силы в 1812 г. Поэтому двоюродный брат императора Николая герцог Евгений Вюртембергский пришел к выводу, что «одна попытка уязвить крайние оконечности русского исполина явила достаточные свидетельства его мощи, которой не верили в Западной Европе…»[762]

Боевое командование Большой Действующей армии и развитая тыловая инфраструктура на территории Царства Польского создавались, исходя из перспективы использования русской армии на европейском театре войны в любом возможном операционном направлении. Частичная мобилизация, предпринятая Николаем I в 1839–1841 гг. в ходе кризиса, вызванного событиями в Бельгии и Второй турецко-египетской войной, послужила генеральной репетицией общего боевого развертывания в 1848 г. Наличие хорошо отлаженного механизма приведения Действующей армии на военное положение и страх западных соседей России перед военной мощью Петербурга

сыграли тогда решающую роль в умиротворении Европы.

Но в 1853–1854 гг. произошли события, фатальное развитие которых созданная после 1831 г. военная система оказалась просто бессильна предотвратить. Возникла ситуация стратегической внезапности, когда первоначально не предвещавший серьезных осложнений ближневосточный кризис стремительно перерос в такую войну, которую николаевская Россия не проиграть уже не могла.

Князь Варшавский нес определенную долю ответственности за перерастание Восточного кризиса в Крымскую войну и за ту международную изоляцию, которая предопределила ее неудачный для России исход. Но в водовороте противоречивых внешнеполитических событий начала 1850-х гг. непросто было предвидеть стремительный переход англо-французских отношений от почти враждебных и чреватых прямой военной конфронтацией в 1850–1852 гг. к складыванию антироссийского альянса в 1853–1854 гг., бывшего, по словам американского историка Дж. Дейли, «скорее исключением, чем правилом»[763]. Прогнозирование подобных «аномалий» всегда представляет сложность для стратегии и дипломатии.

Всего лишь через год после «Ольмюцкого унижения» 1850 г. столь же неожиданным могло показаться сначала быстрое восстановление направленного против Франции союза России, Австрии и Пруссии, а затем резкое изменение внешнеполитического курса германских держав в связи с начавшейся Восточной войной.

Фельдмаршал и Николай I в значительной степени несут историческую ответственность за предвоенные внешнеполитические просчеты, приведшие Россию к столкновению с коалицией в условиях международной изоляции. Но осторожность Паскевича в 1853–1854 гг. выглядит обоснованной, если принять во внимание, что по мере нарастания Восточного кризиса ход событий уже с трудом поддавался прогнозированию. Когда угроза войны с Турцией стала очевидной, фельдмаршал призывал к сдержанности, чтобы не осложнять отношений с морскими державами. Паскевич и Николай I явно недооценивали прочность англо-французского союза, поэтому на протяжении некоторого времени питали надежды на разрушение альянса Турции и западных держав. Эти надежды не оправдались.

В феврале 1854 г. князю Варшавскому пришлось полностью пересмотреть приоритеты русской стратегии. После того как выяснилось, что Англия и Франция вступают в войну на стороне Турции, и Австрия занимает враждебную по отношению к России

позицию, Паскевич начал отчетливо понимать, что вырисовывающиеся масштабы конфликта превышают естественные пределы возможностей русской армии. Несмотря на очевидный рост военного потенциала России в 1830-1840-е гг., ей не приходилось рассчитывать на успех в столь неравной борьбе.

Сопоставляя события 1812 и 1854 г., фельдмаршал ясно сознавал, что Россия попала в исключительно опасное положение. Пр и всем доверии Николая I к его «отцу-командиру», последнему летом 1854 г. стоило огромных трудов склонить императора на уступки. Решение Паскевича об эвакуации русских войск из княжеств позволило выиграть время и несколько разрядить напряжение в отношениях с германскими державами.

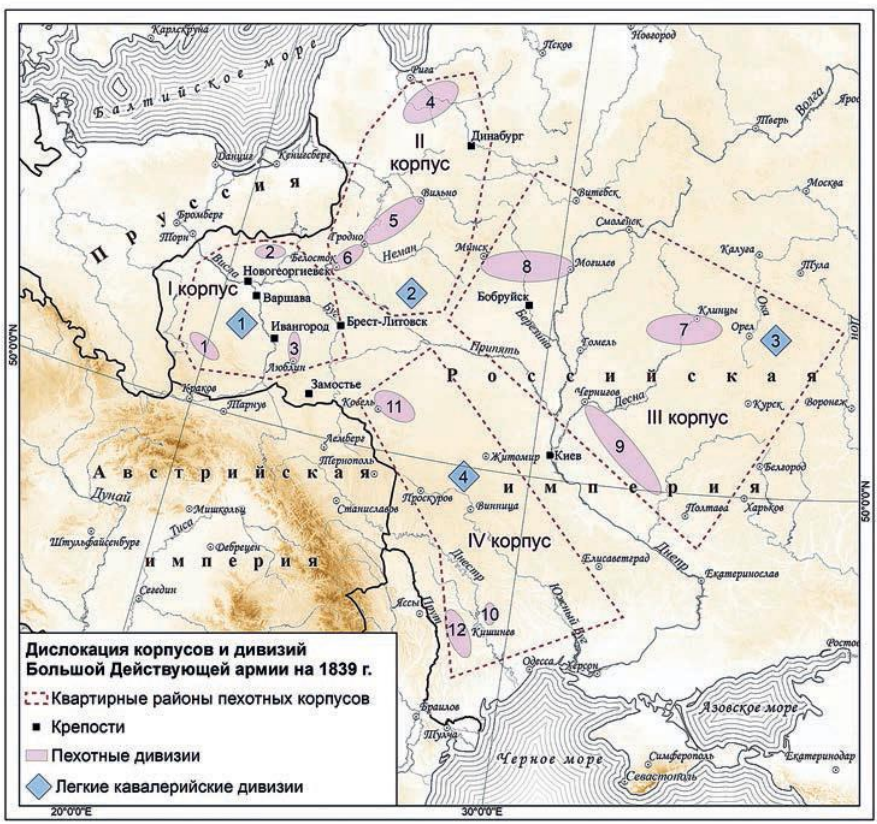
Оценивая роль князя Варшавского в Восточной войне, нужно признать, что он в целом верно представлял себе предел военных возможностей Российской империи. И как только в феврале 1854 г., по мнению Паскевича, произошел выход за эти пределы, стало ясно, что конечный успех в войне уже невозможен.

Паскевич видел глубину внешнеполитической изоляции России и хорошо себе представлял, что эта изоляция означает с военной точки зрения. Наиболее опасным из всех актуальных и потенциальных противников России в развернувшейся войне была Австрия. В отличие от Пруссии, она имела с ней важные политические противоречия, именно ее армия была в состоянии создать угрозу наиболее опасному для России западному стратегическому направлению.

Князь Варшавский понимал невозможность одержать победу в таком противостоянии, поэтому его план сводился к затягиванию войны и к стремлению свести конечный результат к наименьшим для Российской империи потерям. В годы Восточной войны действия русской армии фактически преследовали цель добиться таких условий мира, при которых Россия, несмотря не поражение, сохранила бы место в ряду великих европейских держав. С точки зрения фельдмаршала Паскевича, падение Севастополя, военное значение которого во многом ослабевало с утратой флота, было наименее тяжелой моральной и материальной потерей в войне, а риск потери Крыма представлялся менее опасным, чем перспектива потери Царства Польского, Литвы и Правобережной Украины.

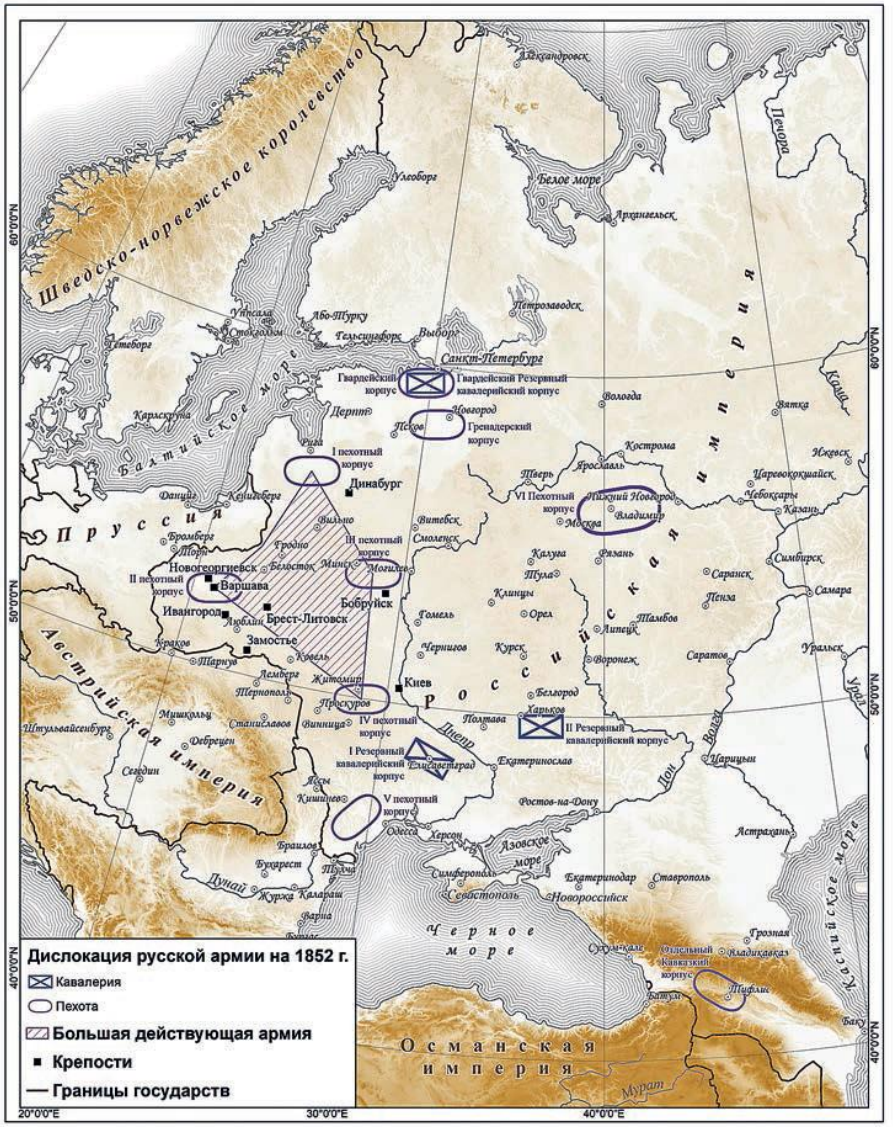
Карты

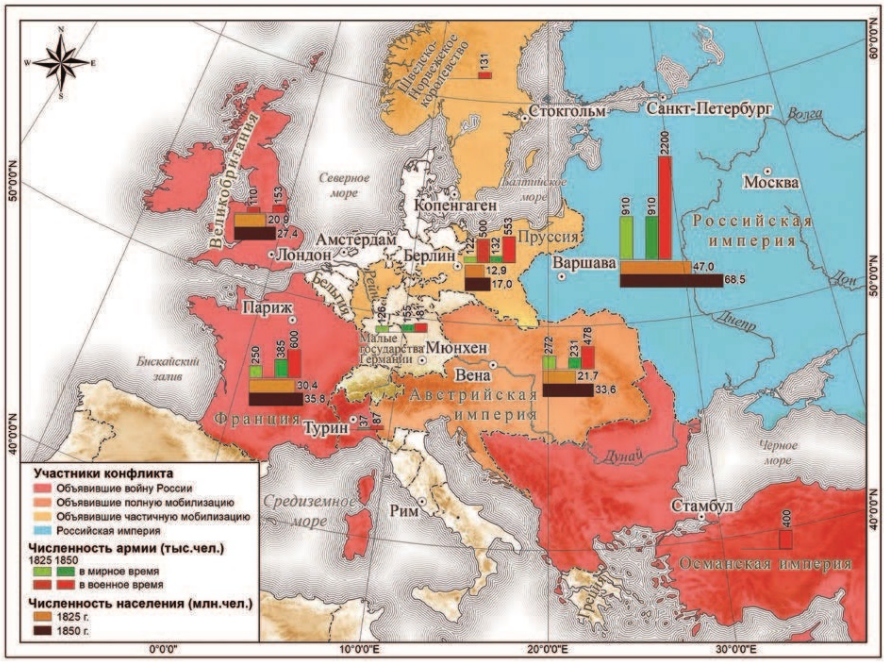
Расположение корпусов и дивизий Большой Действующей армии по состоянию на 1839 г.



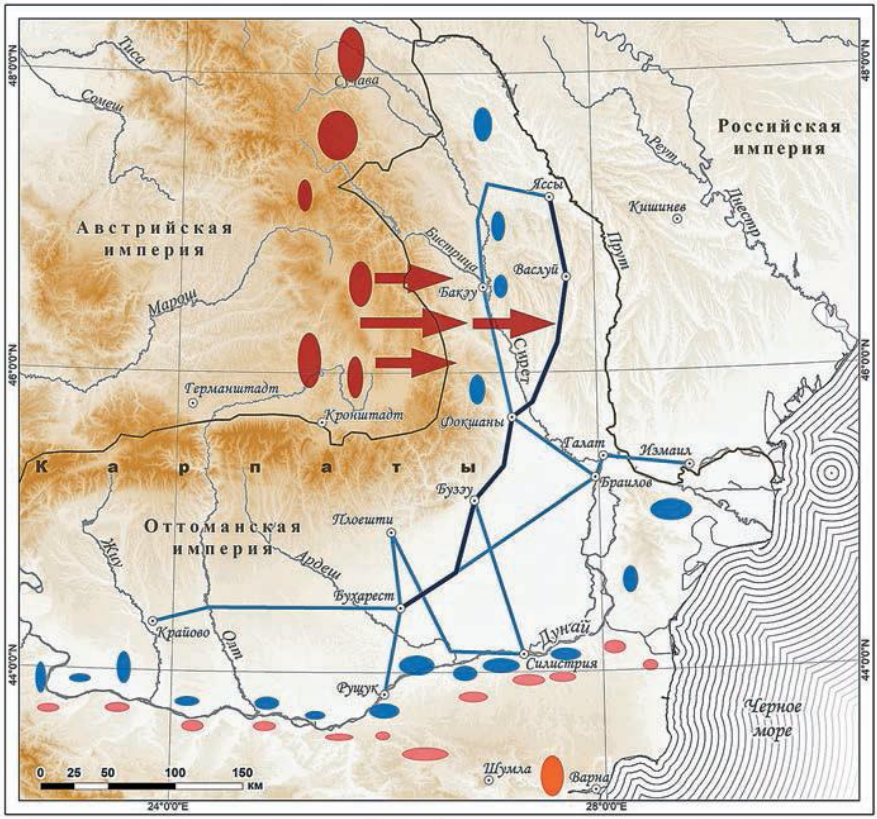
Российская империя и ее соседи в середине XIX в

Дислокация основных соединений русской армии в 1852 г.

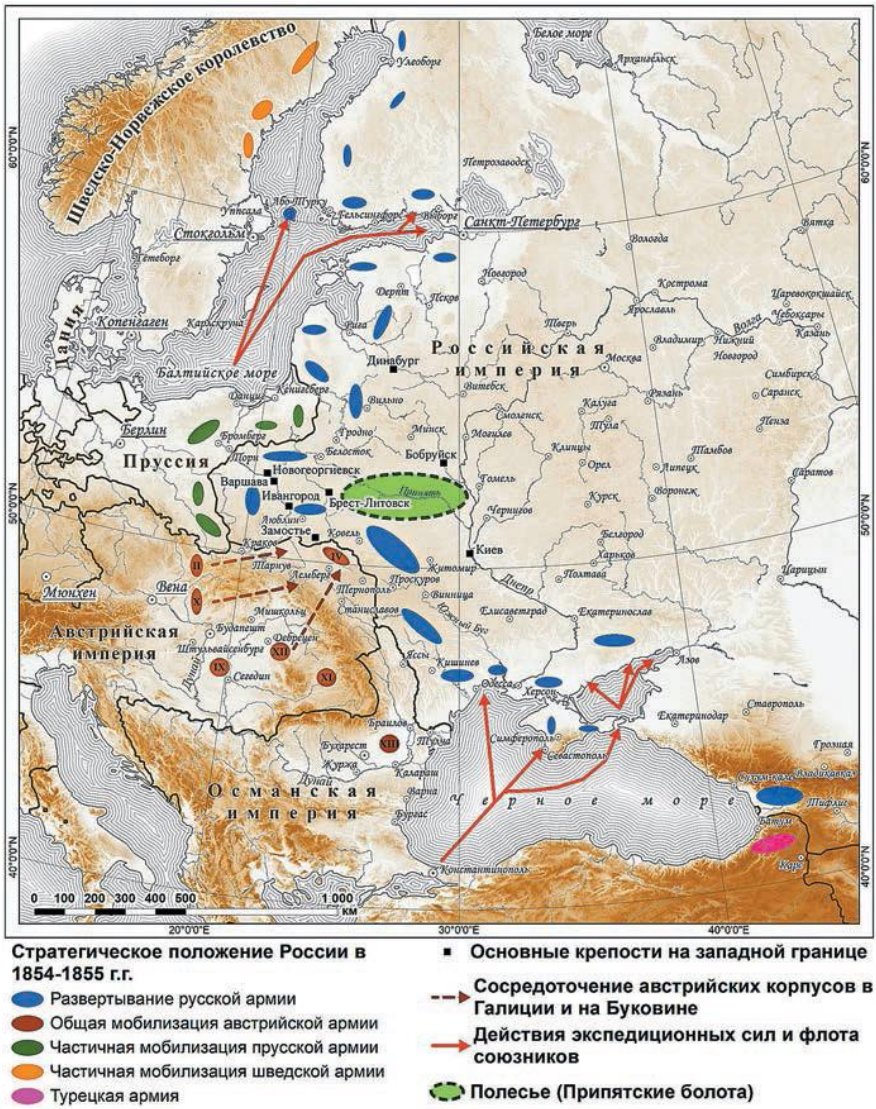

Дислокация русской армии на 1852 г.
Кавалерия
Пехота
Большая действующая армия
Крепости
Границы государств
Шведско-норвежское королевство
Российская империя
Австрийская империя
Османская империя
Пруссия
Балтийское море
Белое море
Черное море
Азовское море
Каспийское море
Санкт-Петербург
Гвардейский корпус
Гвардейский Резервный кавалерийский корпус
Гренадерский корпус
I пехотный корпус
II пехотный корпус
III пехотный корпус
IV пехотный корпус
V пехотный корпус
VI Пехотный корпус
I Резервный кавалерийский корпус
II Резервный кавалерийский корпус
Отдельный Кавказский корпус
Динабург
Варшава
Бобруйск
Брест-Литовск
Замостье
Киев
Харьков
Ростов-на-Дону
Севастополь
Новороссийск
Ставрополь
Тифлис
Баку
Грозная
Владикавказ
Астрахань
Царицын
Саратов
Воронеж
Курск
Орел
Тула
Москва
Нижний Новгород
Владимир
Ярославль
Кострома
Ижевск
Казань
Самара
Симбирск
Пенза
Саранск
Тамбов
Рязань
Калуга
Смоленск
Витебск
Вильно
Гродно
Минск
Могилев
Гомель
Чернигов
Полтава
Екатеринослав
Одесса
Херсон
Симферополь
Ахалцых
Кутаис
Архангельск
Петрозаводск
Выборг
Або-Турку
Стокгольм
Гетеборг
Христиания
Христиансанд
Ревель
Рига
Либау
Мемель
Данциг
Кенигсберг
Бромберг
Торн
Позен
Бреслау
Краков
Тарнув
Львов
Тернополь
Житомир
Проскуров
Винница
Мишкольц
Дебрецен
Сегедин
Кечкемет
Пешт
Будапешт
Дунай
Журжа
Калараш
Варна
Шумла
Бухарест
Браилов
Кишинев
Яссы
Измаил
Штульвайсенбург
Станиславов
Люблин
Ивангород
Новогеоргиевск
Белосток
Углеборг
Мурат
Волга
Дон
Днепр
Урал
Ока
Печора
Кама
Вятка
Ижевск
Чебоксары
Царевококшайск
Тверь
Белгород
Курск
Липецк
Воронеж
Уральск
Оренбург
Ташкент
Бухара
Хива
Самарканд
Коканд
Ташкент
Семипалатинск
Омск
Тобольск
Тюмень
Екатеринбург
Пермь
Вятка
Архангельск
Мурманск
Петрозаводск
Вологда
Ярославль
Кострома
Нижний Новгород
Владимир
Москва
Тверь
Смоленск
Витебск
Могилев
Минск
Гродно
Вильно
Рига
Ревель
Выборг
Санкт-Петербург
Новгород
Псков
Дерпт
Карлскрона
Гетеборг
Христиания
Христиансанд
Стокгольм
Або-Турку
Гельсингфорс
Углеборг
Умеа
Остерсунд
Трондхейм
Берген
Осло
Стокгольм
Гетеборг
Христиания
Христиансанд
Копенгаген
Ольборг
Орхус
Фредерикия
Эсбьерг
Рибе
Фленсбург
Киль
Любек
Гамбург
Бремен
Ганновер
Кассель
Франкфурт-на-Майне
Дармштадт
Карлсруэ
Страсбург
Нанси
Мец
Париж
Руан
Гавр
Шербур
Брест
Нант
Бордо
Тулуза
Марсель
Ницца
Генуя
Турин
Милан
Верона
Венеция
Триест
Фиуме
Загреб
Вена
Прага
Дрезден
Берлин
Штеттин
Данциг
Кенигсберг
Мемель
Либау



Положение русских войск на Дунайском театре весной – летом 1854 г.



Стратегическое положение зимой 1855–1856 гг.

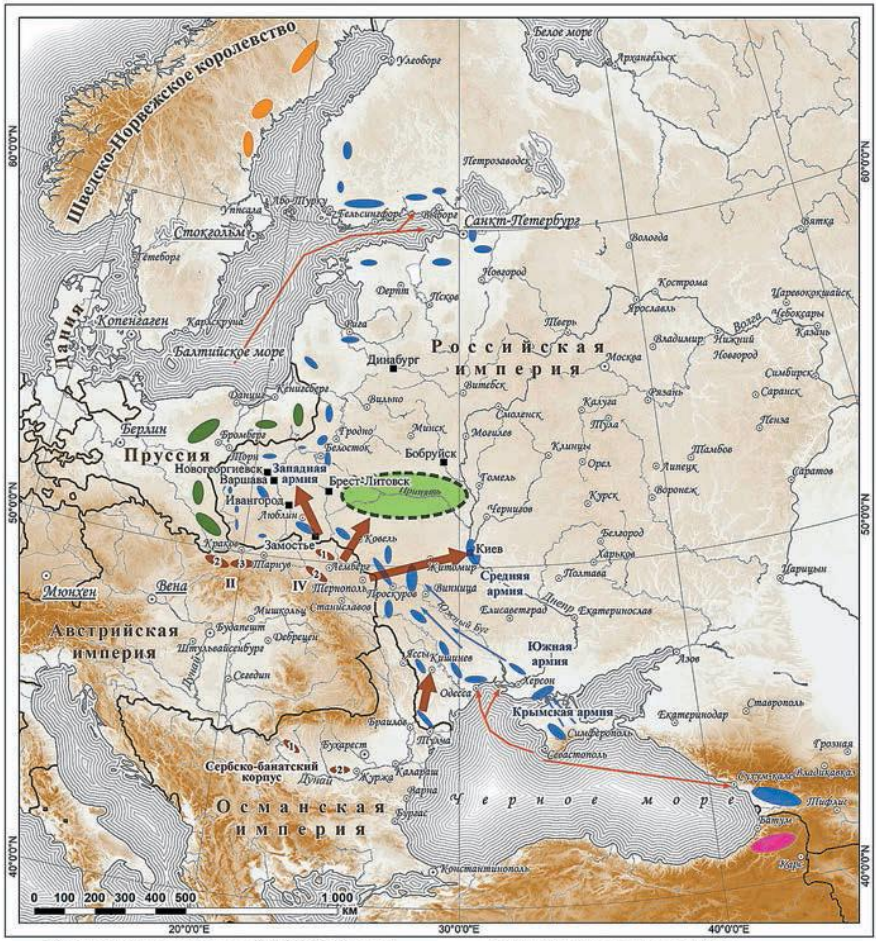


Стратегическое положение России в 1854-1855 г.г.

- Развертывание русской армии
- Общая мобилизация австрийской армии
- Частичная мобилизация прусской армии
- Частичная мобилизация шведской армии
- Турецкая армия

- Основные крепости на западной границе
- Сосредоточение австрийских корпусов в Галиции и на Буковине
- Действия экспедиционных сил и флота союзников
- Полесье (Припятские болота)

Стратегическое положение зимой 1855–1856 гг. Подготовка к несостоявшейся кампании



Развертывание зимой 1855-1856 г.г.

- Русская армия
- Корпуса и дивизии 4-й австрийской армии
- Частичная мобилизация прусской армии
- Частичная мобилизация шведской армии
- Турецкая армия
- **Полесье (Припятские болота)**

- **Возможные направления австрийского наступления**
- **Перемещение русских резервов из Крыма на Волынь**
- **Действия экспедиционных сил и флота союзников**
- **Основные крепости на западной границе**

Библиография

I. Архивные фонды

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 38. Департамент Генерального штаба.

Ф. 207. И. Ф. Паскевич-Эриванский. Личный фонд.

Ф. 428. Коллекция военно-ученого архива. Австро-Венгрия.

Ф. 431. Коллекция военно-ученого архива. Великобритания.

Ф. 432. Коллекция военно-ученого архива. Германия.

Ф. 437. Коллекция военно-ученого архива. Италия.

Ф. 440. Коллекция военно-ученого архива. Франция.

Ф. 442. Коллекция военно-ученого архива. Швеция и Норвегия.

Ф. 481. Коллекция военно-ученого архива. Восточная война 1853–1856 гг. Ф. 846 (ВУА). Военно-ученый архив.

Ф. 14013. Военно-походная канцелярия главнокомандующего Действующей армией генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича.

Ф. 14014. Главный штаб I-й (Действующей) армии.

II. Официально-документальные материалы

К истории Парижского мира 1856 г. // Красный Архив. 1936. № 2 (75). С. 10–61.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. СПб., 1874–1909.

Проект образования Военного министерства. СПб., 1836.

ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи) II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. Учреждение Военного министерства. 29 марта 1836 г.

ПСЗ II. Т. 20. №.18687. О правах и власти главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. 21 января 1843 г.

ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.

ПСЗ II. Т. 7. Отд. 2. Штаты и табели. Алфавитный указатель. Действующая армия.

ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6065. О переформировании армейской кавалерии. 21 марта 1833 г.

ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6676. О переформировании

гвардейской и полевой артиллерии.

ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 5943. О преобразовании армейской пехоты. 28 января 1833 г.

Свод военных постановлений. Т. 1–4. СПб., 1838–1842.

Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858.

III. Официальные ведомственные труды и материалы военной периодики

В. Я. Французская конскрипция // Военный Сборник. 1858. № 3. С. 57–79.

Веймарн И. Ф. Высшая тактика. СПб., 1840.

Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 1–15.

Гизетти А. А. Хроника кавказских войск: в 2 ч. Тифлис, 1896.

Жомини Г. В. Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношениях оных с политикой государств. СПб., 1833.

Жомини Г. В. Краткое начертание военного искусства или новый аналитический обзор главных соображений стратегии, высшей тактики и военной политики. СПб., 1840.

Ильягиевич А. Статистическое исследование смертности нашей армии // Военный Сборник. 1863. № 2. С. 359–412.

Историческое обозрение военно-сухопутного управления 1825–1850. СПб., 1850.

Лаврентьев А. Очерки вооруженных сил европейских государств // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 281–320.

Медем Н.В. Тактика: в 2 ч. СПб., 1837.

Несколько слов о влиянии нового ручного огнестрельного оружия на артиллерию // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 3. С. 239–241.

О новых чугунных дорогах в Англии и Франции // Военный Журнал. 1834. № 1–3. С. 93–96.

Обручев Н.Н. Изнанка Крымской войны // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 2. С. 545–586; Т. 2. № 4. С. 429–476; Т. 4. № 7. С. 239–306.

Обручев Н.Н. О вооруженной силе и её устройстве // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 16–56.

Последствия преобразований французской армии // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 1–91.

Расписание сухопутных войск. СПб., 1852

Состав Австрийской Армии // Военный Журнал. 1835. № 1–3.

Состав Генерального штаба Франции // Военный Журнал. 1834. № 1–3. С. 82–104.

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Стратегическое исследование границ // Военный Журнал. 1834. № 1–3.

Употребление артиллерии большими массами // Военный Журнал.

1833. № 4–6. С. 1–27.

Хроника Российской Императорской армии: в 7 ч. СПб., 1852 Хронологический указатель военных действий русской армии и флота: в 5 т. СПб., 1908–1913.

Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

Языков П.А. Опыт теории военной географии: в 2 ч. СПб., 1838.

IV. Воспоминания, дневники, письма, публицистика

N. Несколько слов по поводу статьи: «Осада Севастополя в 1854 и 1855 годах», напечатанной в 12-м томе «Военного Энциклопедического Лексикона» // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 2. С. 621–622.

А. М-въ. Отрывки из походных записок о войне в Польше в 1831 году // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 3–120.

А. К. Отрывки из воспоминаний. Крымская война 1853–1854 гг. // Вестник Европы. 1871. № 1. С. 208–227.

А. Ч. Маркиз Кастельбажак об императоре Николае Павловиче // Русский Архив. 1893. №.7. С. 421–426.

Адмирал Нахимов. Документы и материалы. М., 1954.

АлабинП. В. Возражение автору статьи: «Был ли взят Севастополь?» // Военный Сборник. 1872. Т. 84. № 3. С. 1–8. Библиография.

Алабин П.В. Генерал декабрь // Военный Сборник. 1870. Т. 71. № 2. С. 399–447.

Алабин П.В. Иван Петрович Голев // Русская Старина. 1881. № 4. С. 869–890.

Алабин П.В. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1878 годах. Ч. 1. Восточная война 1853–1854 г. М., 1890.

Алабин П.В. Русские, раненные в Альминском сражении, у англичан // Военный Сборник. 1870. Т. 71. № 2. С. 389–398.

Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856,1877-1878 годах. Самара, 1888.

Александр I, Николай I и Александр II. Исторические материалы к ним и их эпохам относящиеся, 1822–1855 // Русская старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 881–906.

Андреев В. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. № 8. С. 1571–1583.

Андриянов А. Пнкерманский бой и оборона Севастополя. СПб., 1903.

Арбузов Е. воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный Сборник. 1874. Т. 96. № 4. С. 389–410.

Артиллерист. Несколько слов по поводу статьи г-на Орды, помещенной в № 4 журнала «Военный Сборник» 1858 года под заглавием: «Заметки о причинах взятия Малахова кургана» // Военный Сборник. 1859. Т. 8. № 7. С. 189–200.

Бабенчиков П. День и ночь в Севастополе. Сцены из боевой жизни (из записок артиллериста) // Военный сборник. 1875. Т. 104. № 8. С. 315–364.

Байков А. Воспоминания о Санкт-Петербургской первой дружине государственного подвижного ополчения // Военный Сборник. 1867. Т. 55. № 5. С. 109–144.

Бартенев П.И. Из записок князя Паскевича // Русский Архив. 1889. Кн. l.№ 3. С. 407–424.

Барятинский В. И. Записки // Русский Архив. 1904. Кн. 3. С. 87–105.

Баумгартен А. К. Дневники 1849, 1853. 1854 и 1855 гг. СПб., 1911.

БаумгартенА. К. Заметка к письмам А. С. Меншикова 1854–1855 гг. // Русская Старина. 1875. Т. 13. № 5. С. 139–140.

Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя: в 2 т. М., 1858.

Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в азиатскую Турцию. Тифлис, 1856.

Блудова А. Д. Император Николай Павлович. 1850 // Русский Архив. 1893. Кн. 1. № 1. С. 89–96.

Богданович М.И. Дневник осады Карса в 1855 году доктора Сандвита // Военный Сборник. 1878. Т. 119. № 2. С. 305–334.

Бороздин К. А. Омер-паша в Мингрелии: Из воспоминаний о Восточной войне 1853–1856 гг. СПб., 1873.

Бороздин М. Ф. На Висле и Дунае, в Одессе и Севастополе. Заметки артиллериста. 1853–1855 // Русская Старина. 1875. Т. 14. № 11. С. 541–567.

Ботьянов М. И. Воспоминания севастопольца и кавказца 45 лет спустя. Витебск, 1899.

Бринкен К. К. Штурм укрепления Араб-Табия под Силистрией в ночь с 16-го на 17-е мая 1854 года//Военный Сборник. 1875. Т.

85. № 6. С. 297–302.

Бутурлин С. П. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 гг. Одесса, 1867.

Валуева (Мунт)А. П. Севастополь и его славное прошлое. СПб., 1899.

Васильчиков В. И. Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский Архив. 1891. № 6. С. 167–254.

Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военнополитическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 5–22.

Взгляд Н. Н. Муравьёва (Карского) на состояние нашей армии и собственноручные замечания императора Николая Павловича // Военный Сборник. 1903. № 2. С. 233–268.

Висковатов К. А. Князь Иван Фёдорович Паскевич // Русская Старина. 1890. Т. 66. № 6. С. 702–705.

Вице-адмирал Корнилов. Сборник документов. М., 1947.

Война России с Турцией 1854–1855 гг. // Русская Старина. 1877. Т. 18. № 1. С. 135–144; № 2. С. 325–336; Т. 19. № 5. С. 81–100; № 6. С. 331–340; Т. 20. № 9. С. 167–174.

Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. Т. 16. № 8. С. 671–708; Т. 17. № 9. С. 145–170; № 12. С. 811–830.

Воспоминания офицера о военных действиях на Дунае // Русский Вестник. 1887. Т. 188.

Восточная война 1853–1856 гг. Письма князя И. Ф. Паскевича к князю М. Д. Горчакову // Русская Старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 163–191. № 2. С. 388–401. № 3. С. 659–674.

Вревский Б. А. Смерть барона Павла Вревского // Русская Старина. 1876. № 1. С. 221–222.

Всеподданнейший рапорт главнокомандующего действующей армией генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского от 15 сентября 1831 г. Варшава, 1833.

Буши В. Несколько слов против «Новых подробностей о сражении при Альме», изложенных генералом Кирьяковым в № 136 «Русского Инвалида» // Военный Сборник. 1858. Т. 2. № 3. С. 46–56.

Выдержки из переписки князя Воронцова с императором Николаем // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 637–638.

Влзмитинов А. А. Севастополь от 21 марта по 28 августа 1855 г. // Русская Старина. 1882. № 4. С. 1–70.

Ган А. Заметка по поводу статьи «Из воспоминаний севастопольца» // Военный Сборник. 1872. Т. 83. № 2. С. 91–93.
Библиография.

Гангеблов А. С. Воспоминания // Русский Архив. 1886. Кн. 2. № 6. С. 181–268.

Гейсман П. А. Оборона Севастополя. По поводу сочинения Алабина «Четыре войны». Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856 и 1877–1878 годах. СПб., 1893. Ч. 3: Защита Севастополя (1854–1856).

Герсеванов Н. Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 гг. Paris, 1867.

Герсеванов Н.Б. О причинах тактического превосходства французов в кампанию 1855 и 1856 года. СПб., 1858.

Герсеванов Н.Б. Ответ генералу Бутурлину. По поводу брошюры о войне 1854–1855 гг. Одесса, 1870.

Горчаков М.Д. Сражение при Чёрной // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 161–171.

Григорьев Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании // Русская Старина. 1898. Т. 94. № 6. С. 491–522.

Грудев Г. В. Из рассказов Г. В. Грудева // Русский Архив. 1898. Кн. 3. №. 11. С. 426–439.

Гъ А. А. Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853–1856 гг. // Русская Старина. 1898. Т. 95. № 8. С. 369–381.

Гюббенет Х.Я. Воспоминания об обороне Севастополя 1854–1855 гг. // Русская старина. 1889. Т. 61. № 1. С. 75–99.

Д. У. Поход в Венгрию в 1849 году. Три главы из записок офицера генерального штаба // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 7. С. 3–70.

Давыдов В.Д. Из памятных заметок В. Д. Давыдова // Русский Архив. 1871. № 4–5. С. 0948–0964.

Давыдов Д. В. Записки Дениса Васильевича Давыдова в России цензурой не пропущенные. Лондон; Брюссель, 1863.

Де Брэ О. Император Николай и его сподвижники. Воспоминания графа Оттона де Брэ, 1849–1852 // Русская Старина. 1902. № 1. С. 115–139.

Диаманди Н.И. {Федотова А. К.). Воспоминания о Крымской кампании и Севастопольской обороне. Занятие Керчи и Севастополя союзными войсками. Керчь, 1904.

Докудовский В. А. Мои воспоминания. Рязань, 1898.

Дроздов И. Сдача венгерской армии русским войскам под Вилагошем 1 августа 1849 г. // Военный Сборник. 1870. Т. 75. № 9. С. 133–138.

Дубровин Н. Ф. Ермолов, Дибич и Паскевич, 1826–1827 // Русская Старина. 1872. Т. 16. № 5. С. 706–726; № 6. С. 39–69; 243–280.

Дюгамель А. О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 1.

№ 2. С. 179–217; № 4. С. 489–525; Кн. 2. № 5. С. 82–126; № 6. С. 222–256; № 7. С. 371–427.

Егеръ. Несколько частностей во время Инкерманского дела на нашем левом фланге. (Из записок унтер-офицера) // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 9. С. 205–217.

Егерь. Отрывки из записок унтер-офицера // Военный сборник. 1863. Т. 31. № 6. С. 493–528.

Еншерлов М. Сражение при Альме (с планом сражения) 8 сентября 1854 г. // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 1–50.

Еропкин В.М. Из воспоминаний. Поход 1831 года. Служба в гвардии // Русский Архив. 1878. Кн. 1. № 2. С. 175–184.

Есаул. Черноморские пластуны в Севастополе // Военный Сборник. 1874. Т. 95. № 1. С. 5–28.

Ефремов П. А. Русская и английская политика. Письмо

В. А. Жуковского к князю И. Ф. Паскевичу // Русский Архив. 1878. Кн. 2. № 8. С. 426–436.

Жемчужников В. М. Записки. Из посмертных бумаг // Вестник Европы. 1899. Т. 1. № 2. С. 634–664.

Жерве В. В. И. Ф. Паскевич о пользе изучения деяний великих полководцев и о своих действиях. Письмо И. Паскевича Егору Борисовичу Фуксу 10 февраля 1828 г. // Русская Старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 44.

Жизнь и действия Артура Гёргея 1848 и 1849 годов. Перевод с немецкого // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 7. С. 71–128.

Жоли В. Ложь и правда о войне на Востоке. СПб., 1855.

Жомини А. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 10.

За много лет. Записки неизвестного 1844–1874 годов. СПб., 1897. *Зайончковский А.М.* Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче-Эриванском (отрывок из дневника П.К. Менькова) // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 233–252.

Записная книжка адмирала П. С. Нахимова // Русская Старина. 1889. № 1. С. 99–104.

Затлер Ф.К. Возражение на статью: «Изнанка Крымской войны», помещенную в 7-м номере «Военного Сборника». СПб., 1859.

Затлер Ф.К. Изнанка налицо // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7.

С. 219–238.

Затлер Ф. К. Несколько слов о продовольствии войск в Придунайских княжествах в 1853 и 1854 гг. СПб., 1863.

Затлер Ф.К. О госпиталях в военное время. СПб., 1861.

Затлер Ф.К. О продовольствии войск в военное время: в 4 ч. СПб., 1860–1865.

Затлер Ф. К. Переписка // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 9. С. 127–164.

Затлер Ф.К. Суд над полевым интендантством в 1856–1859 году. Лейпциг, 1877.

Зеланд А. А. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская Старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 503–531; Т. 76. № 10–12.

Зотов В.Р. Французской общество во время Крымской войны // Исторический вестник. 1884. Т. 15. № 2. С. 403–416.

Зотов Р.М. Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I. Ч. 1–2. СПб., 1857.

Из бумаг В. А. Жуковского // Русский Архив. 1875. № 11. С. 317–375.

Из крымских воспоминаний последней войны // Русский архив. 1869. Кн. 1. № 2. С. 381–026.

Извлечение из военного журнала генерала Головина 1831 года // Военный Сборник. 1860. Т. 13. № 5. С. 3–48.

Ильинский Д. В. Из воспоминаний и заметок севастопольца // Русский Архив. 1892. Кн. 3. № 12. С. 447–464; 1893. Кн. 1. № 1. С. 49–88; № 3. С. 249–283; № 4. С. 323–336; № 5. С. 23–33.

Император Александр II в Восточную войну. Переписка с князем И. Ф. Паскевичем и князем М. Д. Горчаковым. 1855 г. // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 899–906.

Император Николай Павлович в его военных распоряжениях 1849 и 1854 гг. // Русская Старина. 1886. Т. 49. № 3. С. 571–576.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // Русский Архив. 1910. Кн. 1. № 3. С. 321–356; № 4. С. 481–513; Кн. 2. № 5. С. 5–45; № 6. С. 161–181.

Император Николай Павлович и его время, 1831–1849 гг. // Русская Старина. 1884. Т. 41. № 1. С. 135–139.

К биографии фельдмаршала князя Паскевича // Русский Архив. 1891. Кн. 3.№ 10. С. 270–274.

К. Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. 1870. Кн. 2. № 11. С. 2044–2069.

К.А.Н. Воспоминания о Дунайской кампании 1853–1854 годов // Военный Сборник. 1873. Т. 89. № 1. С. 169–191; № 2. С. 367–418.

К.Л.Н. Из записок и воспоминаний о походе в Азиатскую Турцию в 1855 г. // Военный Сборник. 1868. Т. 51. № 6. С. 221–290.

К.Ш. Критическое обозрение сочинения: «Восточная война. Осада Севастополя. Исторический обзор службы артиллерии». 1854–1856 // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 121–164.

Киртяков В. Я. Возражение на статью генерал-майора Вунша,

помещенную в «Военном Сборнике» за июль 1858 г. // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 80–87.

Князь Паскевич в Царстве Польском в 1846 г. // Русская Старина. 1885. № 10. С. 213–220; № И. С. 404–410.

Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Рыжова о Балаклавском сражении // Русский архив. 1870. Кн. 2. № 9. С. 1668–1676.

Колчак В. И. Война и плен // В. И. Колчак, А. В. Колчак. Избранные труды. СПб., 2001. С. 21–117.

Константинов О. И. Штурм Малахова кургана 27 и 28 августа 1855 г. // Русская Старина. 1875. Т. 14. № 11. С. 568–586.

Корвин-Павловский И. Из воспоминаний севастопольца // Военный Сборник. 1871. Т. 82. №. 12. С. 287–326.

Корибут-Кубитовин. Воспоминания о Балаклавском деле 13 октября 1854 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1859. Т. 7. № 5. С. 147–166.

КочаровА.А. Чужие лавры; Наследник был еще жив: Исследования и очерки. Новопавловск, 2002.

Красовский И. И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 гг. Дело на Чёрной речке. М., 1874.

Красовский И.И. По поводу статьи «Военного Сборника»: «Шесть месяцев в Севастополе» // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 2. С. 457–462.

Крепость Силистрия в 1854 г. (Записки Нафиз-эфенди). Перевод с турецкого И. В. Белоцерковца с примечаниями переводчика и М. И. Богдановича // Военный Сборник. 1875. Т. 106. № 12. С. 488–502.

Крупская А. Воспоминания сестры Крестовоздвиженской общины 1854,1855 и 1856 годов // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 417–448.

Крылов А.Д. Князь А. С. Меншиков. Документы (1853–1854) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 843–854.

Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855.

Кузьмин 77. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при реке Чёрной 4 августа 1855 г. СПб., 1859.

Лебедев К. 77. Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский Архив. 1888. № 3. С. 481–488; №.4. С. 617–628; № 5. С. 0133–0144; № 6. С. 0232–0243; № 7. С. 345–0366; № 10. С. 249–270; № 11. С. 455–467; 1889. № 1. С. 142–152. *Лихутин М. Д.* Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. *АихутинМ.Д.* Русские в азиатской Турции в1854и1855 годах. СПб., 1863.

Мамулов. Ночное дело под Карсом с 22-го на 23-е августа 1855 г. // Военный Сборник. 1869. № 10. С. 137–140.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1–5. СПб., 1871–1874.

Менъков П. К. Записки Петра Кононовича Менькова. СПб., 1898. Т. 1: Дунай и немцы. (Восточный вопрос 1853–1855).

Менъков 77. *К.* Материалы для истории Венгерской войны // Военный Сборник. 1875. № 6. С. 191–216.

Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. СПб., 1904.

Милютин Д.А. Военные реформы императора Александра II // Вестник Европы. 1882. Т. 1(93). Кн. 1. № 1. С. 5–35.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000.

Миркович Ф. Я. Император Николай и король Фридрих-Вильгельм IV в 1840 г. Из записок // Русская Старина. 1886. Т. 51. № 8. С. 305–334.

Муравьёв Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьёва-Карского // Русский Архив. 1885. №.9. С. 5–84; № 10. С. 225–262; № 11. С. 337–408; № 12. С. 451–497; 1886. № 1. С. 5–54; № 2. С. 69–146; № 4. С. 445–524; № 5. С. 5–32; № 11. С. 289–340; № 12. С. 430–496; 1887. № 9. С. 5–42; № 10. С. 145–176; № 11. С. 393–416; 1888. № 1. С. 71–92; № 2. С. 235–258; № 3. С. 393–432; № 5. С. 97–0122; № 7. С. 313–0352; № 9. С. 5–48; № 10. С. 193–324; № 11. С. 385–433; 1889. № 2. С. 177–208; № 4. С. 571–604; № 8. С. 536–561; № 9. С. 60–97; № 11. С. 273–316; 1891. № 9. С. 5–82; № 10. С. 177–228.

Муравьёв Н.Н. Русские наБосфоре в 1833 г. Из записокН. Н. Муравьёва (Карского). М., 1869.

Муханов В. А. Из дневника В. А. Муханова // Русский Архив. 1896. № 10. С. 161–199.

Н * *.* Несколько замечаний по поводу статьи «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну», помещенную в № 1-м «Военного Сборника» // Военный Сборник. 1858. Т. 3. № 6. С. 271–288.

Н. О. Де~Р. Из походных записок во время Крымской кампании 1855 года // Военный Сборник. 1865. Т. 42. № 4. С. 335–351.

Неелов Н. Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878.

Никатов В. Воспоминания о службе в Крыму (отрывки из записок унтер-офицера) // Военный Сборник. 1864. Т. 39. № 9. С. 157–174.

Николаи А. П. Дневник, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 9. С. 101–126; № 10. С. 223–251; № 11. С. 393–406.

Николай Николаевич Муравьёв // Русская Старина. 1890. № 11. С. 456.

Носков. Заметка о Персии в отношении политическом и военном. Составлена в 1827 году генерального штаба полковником Носковым // Военный Сборник. 1860. Т. 13. № 6. С. 319–329.

Обнинский Н.А. Походные заметки // Русский Архив. 1891. № 11. С. 329–412.

Оборона Севастополя: Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову (1853–1855 гг.) // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 174–196; № 2. С. 298–328.

Орда А. Заметки инженера о причинах взятия Малахова кургана // Военный Сборник. 1858. Т. 2. № 4. С. 381–402.

Орда А. Несколько слов о системе обороны Севастополя, по поводу статьи «Заметка о Крымской войне» // Военный Сборник. 1859. Т. 8. № 8. С. 307–354.

Орда А. Объяснения, вызванные статьей г. Артиллериста, под названием: «Несколько слов по поводу статьи: Замечания инженера о причинах взятия Малахова кургана» // Военный Сборник. 1859. Т. 10. № 11. С. 41–86.

Остен-Сакен Д. Е. Военный совет при обороне Севастополя. 29 июля 1855 г. // Русская старина. 1874. Т. 11. № 10. С. 330–338.

Остен-Сакен Д.Е. Николай Николаевич Муравьёв в 1828–1856 гг. // Русская старина. 1874. Т. 11. № 11. С. 535–543.

Остен-Сакен Д.Е. Оборона против нападающих на оборону Севастополя // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 2. С. 353–362.

Отношение императора Николая Павловича к Севастополю // Военный Сборник. 1873. Т. 91. № 5. С. 1–16.

Отставной. Воспоминания о войне на Дунае в 1853 и 1854 годах // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 8. С. 391–438.

Отставной. Шесть месяцев в Севастополе (с 10 марта по 28 августа) // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 1. С. 49–132.

Охранение императора Николая в путешествии за границу: Собственноручное секретное письмо Паскевича Ивану Михайловичу Викинскому 19 сентября 1845 г. // Русская Старина. Т. 100. № 10. С. 24.

Павлуцкий. Контузия фельдмаршала Паскевича // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 3. С. 634–637.

Паскевич И. Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

Паскевич-Эриванский И. Ф. Очерки Польской кампании в1831 г. // Меньков П. К. Записки. Сб. статей. Т. 3. СПб., 1898. С. 85–98.

Перевод письма князя Петра Дмитриевича Горчакова к автору «Сочинения о Крымской войне» г. Герену // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 4. С. 454–460.

Переписка князя А. С. Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 230–238.

Пестов Г. Пз воспоминаний о войне 1854 года // Военный Сборник. 1873. Т. 93. № 9. С. 25–29.

Письма кн. Горчакова к кн. Паскевичу за 1853–1855 гг. // Журнал Императорского русского-военно-исторического общества. 1911. Кн. 4. С. 1–42.

Письма князя В. Долгорукова князю А. С. Меншикову. 13 июля 1855 г. // Русская Старина. 1897. Т. 90. № 5. С. 270.

Письмо А. С. Меншикова к М. С. Воронцову (Севастополь 8 ноября 1853 г.) и донесения императору Николаю (29 июня 1854 г.) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 847–854.

Политковский В. Г. Походные и путевые записки, веденные во время Польской кампании в 1831 г. СПб., 1832.

Полторацкий А. На реке Чёрной в Крыму // Русская старина. 1882. № 6. С. 739–742.

Похвиснев М.Н. А. П. Ермолов. (По поводу помещения в Русской Старине материалов под заглавием «Ермолов, Дибич и Паскевич…») // Русская Старина. 1872. Т. 16. № 11.

Раков В. С. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны. Евпатория, 1904.

Рачинский А. В. Походные письма ополченца из южной Бессарабии 1855–1856 гг. М., 1858.

Роспопов А. Ридигер и Паскевич в 1854 г. // Русская Старина. 1876. Т. 16. С. 726.

Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. СПб., 1872–1873.

Святополк-Мирский Д. И. Воспоминания о сражении при Чёрной речке 4 августа 1833 г. Пенза, 1897.

Севастополец. Заметка на статью «Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 гг.» // Военный Сборник. 1874. Т. 97. № 6. С. 396.

Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя. М., 1855.

Симонин И. О. Персидская война. Кампания 1826 г. Из записок графа Симонича // Кавказский Сборник. 1901. Т. 22.

Скольковский Г. Пчелка. Великие дни Севастополя / / Северная пчела. № 252. 15 ноября 1855. С. 1331–1332.

Служивший в Южной армии. Заметки на вторую часть «Изнанки Крымской войны» («Военный Сборник» № 4) // Военный Сборник.

1858. Т. 4. № 7. С. 199–218.

Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых. СПб., 1865.

Собственноручная записка императора Николая о предстоящих военных действиях от 1 февраля 1855 г. // Николай I и его время. Т. 1. М., 2000. С. 193–195. См. также: Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 896–899.

Собственноручные письма Николая I // Русская Старина. 1896. № 6. С. 511–520.

Сражение при Альме. Из сочинения Герена // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 51–79.

Степанов Н. П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 369–380.

Степанов Н. П. Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 427–435.

Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Чёрной) // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 5. С. 1358–1368.

Стороженко А. Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки. Фамильный архив. Киев, 1902. Т. 1. С. 351–429.

Стренг А. О. На Дунае и под Силистрией // Русская Старина. 1890. № 12. С. 665–678.

Сушков Н. В. Воспоминания о графе К. Ф. Толе // ЧОИДР. 1865. № 4. С. 206–221.

Тарасенко-Отрешков Н.И. Посещение в Крыму армии союзников и исчисление потерь в людях и деньгах, понесенных Францией, Англией и Пьемонтом в нынешнюю войну их против России. СПб., 1857.

Толь К. Ф. Краткий журнал пребывания моего в Действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в Санкт-Петербург. М., 1867.

Троицкий Д. И. Севастополь. Очерки и рассказы из истории Крымской войны. СПб., 1905.

Тучков П.А. Главные черты моей жизни. Изд. 2-е. Мышкин, 2000.

Урусов С. С. Очерки Восточной войны 1854–1855 гг. М., 1866.

Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Девятнадцатый Век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872.

Фелькнер В. И. Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера // Русский Вестник. 1867. Т. 67. № 1. С. 385–437; № 2. С. 445–485; Т. 72. № 12. С. 307–359.

Филиппов А. Ф. Воспоминания о князе И. Ф. Паскевиче-Эриванском // Древняя и Новая Россия. 1878. Т. 1. С. 81–84.

Фитцум фон Экштедт К. Ф. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах, 1852–1855 гг. // Русская Старина. 1887. № 5. С. 367–404.

Фон дер Лауниц В. Ф. Штурм Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1873. Т. 93. №.9. С. 5–24.

Фукс Е. Б. Похвальное слово графу Паскевичу Эриванскому, читанное в беседе его друзей 30 сентября 1828 года, на французском языке, г. действительным статским советником и разных российских и иностранных орденов кавалером, Егором Фуксом, на российский язык переведенное Иваном Толбугиным. М., 1830.

Хрущов А. П. Выдержки из писем 1853–1859 // Русская старина. 1892. Т. 74. № 6. С. 593–607; Т. 75. № 7. С. 431–450; № 8. С. 593–614.

Хрущов А. П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888.

Циммерман А. Э. Заметки о Крымской войне // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 4. С. 379–453.

Шейдеман К. Заметка от командовавшего всей артиллерией в Севастополе // Военный Сборник. 1860. Т. 13. № 5. С. 117–124.

Шильдер Н.К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 603–635.

Ш-ов Е.Р. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858.

Эвальд А. В. Рассказы о Николае I // Исторический вестник. 1896. Т. 65. № 7. С. 51–71. № 8. С. 322–353.

Эрбе Ж. Французы и русские в Крыму. Минск, 1894.

Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове: Из бумаг Михаила Максимовича Попова // Русская Старина. 1893. Т. 79. № 9. С. 515–537.

Monteith W. Kars and Erzeroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856.

V. Литература

Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. 1848–1849. М., 1965.

Айрапетов О.Р. 15 из 1000. Небоевые потери русской армии

// Родина. 1995. № 3–4.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

Айрапетов О.Р. Забытая карьера русского Мольтке. Н.Н. Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

Алавердянц М. Я. Граф Иван Фёдорович Паскевич-Эриванский и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка. 1782–1912. СПб., 1912.

Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М., 2010.

Алексеев М.Н. Военная разведка в России: от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998.

Аничков В.М. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции. 4.1. СПб., 1856.

Аратовский В. Обзор распоряжений по продовольствию действующей армии в 1831,1848,1849 и 1853–1855 годах. СПб., 1874.

Афанасьев Г. Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885.

Багдасарян В. Э., Толстой С. Г. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2000.

Байрау Д. Империя и ее армия // Новый Часовой. СПб., 1997. № 5. С. 19–39.

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4 ч. СПб., 1840.

Безобразов П.В. О сношениях Франции и России. М., 1892.

Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

Березняков Н. В. Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848–1849 гг. Кишинев, 1955.

Берков Е. А. Крымская кампания. М., 1939.

Бескровный А. Г Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Бескровный А. Г Очерки военной историографии России. М., 1962.

Бескровный А. Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

Бескровный А. Г. Русское военное искусство в XIX в. М., 1974.

Бескровный А. Г, Аапин Н.А. Русское военное искусство в ходе Крымской войны. Героическая оборона Севастополя. Лекция. М., 1950.

Бесов А. Г. Военная политика России в XIX в. М., 2001.

Бестужев И. В. Из истории Крымской войны 1853–1856 гг. // Исторический Архив. 1959. № 1. С. 204–208.

Бестужев И. Б. Крымская война и революционная ситуация // Революционная ситуация в России. 1859–1861. Т. 3. М., 1963. С. 189–213.

Бестужев И. В. Крымская война. М., 1956.

Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика: в 4 т. СПб., 1882.

БлосБ. Революция в Германии: История германского движения в 1848 и 1849 г. СПб., 1908.

БогдановичМ. И. Восточная война 1853–1856 годов: в 4 т. СПб., 1876.

Богданович М.И. Описание экспедиции англо-французов в Крым 1854–1855 гг. СПб., 1856.

Божерянов И. Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897.

Борисенок Ю. Хозяин Мятежного края // Родина. 1994. № 12. С. 50–55.

Бородкин М.М. Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. СПб., 1904.

Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888.

Бухаров Д. Н. Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 марта 1871 года (включительно). СПб., 1878.

Бушуев С. К. Крымская война (1853–1856). М.; Л., 1940.

Валентина Г. В. Обозрение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского против турок в Азии. СПб., 1836.

Васильев А. Долина смерти. Атака британской легкой бригады под Балаклавой // Родина. 1995. № 3–4.

Бейгельт. Осада Севастополя 1854–1856. Пер. с нем. СПб., 1863.

Вершинин А. А. Углицкий полк. 1708–1918 гг. Ярославль, 2008.

Виноградов В.Н. «Святые места» и земные дела. (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и Новейшая история. 1983. № 5. С. 136–152.

Виноградов В. Н. Головокружение без успехов: О застарелом взгляде на Крымскую эпопею // Родина. 1995. № 3–4. С. 12–16.

Виноградов В.Н. Николай I в «Крымской ловушке» // Новая и Новейшая история. 1992. № 4. С. 27–40.

Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина

XIX веков. М., 1969.

Вроченский М.А. Севастопольский разгром. М., 2011. (Первое изд. Киев, 1893).

Выскочков А. В. Николай I. М., 2006.

Танин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.

ГейротА. Ф. Описание Восточной войны 1853–1856 гг. СПб., 1872.

Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный Сборник. 1871. Т. 80. № 8. С. 297–344.

Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945. М., 2005.

Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный Сборник. 1894. Т. 215. № 1. С. 64–99. № 2. С. 261–290.

Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба СПб., 1882.

Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т. 2. 1826–1855. СПб., 1894.

Глиноецкий Н. 77. Очерки военных действий на берегах Днепровско-Бугского лимана осенью и зимой 1855 г. // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 144–198.

Г-н Ив. (Гурьянов). Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича-Эриванского и храбрых его сподвижников. М., 1831.

Горев А. А. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.

Горяйнов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.

Гребенщикова Г. А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. Геополитика и стратегия. СПб., 2003.

Грегуар А. История Франции в XIX в. Т. 3. М., 1896.

Грудзинский. Альма и Тюренчен. Историческая параллель. Из сообщений в военном собрании. Омск, 1907.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 2001. С. 636–637.

Гулишамбаров С. И. Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I 1825–1855 гг. СПб., 1896.

Гурьянов И. Г. Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа Ивана Фёдоровича Паскевича-Эриванского. М., 1831.

Гюббенет Х. Я. Очерки медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. СПб., 1870.

Де Гаспарен А. После мира: либерализм и Восточная война:

в 3 ч. М., 1904–1905.

Дебидур А. Политическая история XIX в. История внешних сношений держав с 1814 по 1878 гг. Т. 1. Священный союз. СПб., 1903.

Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004.

Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. М., 2009.

Делор Т История Второй империи во Франции: в 2 т. СПб., 1870–1871.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 7–130.

Делянов И.Д. Граф Михаил Михайлович Сперанский, 1772–1839 гг. Мысли о новых билетах казначейства. 1831 г. // Русская Старина. 1873. Т. 8. № 10. С. 385–388.

Дивин В. А., Козаков И.Н. Об освещении некоторых вопросов истории войн в литературе последних лет // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 141–150.

Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878.

Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. СПб., 1900.

Дукельский В. Генерал- «тамиз датчик». Чем обернулись Петру Менькову его записки // Родина. 1995. № 3–4. С. 145–148.

Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный Сборник. 1872. Т. 83. № 2. С. 229–243.

Еленев М. Н. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка. Б. м., 1908.

Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 года в европейской Турции: в 3 ч. СПб., 1905–1906.

Ерошкин Н. П. Военный аппарат царской России в период Крымской войны (1853–1856 гг.) // Труды Московского историко-архивного института. Т. 9. М., 1957. С. 138–176.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Российское самодержавие. М., 2006.

Жежера А. И. и др. История русской армии (1700–1996): личностный аспект. Учебное пособие для высших военных училищ и кадетских корпусов. Ч. 1. (1700–1917). Челябинск, 1997.

Заблоцкий-Десято в ский А.П. Граф П. Д. Киселёв и его время: в 4 т. СПб., 1882.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913.

Зайончковский П. *А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.

Зверев Б. И. Вице-адмирал В. А. Корнилов. Симферополь, 1957.

Зверев Б. И. Севастопольская оборона 1854–1855 г. М., 1956.

Зверев Б. И. Синопская победа. Симферополь, 1954.

Зонин А. И. Адмирал Нахимов. М.; Л., 1944.

Зубов П. П. Картина последней войны России и Персией. СПб., 1834.

Зубов П. П. Персидская война в царствование императора Николая I. СПб., 1837.

Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999.

История дипломатии: в 3 т. М., 1941–1945.

Кёремезли И. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7: Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 273–294.

Керсновский А. А. История Русской армии: в 4 т. М., 1992–1994.

Керсновский А. А. Философия войны. М., 2016.

Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая История. 2001. № 1, 2.

Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

Киняпина Н. С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 года // Научные доклады высшей школы. Серия: Исторические науки. 1958. № 2.

Клембовский В.Н. Виды полей сражений Крымской кампании 1854–1855 гг. СПб., 1904.

Ковалевский Е. П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 гг. СПб., 1871.

Колесников А. Маршалы России. Ярославль, 1999. С. 84–93.

Комовский А. Д. Некоторые ошибки и заблуждения в рассказах и сочинениях о Крымской войне. СПб., 1859.

Константинов О. И. Штурм Малахова кургана 27 и 28 августа 1855 г. // Русская Старина. 1875. Т. 14. № 11. С. 568–586.

Коргу ев Н.А. Русский флот в царствование императора Николая I. // Морской сборник. СПб., 1896. Т. 272. № 7. С. 1–42.

Коробков Н.М. Героический Севастополь. 1854–1855 гг. 1941–1942 гг. М., 1942.

Краснов И. Оборона Таганрога и берегов Азовского моря в 1855 году// Военный Сборник. 1862. Т. 26. № 8. С. 249–308.

Кренке В.Д. Оборона Балтийского побережья в 1854–1856 гг.

СПб., 1887.

Кривопалов А. А. «К одним привычка, в других нужда…». Фельдмаршал Паскевич глазами современников // Родина. 2013. № 3. С. 49–52.

Кривопалов А.А. Восточная война 1853–1856 гг. и русская стратегия в середине XIX века // Крымская война (1853–1856 гг.) в военной истории России и Европы. Материалы научно-практической конференции. М., 2016. С. 69–72.

Кривопалов А. А. Генерал-адъютант А.-А. Жомини об обороне западной границы России // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: Материалы международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 18 мая 2018 г.). Брянск, 2018. С. 120–135.

Кривопалов А. А. Е. Ф. Канкрин об обороне западных границ России в 1836 г. // Российская история. 2013. № 6. С. 52–64.

Кривопалов А. А. Записка фельдмаршала И.Ф. Паскевича 11 мая 1845 г. о развертывании русских войск в польском выступе // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. 13. М., 2012. С. 42–73.

КривопаловА.А. Рец.: Крестовый поход Неистового Орландо: *O. Figes.* Crimea. The last crusade. L., 2011 *11* Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 18. М., 2015. С. 234–296.

Кривопалов А. А. Севастополь в стратегических планах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в 1853–1855 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 3. С. 58–69.

Кривопалов А. А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и Крымская кампания 1854–1855 гг. // Альминские чтения: Место Крымской (Восточной) войны в европейских военных конфликтах XIX в. Материалы научно-практической конференции (г. Бахчисарай, 28–30 сентября 2012 г.) Выпуск № 4. Симферополь-Бахчисарай, 2014. С. 37–43.

Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853–1856 гг. // Русский Сборник. Исследования по истории России. М., 2009. Т. 7: Военная политика императора Николая I. С. 238–272.

Кривопалов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI вв. М., 2018. С. 11–29.

Кривопалов А. А. Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в середине 1840-х годов // Российская история. 2012. № 4. С. 88–100.

Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941.

Кухарук А. В. Большие кавалерийские манёвры 1837 года под

г. Вознесенском в контексте политики николаевской России // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 30-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 111–120.

Кухарук А. В. Вместо Парижа – на Будапешт! Венгерский поход фельдмаршала Паскевича // Родина. 1999. № 11. С. 54–59.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис…. канд. ист. наук. М., 1999.

Кухарук А. В. Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // Родина. 1995. № 3–4. С. 22–26.

Кухарук А. В. Николай как реформатор армии // Родина. 2013. № 3. С. 102–103.

Кухарук А. В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы // Русский Сборник: Исследования по истории России. М., 2009. Т. 7: Военная политика императора Николая I. С. 191–205.

ЛаговскийА. Н. Оборона Севастополя. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1939.

Лебедев В. А. /раф Егор Францевич Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896.

Левыкин В. И. Фортификация: прошлое и современность. М., 1987.

Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России // Свердловский юридический институт. Ученые труды. Свердловск, 1961. Т. 4. Серия «История государства и права».

Лихачёв Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 гг. // Военный сборник. 1902. № 3. С. 42–83.

Лукашевич К Оборона Севастополя и его славные защитники. М., 1995.

Лунин Б.В. Героическая оборона Таганрога в 1855 году. Ростов-на-Дону, 1945.

Лягцук П.М. Мартиролог офицеров Российской армии, погибших при защите Севастополя и Крыма в 1854–1855 гг. Вып. 1–3. Симферополь, 2008–2015.

Ляшук П.М., Сундуков С. Ф. Сражение на берегах Альмы. Сборник документов и материалов. Симферополь, 2007.

Малашенко О. А. Военная и политическая деятельность И. Ф. Паскевича: дис…. канд. ист. наук. М., 2000.

Маринин О. В. Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 г.: дис… канд. ист. наук. М., 1987.

Маринин О. В. Много шума из ничего. Извлекли ли пользу из «нейтральной позиции» бывшие союзники России // Родина. 1995. № 3–4. С. 136–138.

Маринин О. В. Русско-английские отношения в первой

половине 1855 года // История СССР. 1986. № 5. С. 147–157.

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I // Вестник Европы. 1898. Кн. 1. С. 5–31; Кн. 2. С. 465–502; Кн. 3. С. 5–43.

Маслов А. Н. История крепостной войны. Севастополь 1854–1855 гг. Бельфор 1870–1871 гг. СПб., 1900.

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX в. М., 2016.

Мещеряков Г. П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973.

Михайлов М. Исторический очерк Свеаборга и бомбардирование его англо-французским флотом 28, 29 и 30 июля 1855 года // Военный Сборник. 1860. Т. 15. № 10. С. 237–260.

Михайлов М. И. Про блемы Германской революции 1848 г. М., 1985.

Михеев С.П. История русской армии. М., 1911. Вып. 4: Переходная эпоха(1815–1856 гг.).

Молок А. И. Революции 1848–1849 годов. М., 1952.

Мольтке Х. Русско-турецкая кампания в европейской Турции 1828 и 1829 г. Ч. 1. Вып. 1–2. СПб., 1876–1877; Ч. 2. СПб., 1883.

Муравьёв Н. Н. Война за Кавказом в 1855 г.: в 2 т. СПб., 1877.

Мягков П. С. Севастопольская оборона 1854–1855 гг. М., 1954.

Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010.

Непокойчицкий А. А. Описание войны в Трансильвании в 1849 году. [Б. м.], 1866.

Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949.

Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования: 1802–1902. СПб., 1902. С. 130.

Окунев Н.А. История второй половины Польской войны 1831 года. СПб., 1833.

Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849 г. СПб., 1851.

Описание Севастополя и его окрестностей (с планом) // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 4. С. 373–378.

Ореус И. И. Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880.

Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь, 2008.

Орехова Л. Л., Орехов В. В., Первых А. К., Орехов А. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. Изд. 2-е. Симферополь, 2010.

Орлов Н.А. Восточная война. СПб., 1885.

Осипова М. Н. После Крымской войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2.

Отзывы и мнения военачальников о Польской войне 1831 г. СПб., 1867.

Очерк Венгерской войны 1848–1849 годов. СПб., 1850.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. От древнейших времен до 1917 г. М., 2006.

Павлюк К. К. Алма. 1854–1904 гг. Сражение 8 сентября 1854 г. и современное состояние поля этого сражения. Одесса, 1904.

Перцов В. Н. Жизнеописание князя Варшавского графа П. Ф. Паскевича-Эриванского по официальным документам. Варшава, 1870.

Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. СПб., 1890.

Петров А. Н. Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г. // Исторический вестник. 1891. Т. 43. № 1. С. 98–119; № 2. С. 386–413; № 3. С. 672–705.

Пикула О. И. Россия в Крымской войне 1853–1856 гг. Проблема военного строительства: дис…. канд. ист. наук. М., 1994.

Полетика Н. П. Пруссия и Крымская война // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 12: Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 255–268.

Поливанов А. А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894.

Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918.

Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов профессора Свечина. М., 1931.

Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. СПб., 1890. Революции 1848–1849. М., 1952.

Роббинс С.Д. Инкерман // Родина. 1995. № 3–4. С. 64–66.

Россия и Черноморские проливы. (XVIII–XX столетия). М., 1999.

Русская военно-теоретическая мысль XIX – нач. XX веков. М., I960.

Рюстов В. Всеобщая тактика в применении к современному развитию военного искусства. СПб., 1869.

Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших

времен до наших дней. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 11–76.

Севастополец. Кто последний оставил Севастополь // Русская старина. 1875. Т. 13. № 5. С. 140–142.

Сементковский Р И. Е. Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893.

Сёмин Г. И. Оборона Севастополя. М., 1962.

Сёмин Г. И. Севастополь. Исторический очерк. М., 1955.

Сергеев М.А. Оборона Петропавловска на Камчатке. М.; Л., 1940.

Середонин С. М. Отзыв о сочинении А. М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1». СПб., 1911.

Скрицкий И. В. Крымская война, 1853–1856 годы. М., 2006.

Слезинасий А. Морское ополчение // Русская Старина. 1905. Т. 124. С. 718–724.

Смит Ф. фон. История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг.: в 3 т. СПб., 1863–1864.

Степанова Е. А. Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848–1849 годов. М., 1955.

Суитман Д., Мерсер П. Крымская война. Британский лев против русского медведя. М., 2011.

Тарле Е.В. Англо-французская дипломатия и Крымская война // Военно-исторический журнал. 1940. № 4. С. 98–112.

Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. М., 2003.

Тарле Е.Б. Нахимов. М., 1940 (как «Павел Степанович Нахимов»: М.; Л., 1942; М., 1943; М., 1944).

Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887.

Татищев С. С. Дипломатический разрыв России с Турцией в 1853 г. // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 153–176; № 2. С. 456–480; № 3. С. 720–751.

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование: в 2 т. СПб., 1903.

Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889.

Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя: в 2 ч. СПб., 1863–1872.

Тэйлор А. Д. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958.

Ульянов И. Э. Регулярная пехота, 1801–1855. М., 1996.

Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., I960.

Урланис Б.Ц. История военных потерь: война и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. СПб., 1994.

Ушаков А. К. История военных действий в Азиатской Турции 1828–1829 гг. СПб., 1836.

Фёдоров Б. Г. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904.

Фёдоров Б. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911.

Фёдоров Б. Г. Эволюция стрелкового оружия: в 2 т. М., 1938–1939.

Фёдоров С. Т Крымская война 1853–1856 гг. М., 1941.

Феоктистов Е. М. Русская политика на Востоке перед Крымской войной // Русский Вестник. 1868. Т. 73. № 1. С. 21–82.

Фомин О. Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи (1811–1864): дис… канд. юр. наук. М., 1999.

Ханак П. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848–1849 гг. Budapestini, 1953.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004.

Ченнык С. Б. Альма 20 сентября 1854 г. Симферополь, 2004.

Черкасов П.П. На тайном фронте Крымской войны // Новая и Новейшая история. 2007. № 6. С. 186–210.

Чернышевский Н. *Г.* Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. М., 1935. *Шавшин В. Г.* Бастионы Севастополя. Путеводитель. Симферополь, 1989.

Шапошников Б. М. Мозг армии: в 3 кн. М.; Л., 1927–1929.

Шильдер Н.К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен: его жизнь и деятельность: в 2 т. СПб., 1885–1886.

Шильдер Н. *К.* Император Николай I, его жизнь и царствование: в 2 т. СПб., 1903.

Шипов А.П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрина. СПб., 1864.

Шишов А. В. Георгиевские кавалеры: в 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 502–510.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1888–1904.

Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000.

Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.

Ячменихин К.М. Военные поселения в России: (История социально-экономического эксперимента). Уфа, 1994.

Adkin M. The charge. The real reason why the Light brigade was lost. L., 1996.

Badem C. The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden; Boston, 2010.

Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. *Curtiss J. S.* Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979 *Curtiss J. S.* Russian Army under Nicholas I, 1825–1855. Durham, N. C., 1965.

Daly J.C.K. Russian Seapower and The Eastern Question, 1827–1841. Annapolis, 1991.

Edgerton R. B. Death or glory. The legacy of the Crimean war. Boulder, 1999.

Figes 0. Crimea. The last crusade. L., 2010.

Glover M. Warfare from Waterloo to Mons. L., 1980.

Greenhill B., Giffard A. The British assault on Finland 1854–1855. L., 1988.

Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870. Oxford., 1993.

Harris S.M. British military intelligence in the Crimean war 1834–1856. L.; Portland, 1999.

Kagan F W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N. Y., 1999.

Keep J.L. H Soldiers of the Tsar. Oxford, 1988.

Kimerling Wirtschafter E. From serf to Russian soldier. Princeton, 1990.

Kinglake A. W. The invasion of the Crimea. Vol. 1–9. Edinburgh; London, 1877.

Lambert A. D. The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853–1856. Manchester; N. Y., 1990.

LeDonne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire. Oxford, 2004.

Lincoln WB. Nicholas I. Emperor and Autocrat of All the Russia's. 1796–1855. Bloomington; London, 1980.

McClellan G.B. Armies of Europe. Philadelphia, 1861.

McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L., 1974.

MitchellD. W. A history of Russian and Soviet sea power. L., 1974.

Nolan E. H The history of the war against Russia. L, 1855.

Palmer A. The Crimean war. N. Y, 1987.

Passages on the Crimean war. The journal of private Richard Barnham 38-th regiment, South Staffordshire. Lundarien Press, 2015.

Ponting C. The Crimean war. The truth behind the myth. L., 2004.

Rath A. C. The Crimean war in imperial context, 1854–1856. N. Y, 2015.

Rothenberg G.E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976.

Selby J. Balaclava. Gentlemen's battle. N. Y, 1970.

Strachan H From Waterloo to Balaclava. Tactics, technology and the British army, 1815–1854. Cambridge, 1985.

Strachan H Wellington's legacy. The reform of the British army 1830–1854. Manchester, 1984.

War in the age of technology: Myriad faces of modern armed conflict. N. Y; L., 2001.

Woodham-Smith C. The reason why. N. Y, 1960.

VI. Справочные издания

Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX – начало XX вв.): указатель трудов, литература о жизни и деятельности. / науч. ред. А. А. Либерман. М., 2006. Ч. 1: 1801–1855.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / науч. ред. П. А. Зайончковский. М., 1977. Т. 2: 1801–1856. Ч. 1.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2001.

notes

Примечания

1

Подробнее см.: Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С 10, 145–158.

2

См. например: *Кухарук А. В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис… канд. ист. наук. М., 1999*; Его же.* Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // Родина. 1995. №.3–4. С. 22–26; *Kagan F. W.* The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 221–249; *Бесов А Л.* Военная политика России в XIX веке. М., 2001. С. 38–39; *Шевченко М. М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 185–194; *Его же.* Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // XIX век в истории России. М., 2007. С. 281–302; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 188–222.

3

См.: *Татищев* С С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 41–131; *Его же.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 105–117, 273–284; *Блос В.* Революция в Германии: История германского движения в 1848 и 1849 г. СПб., 1908; История дипломатии. Т. 1. М.; Я., 1941. С. 426–433; *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М., 1949; *Молок А. И.* Революции 1848–1849 годов. М., 1952; ХансжП. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848–1849 гг. Budapestini, 1953; *Березняков Н.В.* Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848–1849 гг. Кишинев, 1955; *Степанова Е.А.* Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848–1849 годов. М., 1955; *Авербух Р.А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. 1848–1849. М., 1965; *Михайлов М.И.* Проблемы Германской революции 1848 г. М., 1985; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 346–361;

Очерк Венгерской войны 1848–1849 годов. СПб., 1850; Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849 г. СПб., 1851; *Непокойчицкий А. А.* Описание войны в Трансильвании в 1849 году. [Б.м.] 1866; *Меньков П.К.* Материалы для истории Венгерской войны // Военный Сборник. 1875. № б. С. 191–216.

5

Ореус И.И. Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880. С. 325–326, 452–453.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 191–192.

Аничков В.М. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции: в 2 ч. СПб., 1856.

Богданович М.И. Описание экспедиции англо-французов в Крым 1854-

1855 гг. СПб., 1856; *Тотлебен Э. И.* Описание обороны г. Севастополя: в 2 ч. СПб., 1863–1872; *Ковалевский Е. П.* Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 гг. СПб., 1871; *Гейрот А.Ф.* Описание Восточной войны 1853-

1856 гг. СПб., 1872; *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 гг.: в 4 т. СПб., 1876*; Дубровин Н.Ф.* Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М.И. Богдановича. СПб., 1878; *Орлов Н.А.* Восточная война. СПб., 1885; *Вроченский М.А.* Севастопольский разгром. Киев, 1893; *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. СПб., 1900.

9

См.: *Russel W.H.* General Todleben's History of the defence of Sebastopol. 1854–1855. N.Y., 1865; *Todleben Ed.v.* Die Verteidigung von Sebastopol. Bde. 1–2. SPb., 1864–1872; *Todleben E. de.* Defense de Sebastopol. Vol. 1–2. SPb., 1863–1874.

ТотлебенЭ. И. Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1–2. СПб., 1863–1872.

11

См.: *К.Ш.* Критическое обозрение сочинения: «Восточная война. Осада Севастополя. Исторический обзор службы артиллерии». 1854–1856 // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 121–164; *Вейгелыт.* Осада Севастополя 1854–1856. СПб., 1863.

Затлер Ф.К. Несколько слов о продовольствии войск в Придунайских княжествах в 1853 и 1854 гг. СПб., 1863; *Аратовский В.* Обзор распоряжений по продовольствию действующей армии в 1831, 1848, 1849 и 1853–1855 годах. СПб., 1874; *Затлер Ф.К.* Суд над полевым интендантством в 1856–1859 году. Лейпциг, 1877; *Поливанов А.А.* Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894.

13

Аратовский В. Обзор распоряжений по продовольствию действующей армии в 1831,1848,1849 и 1853–1855 годах. СПб., 1874. С. 5.

Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. СПб., 1890.

15

Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. СПб., 1890. Т. 2. С. 320.

Результаты использования этих источников на сегодняшний день см.: *Rothenberg G. E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976; *Curtiss J.* 5. Russia's Crimean War. Durham, N. C, 1979.

17

Глиноецкий Н. П. Очерки военных действий на берегах Днепровско-Бугского лимана осенью и зимой 1855 г. // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 144–198; *Краснов И.* Оборона Таганрога и берегов Азовского моря в 1855 году // Военный Сборник. 1862. Т. 26. № 8. С. 249–308*; Муравьёв Н.Н.* Война за Кавказом в 1855 г.: в 2 т. СПб., 1877; *КренкеВ.Д.* Оборона Балтийского побережья в 1854–1856 гг. СПб., 1887; *Бородкин М. М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904; *Сергеев М.А.* Оборона Петропавловска на Камчатке. М.; Я., 1940; *Лунин Б. В.* Героическая оборона Таганрога в 1855 году. Ростов-на-Дону, 1945.

18

Бородкин М. М. Война 1854–1855 гг. на Финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904. С. 196.

19

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1888–1904.

20

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. См.: Т. 1. *Данилов Н.А.* Исторический очерк развития военного управления в России; Т. 2. Кн. 2. *Квадри В. В.* Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра I; Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1 .*ГейсманП.А.* Возникновение и развитие в России Генерального штаба до конца царствования императора Александра 1;Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. *ГиппиусА. И.* Образование (обучение) войск; Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. *Щепетильников В. В.* Комплектование войск в царствование Николая I; Т. 5. *Шелехов Ф. П.* Главное интендантское управление; Т. 6. *Струков Д.И.* Главное артиллерийское управление; Т. 7. *Фабрициус И. Г.* Главное инженерное управление; Т. 8. *Кручек-Голубов В. С.* Главное военно-медицинское управление.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913.

22

Середонин С М. Отзыв о сочинении А.М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1». СПб., 1911. С. 12–13,40-41.

23

Петров А.Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг.: в 2 т. СПб., 1890. Т. 2. С. 360–362, 366–367; *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913.Т. 1.С. 552–554.

Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. №.8. С. 603–635.

25

Шильдер Н.К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. № 8. С.613.

Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888. Т. 2. С. 42–43.

Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.; Я., 1928. С. 11–76.

Там же. С. 45.

29

Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.; Я., 1928. С. 43–44.

ТухачевскийМ. Н. О стратегических взглядах профессора Свечина // Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов профессора Свечина. М., 1931. С. 10–11$_{А}$14.

31

Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.; Я., 1928. С. 24, 71.

Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика: в 4 т. СПб., 1882. Т. 2. С. 4–21,25–28.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 7–130.

34

См. например: *Берков Е.А.* Крымская кампания. М., 1939; *Лаговский А. Н.* Оборона Севастополя. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1939; *Бушуев С. К.* Крымская война (1853–1856). М.; Я., 1940; *Фёдоров С.Т.* Крымская война 1853–1856 гг. М., 1941; *Коробков Н. М.* Героический Севастополь. 1854–1855 гг. 1941–1942 гг. М., 1942; *Бескровный Л. Г., Лапин Н.Л.* Русское военное искусство в ходе Крымской войны. Героическая оборона Севастополя. Лекция. М., 1950; *Мягков П.С.* Севастопольская оборона 1854–1855 гг. М., 1954; *Горев Л. А.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955; *Сёмин Г. И.* Севастополь. Исторический очерк. М., 1955; *Бестужев И. В.* Крымская война. М., 1956; *Зверев Б. И.* Севастопольская оборона 1854–1855 гг. М., 1956; *Сёмин Г. И.* Оборона Севастополя. М., 1962; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство в XIX в. М., 1974. С. 212–294.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 52.

Там же. С. 111.

Там же. С. 9, 12.

Там же. С. 81.

39

Там же. С. 129.

Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. М.; Я., 1941–1944.

Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 249.

Curtiss J.S. Russia's Crimean War. Durham, N. C, 1979.

Ibid. P.333.

Ibid. P.247.

45

Бухаров Д. Н. Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 марта 1871 года (включительно). СПб., 1878*; Афанасьев Г. Е.* Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885; *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887; *Бутковский Я. Н.* Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888; *Татищев* С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889; *Татищев С. С.* Дипломатический разрыв России с Турцией в 1853 г. // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 153–176; № 2. С. 456–480; № 3. С. 720–751; *Тарле Е.В.* Англо-французская дипломатия и Крымская война // Военно-исторический журнал. 1940. № 4. С. 98–112; История дипломатии. Т. 1. М.; Л., 1941; *Кухарский П.Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). М., 1947; *Тэйлор А. Д. П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958; *Полетика Н.П.* Пруссия и Крымская война //Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 255–268; *Виноградов В.Н.* «Святые места» и земные дела. (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 136–152; *Маринин* О. *В.* Русско-английские отношения в первой половине 1855 года // История СССР. 1986. № 5. С. 147–157; *Маринин О. В.* Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 г.: дис…. канд. ист. наук. М., 1987; *Виноградов В.Н.* Николай I в «Крымской ловушке» // Новая и Новейшая история. 1992. № 4. С. 27–40; *Маринин О. В.* Много шума из ничего. Извлекли ли пользу из «нейтральной позиции» бывшие союзники России // Родина. 1995. № 3–4. С. 136–138; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 269–300; *Его же.* Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 169–362.

47

См. например: *Черкасов П.П.* На тайном фронте Крымской войны // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 186–210.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис.… канд. ист. наук. М., 1999.

Kagan F. 1/1/. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999.

Ibid. P. 243.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 219.

Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009.

Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853,1854,1855 и 1856 годов. СПб., 1858.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. СПб., 1874–1909.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913; *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1888–1904.

К истории Парижского мира 1856 г. // Красный Архив. 1936. № 2 (75). С. 10-

58

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 360.

59

РГВИА. Ф. 432. Оп. 1.Д.91.

Там же. Д. 106.

61

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216.

Там же. Оп. 3. Д. 1.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 1. Приложение. С. 561–564.

ЗайончковскийА. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 2. Ч. 1. С. 609–611; *Степанов Н.П.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 378–380; *Степанов Н. П.* Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 433–435; *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 116–118.

65

РГВИА.Ф. 14013. Оп. 1.Д. 3,4.

РГВИА. Ф. 481. Оп. 1.Д.5, 7.

Там же. Д. 5, 50; Ф.38.0П.4. Д. 1212.

Там же. Д. 1187,1309,1419; Ф. 14014.ОП.2.Д.48.

69

РГВИА. Ф. 481. Оп. 1.Д. 13.

РГВИА. Ф.38.0П.4.Д. 1604.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1,191,202, 225, 534.

Там же. Д. 222,273,436, 594.

73

РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 44; Ф. 431. Оп. 1. Д. 16; Ф. 432. Оп. 1. Д. 106, 112; Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20, 39.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 673.

Там же. Оп.4. Д. 1042.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 673; Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5468; Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51,61.

77

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5468; Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14, 57; Ф. 14014. Оп. 2. Д. 63, 243, 251; Оп. 7. Д. 31,33.

Александр I, Николай I и Александр II. Исторические материалы к ним и их эпохам относящиеся, 1822–1855 // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 881–906; *Боумгортен А.* Заметка к письмам А. С. Меншикова 1854–1855 гг.// Русская Старина. 1875. Т. 13. № 5. С. 139–140; *Бартенев П. И.* Из записок князя Паскевича // Русский Архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 407–424; Война России с Турцией 1854–1855 гг. // Русская Старина. 1877. Т. 18. № 1. С. 135–144; № 2. С. 325–336; Т. 19. № 5. С. 81 -100; № 6. С. 331–340; Т. 20. № 9. С. 167–174; Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. Т. 16. № 8. С. 671–708; Т. 17. № 9. С. 145–170; № 12. С. 811–830; Восточная война 1853–1856 гг. Письма князя И.Ф. Паскевича к князю М.Д. Горчакову// Русская Старина. 1876.Т. 15. № 1. С. 163–191. № 2. С. 388–401. № 3. С. 659–674; Выдержки из переписки князя Воронцова с императором Николаем // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 637–638; *Горчаков М.Д.* Сражение при Черной // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 161–171; Император Александр II в Восточную войну. Переписка с князем И.Ф. Паскевичем и князем М.Д. Горчаковым. 1855 г. // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 899–906; Император Николай Павлович в его военных распоряжениях 1849 и 1854 гг. // Русская Старина. 1886. Т. 49. № 3. С. 571–576; Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу// Русский Архив. 1910. Кн. 1. № 3. С. 321–356; № 4. С. 481–513; Кн. 2. № 5. С. 5–45; № 6. С. 161–181; Император Николай Павлович и его время, 1831–1849 гг. // Русская Старина. 1884. Т. 41. № 1. С. 135–139; *Степанов Н.П.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 369–380; *Степанов Н.П.* Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г.// Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 427–435; *Крылов А. Д.* Князь А. С. Меншиков. Документы (1853–1854) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 843–854; Оборона Севастополя: Письма князя А.С. Меншикова к князю М.Д. Горчакову (1853–1855 гг.) // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 174–196; № 2. С. 298–328; Отношение императора Николая Павловича к Севастополю // Военный Сборник. 1873. Т. 91. № 5. С. 1–16; Переписка князя А.С. Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 230–238; Письмо князя В. Долгорукова князю А.С. Меншикову. 13 июля 1855 г. // Русская Старина. 1897. Т. 90. № 5.

С. 270; Письмо А.С. Меншикова к М.С. Воронцову (Севастополь 8 ноября 1853 г.) и донесения императору Николаю (29 июня 1854 г.) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 847–854; Собственноручная записка императора Николая о предстоящих военных действиях от 1 февраля 1855 г. // Николай I и его время. М., 2000. Т. 1. С. 193–195. См. также: Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 896–899; *Шильдер Н.К.* Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 603–635; Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове: Из бумаг Михаила Максимовича Попова // Русская Старина. 1893. Т. 79. № 9. С. 515–537.

Докудовский В. А. Мои воспоминания. Рязань, 1898; *Стороженко А.Я.* Отрывки из воспоминаний // Стороженки. Фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 351–429.

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875.

81

Пестов Г. Из воспоминаний о войне 1854 года // Военный Сборник. 1873. Т. 93. № 9. С. 25–29; *Ушаков Н. И.* Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Девятнадцатый Век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. О работе дивизионных штабов см.: *К.Л.Н.* Воспоминания о Дунайской кампании 1853–1854 годов // Военный Сборник. 1873. Т. 89. № 1. С. 169–191. № 2. С. 367–418.

82

ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. Учреждение Военного министерства. 29 марта 1836 г.; ПСЗ II. Т. 20. №. 18687.0 правах и власти главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. 21 января 1845; ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.; ПСЗ II. Т. 7. Отд. 2. Штаты и табели. Алфавитный указатель. Действующая армия; ПСЗ II.Т. 8. Отд. 1. № 6065.0 переформировании армейской кавалерии. 21 марта 1833; ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6676. О переформировании гвардейской и полевой артиллерии; ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 5943. О преобразовании армейской пехоты. 28 января 1833.

Свод военных постановлений: в 4 т. СПб., 1838–1842.

О новых чугунных дорогах в Англии и Франции // Военный Журнал. 1834. № 1–3. С. 93–96; Последствия преобразований французской армии // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 1–91; Состав Австрийской Армии // Военный Журнал. 1835. № 1–3; Состав Генерального штаба Франции // Военный Журнал. 1834. № 1–3. С. 82–104; Стратегическое исследование границ // Военный Журнал. 1834. № 1–3; Употребление артиллерии большими массами // Военный Журнал. 1833. № 4–6. С. 1–27; Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

85

Историческое обозрение военно-сухопутного управления 1825–1850. СПб., 1850.

Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск: в 2 ч. Тифлис, 1896; Расписание сухопутных войск. СПб., 1852; Хроника Российской Императорской армии: в 7 ч. СПб., 1852.

Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878. С. 207–208.

Симонич И. О. Персидская война. Кампания 1826 г. Из записок графа Симонича // Кавказский Сборник. 1901. Т. 22. С. 40.

Филиппов А.Ф. Воспоминания о князе И.Ф. Паскевиче-Эриванском // Древняя и Новая Россия. 1878. Т. 1. С. 81–84.

90

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. М., 1992. С. 38–39.

91

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1890. Т. 2. С. 185.

Муравьёв Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьёва-Карского // Русский Архив. 1889. № 2. С. 195–196; № 4. С. 575–576, 586–590; № 8. С. 539, 542; № 11, С. 297.

93

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1890. Т. 2. С. 185.

Филиппов А.Ф. Воспоминания о князе И.Ф. Паскевиче-Эриванском // Древняя и Новая Россия, 1878. Т. 1. С. 84.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 4. С. 248–249.

Monteith W. Kars and Erzeroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L, 1856. P.211.

Ibid. P.300.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. 4.4. С. 292–294. См. также: *Потто В. А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 4 С. 286–288.

99

См. например: *Волентини Г. В.* Обозрение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского противтурокв Азии. СПб., 1836*; Г-н Ив. (Гурьянов)*. Знаменитые черты изжизни и военные подвиги фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского и храбрых его сподвижников. М., 1831; *Ушаков А. К.* История военных действий в Азиатской Турции 1828–1829 гг. СПб., 1836; *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1890–1891. Т. 2–3.

Смит Ф. фон. История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг.: в 3 т. СПб., 1863–1864; *Пузыревский А. К.* Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. СПб., 1890; *Окунев Н.А.* История второй половины Польской войны 1831 года. СПб., 1835; Отзывы и мнения военачальников о Польской войне 1831 г. СПб., 1867.

101

Смит Ф. фон. История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг.: в 3 т. СПб., 1863–1864. С. 307–309.

102

Зелинд А.Л. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 //

103

Русская Старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 522.

Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. СПб., 1890. Т. 1.С. 33. Там же. С. 67.

105

Там же. С. 25.

Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. СПб., 1890. Т. 1.С. 28.

107

Зеланд А.Л. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская Старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 521–522.

108

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1894. Т. 4. С. 13–19.

109

Дюгамель А. О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 1. № 4. С. 493; *фондерЛауницВ.Ф.* Штурм Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. Рассказ очевидца// Военный Сборник. 1873. Т. 93. №. 9. С. 5–24; *Паскевич-Эриванский И. Ф.* Очерки Польской кампании в 1831 г. // Меньков П.К. Записки. Сб. статей. Т. 3. СПб., 1898. С. 85–98; *Толь К.Ф.* Краткий журнал пребывания моего в Действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в Санкт-Петербург. М., 1867.

110

Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878. С. 210.Здесь *и долее текст цитаты приводится в соответствии с правилами и нормами орфографии и пунктуации, действующими в момент издания книги.*

111

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1894. Т. 4. С. 32–33.

112

Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878. С. 207.

113

Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878. С. 196.

Там же. С. 208.

115

Там же. С. 47–48,199.

116

Фелькнер В. И. Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера // Русский Вестник. 1867. Т. 67. № 2. С. 449–459.

117

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1894. Т. 4. С. 42.

118

Муравьёв Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьёва-Карского // Русский Архив. 1889. № 11. С. 279.

119

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1888. Т. 1. С. 234.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис.… канд. ист. наук. М., 1999. С. 55.

Kadon F W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 212–213.

122

См. например: *Обручев Н.Н.* О вооруженной силе и ее устройстве // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 25.

123

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 1. *Данилов Н.А.* Исторический очерк развития военного управления в России. С. 283.

Kagan F. 1/1/. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 221.

Ibid. P. 221, 322.

Зоблоцкий-ДесятовскийА. П. Граф П.Д. Киселёв и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 30.

127

См.: *DalyJ. C K.* Russian seapower and «The Eastern question» (1827–1841). Annapolis, 1991. P. 191.0 масштабах военных расходов в царствование императора Николая I см. также: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. Военноэкономический потенциал России. М., 1973. С. 482–483; *Блиох И. С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика: в 4 т. СПб., 1882. Т. 1. С. 186–189, 268–271.

Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 96–99,107–109.

129

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис…. канд. ист. наук. М., 1999. С. 50–53.

130

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. *Щепетильников В. В.* Главный штаб. Исторический очерк комплектования войск в царствование императора Александра I. С. 93–119.

131

Ливчак Б.Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России // Свердловский юридический институт. Ученые труды. Т. 4. Серия «История государства и права». Свердловск, 1961. С. 195.

132

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. *Щепетильников В. В.* Главный штаб. Исторический очерк комплектования войск в царствование императора Николая I. С. 43–56.

Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 186, 321.

Там же. С. 309–310, 322.

135

В.Я. Французская конскрипция // Военный Сборник. 1858. № 3. С. 57–79. См. также: РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Я. 44–45.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис.… канд. ист. наук. М., 1999. С. 81.

Kadon F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 233–234, 247.

138

ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 5943. О преобразовании армейской пехоты. 28 января 1833.

139

Подробнее о составе пехотных дивизий см.: *ЗайончковскийА. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 1. Приложение. С. 462.

140

ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6065. С. 156. § 6.

141

Там же. № 6065.

142

Кухарук А. В. Большие кавалерийские манёвры 1837 года под г. Вознесенском в контексте политики николаевской России // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 116.

143

Зойончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 1. С. 474.

ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6676.

145

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 1. *Данилов Н.А.* Исторический очерк развития военного управления в России. С. 242, 358.

Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск: в 2 ч. Тифлис, 1896. Ч. 1. С. 90, 94–97,102.

147

Наумово Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010. С. 77–78. См. также: *Ильяшевич Л.* Статистическое исследование смертности нашей армии // Военный Сборник. 1863. № 2. С. 364.

Rothenberg G. *E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 42.

Strachan H. Wellington's legacy. The reform of the British army 1830–1854. Manchester, 1984. P. 182.

150

Кухарук А. В. Большие кавалерийские манёвры 1837 года под г. Вознесенском в контексте политики николаевской России // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 81; Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. *Щепетильников В. В.* Главный штаб. Исторический очерк комплектования войск в царствование императора Николая I. С. 222–231.

Strachan H. Wellington's legacy. The reform of the British army 1830–1854. Manchester, 1984. P. 56.

152

ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. Учреждение Военного министерства 29 марта 1836 *V.) Kagan F.* И/. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 164–171.

153

ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.

ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. §. 174–175.

Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба СПб., 1882. *Его же.* История русского Генерального штаба. Т. 2. 1826–1855. СПб., 1894. С. 77–138.

BucholzA. Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 38.

157

См.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера русского Мольтке. Н.Н. Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

См., например: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 15–16.

159

Фёдоров В. Г Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 38-

Фёдоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 52.

161

Там же. С. 56.

Там же. С. 57–58.

163

War in the age of technology: Myriad faces of modern armed conflict. N.Y.; Ц 2001. P. 23–27; *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 25.

164

Окунев Н.А. История второй половины Польской войны 1831 года. СПб., 1835. С. 118.

Мещеряков Г. П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С. 124.

Фёдоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия: в 2 т. М., 1938. Т. 1. С. 37–45.

167

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Я. 171–190.

168

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1. Л. 84.

169

Там же. Д. 436. Я. 42 об. – 43.

170

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Л. 54 об.

171

Там же. Л. 37–54 об.

172

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 39. Л. 159–159 об.

173

Там же. Л. 128 об.

Там же. Л. 135 об.

175

Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

176

РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 44. Л. 14.

177

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20. Я. 5 об. – 6.

178

Там же.

McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L, 1974. P. 50–52.

Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

181

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20. Я. 5 об. – 6.

182

РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 106. Л. 4 об. – 6 об.

183

РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 16. Л. 52.

184

РГВИА. Ф. 431. Оп. 1.Д. 16. Я. 53 об.

185

Там же. Л. 10 об. – 11.

Там же. Л. 88.

Strachan H. Wellington's legacy. The reform of the British army 1830–1854. Manchester, 1984. P. 182.

188

РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 112. Я. 1 об. – 3 об.

189

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 39. Я. 156 об. – 158 об.

190

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 534. Я. 25–34.

McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L, 1974. P. 69.

192

РГВИА. Ф. 437. Оп. 1. Д. 28. Я. 6.

193

От швед, indelningsverket.

194

РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 44. Я. 4.

195

Там же. Д. 61. Я. 1–2 об.

196

Там же. Д. 66. Я. 1–2.

197

McElwee 1/1/. The art of war Waterloo to Mons. L, 1974. P. 35. См. также: *В.Я.* Французская конскрипция // Военный Сборник. 1858. № 3. С. 63.

198

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Я. 44–45.

McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L, 1974. P. 47–48, 50.

Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 15.

Ibid. P.15.

Ibid. P.17.

Rothenberg G. *E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 34.

204

РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 106. Л. 4 об. – 6 об.

205

Haxthausen A. von Die Kriegsmacht Rußlands in ihrer historischen, statistischen, ethnographischen und politischen Beziehung. Berlin, 1852. S. 9-10, 24, 36–41.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис… канд. ист. наук. М., 1999. С. 132; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16.Д. 1107.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 231.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М„2004. С 225–226.

209

Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945. М., 2005. С. 57.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 298.

211

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 360. Я. 1,3.

Там же. Д. 359. Я. 22 об., 28–28 об.

213

Там же. Ф. 38. Оп. 4. Д. 360. Я. 3–4.

214

См., например: Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1855. Т. 8. С. 532.

Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000. С. 145–146.

Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. СПб., 1890. Т. 1. С. 50.

Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000. С. 147.

ПузыревскийА.К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. СПб., 1890.Т. 1.С. 46. См. также: *Политковский В. Г.* Походные и путевые записки, веденные во время польской кампании в 1831 г. СПб., 1832. С. 17–18.

219

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1896. Т. 5. С. 203–208, 301. См. также: *Кухарук А. В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис… канд. ист. наук. М., 1999. С. 136–137.

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX в. М., 2016. С. 227.

221

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX в. М., 2016. С 228–229.

222

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897; *Лебедев В.А.* Граф Егор Францевич Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; *Сементковский Р.И.* Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893; *Шипов А.П.* Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрина. СПб., 1864.

Цит. по: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М„1952. С 61.

225

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 26.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1896. Т. 5. С. 130–131.

227

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1896. Т. 5. Приложения. С. 277–283.

Там же. С. 132–133. (См. также: *Божерянов И.Н.* Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897. С. 170–171.)

229

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1896. Т. 5. С. 222, 238.

230

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 7. Ч. 1. *Фабрициус И. Г.* Главное инженерное управление. Исторический очерк. С. 355.

231

Там же. С. 369.

232

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 7. Ч. 1. *Фабрициус И. Г.* Главное инженерное управление. Исторический очерк. С. 399.

233

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 39 об.

Там же. Л. 40.

235

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 40 об.

Там же. Л. 57а об.

237

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 42.

238

Там же. Л. 42 об.

239

Там же. Л. 43.

Там же. Л. 43 об.-44.

241

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 44 об. – 45.

Там же. Л. 45 об.-46.

243

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 45 об. – 47

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 45 об. – 47 об.

245

Там же. Л. 48.

Там же. Л. 49 об.

247

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 50 об.

Там же. Л. 54.

249

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 55 об.

250

Там же. Л. 56–56 об.

251

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 56-57а.

252

Там же. Л. 58–58 об.

253

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 90–91 об.

Там же. Л. 92–92 об.

255

Там же. Л. 90 об. – 91.

256

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 91 об.

257

Там же. Л. 59–64 об.

258

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 63–64 об.

259

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 1. Приложение. С. 561–564.

260

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 304. Л. 2 об.

261

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 304. Л. 17–21.

Кухорук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис…. канд. ист. наук. М., 1999. С. 150–151.

263

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 304. Л. 25.

Там же. Л. 27.

Кухорук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис…. канд. ист. наук. М., 1999. С. 151–153.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1896. Т. 5. С. 231–232.

267

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Я. 1–2 об.

Там же. Л. 4–5.

269

Там же. Л. 11,21–21 об.

Там же. Л. 12–13 об.

271

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Я. 11 об. – 12,14.

Там же. Л. 17.

РГВИА. Ф. 440. Оп. 1. Д. 98. Я. 9-27.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Я. 18–18 об.

275

РГВИА. Ф. 38. Оп.4. Д. 359.Я. 21,122 об, – 123.

Там же. Л. 24 об.

277

Там же. Л. 140 об. – 141.

Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 150–153; *Дегоев В. В.* Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 69–102.

Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 545–552; *Горяйнов* С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907; *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. М., 1975.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 163–164.

Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 131–133,156.

Daly J. C. *K.* Russian seapower and «The Eastern question» (1827–1841). Annapolis, 1991. P. 187.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 220.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 327–340.

285

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1896. Т. 5. Приложения. С. 229.

Огородников С Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования: 1802–1902. СПб., 1902. С. 130.

Mitchell D. *W.* A history of Russian and Soviet sea power. L, 1974. P. 137.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 305–306.

Там же. С. 343–345,351.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1896. Т. 5. Приложения. С. 477–478, 495, 497–498, 501, 504,509,516,522,529.

291

Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военнополитическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 8.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1843. Ч. 1. С. 69, 79.

Kagan F. 1/1/. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 90.

Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 г. в европейской Турции: в 3 ч. Ч. 1. Подготовка к походу. СПб., 1905. С. 62.

Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 94.

Ibid. P. 90–92.

297

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. СПб., 1874–1909. Т. 8: Трактаты с Германиею. С. 118.

Татищев С С. Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 135.

299

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Л. 1-17. Анализ этой записки и комментарии к ней см.: *Кривополов А. А.* Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в середине 1840-х годов // Российская история. 2012. № 4. С. 88–100.

300

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Л. 1.

301

Там же. Л. 1 об. – 2.

302

РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 91. Я. 10 об. – 12, 29.

303

СвечинА.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.; Я., 1928. С. 185; *McElwee W.* The art of war Waterloo to Mons. L, 1974. P.30.

304

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Я. 1 об. – 2.

Там же. Л. 4.

Там же. Л. 3–3 об.

307

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Л. 2 об. – 3.

Там же. Л. 4.

309

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Я. 4–4 об.

Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. СПб., 1890. Т. 1.С. 73.

311

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Я. 5 об. – 6.

Там же. Л. 5 об.

313

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Л. 6.

Там же. Л. 6 об. – 7.

Там же. Л. 7.

Там же. Л. 7 об.

317

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Л. 7 об. – 8.

318

Там же. Л. 8–8 об.

319

Там же. Л. 8 об.

См.: *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

321

См.: *Алексеев М. Н.* Военная разведка России: от Рюрика до Николая II: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 39–44; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М., 2006. С. 146–153; *Алексеев М.Н.* Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 108–180.

322

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1. Л. 1 а – 30 об.

323

Там же. Л. 34–38 об.

Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 120.

325

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 222. Л. 25–25 об.

Там же. Д. 594. Л. 250–257 об.

327

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 202. Я. 11–11 об.

Там же. Д. 273. Я. 5–6.

329

Там же. Д. 202. Я. 10 об.

Там же. Д. 222. Я. 26–30 об.

331

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Л. 1–1 об.

Медем Н. В. Тактика: в 2 ч. СПб., 1837.

333

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Л. 112–114 об.

334

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 273. Л. 4–4 об.

335

См.: *Языков П.А.* Опыт теории военной географии: в 2 ч. СПб., 1838.

336

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 222. Л. 46.

337

ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г. § 168–169, 274–276.

338

РГВИА.Ф. 14014. Оп. 2. Д. 112.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис.… канд. ист. наук. М., 1999. С. 157.

Там же. С. 158.

341

КухарукА.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис…. канд. ист. наук. М., 1999. С. 161.

Там же. С. 161–162.

343

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 343–345,351.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 235.

Там же. С. 270–271.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 267–268.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 173; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 358.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 357.

Меньков П.К. Материалы для истории Венгерской войны // Военный Сборник. 1875. № 6. С. 205.

350

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 64. Я. 1 об.

351

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 277.

352

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 64. Я. 6-16.

353

Поливанов А. А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894. С. 51–52,124.

354

Зайончковский А. М. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче-Эриванском (отрывок из дневника П.К. Менькова) // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 252.

Д. У. Поход в Венгрию в 1849 г. Три главы из записок офицера Генерального штаба // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 7. С. 23.

Очерк Венгерской войны 1848–1849 годов. СПб., 1850. С. 163.

357

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 81. (См. также: *Николаи Л. П.* Дневник, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 9. С. 120; № 10. С. 236–237.)

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 156.

359

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 150–151.

ОреусИ.И. Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880. С. 325–326, 452–453.

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 221–230.

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 176.

Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 84.

Несколько слов о влиянии нового ручного огнестрельного оружия на артиллерию // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 3. С. 239–241.

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 69.

Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 88.

367

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 336–337.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 323–324.

369

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 192.

Там же. С. 350–351.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 120, 123.

Там же. С. 130.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 77–82.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 142.

Там же. С. 351.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 353.

Там же. С. 352–353.

Там же. С. 358.

BucholzA. Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 36.

381

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 728. Я. 4 об.

382

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 39. Я. 1–5.

Там же. Л. 149–150.

384

Пограничная область на юге Австрийской империи, населенная особым военно-земледельческим сословием – граничарами.

Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 48.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 360.

Rothenberg G. *E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 49.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный союз. От Венского до Берлинского конгресса. 1814–1878. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1995. С. 267–268, 275–277, 285–289, 335–337, 346–366.

389

Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1993.Т. 2. С. 91.

Николаи Л.П. Дневник, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 11. С. 397.

391

Фукс Е.Б. Похвальное слово графу Паскевичу-Эриванскому, читаемое в беседе его друзей. М., 1830.

392

Паскевич И. Ф. О пользе изучения деяний великих полководцев и о своих действиях. Письмо И. Паскевича – Егору Борисовичу Фуксу // Русская Старина. 1902. Т.111.№ 7.С. 44.

393

Давыдов Д.В. Записки Дениса Васильевича Давыдова в России цензурой не пропущенные. Лондон; Брюссель, 1863. С. 46.

Там же. С. 50.

Там же. С. 62.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 364.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 424.

Там же. С. 417.

Сушков Н. В. Воспоминания о графе К.Ф. Толе // ЧОИДР. 1865. № 4. С. 213–214.

400

Толь К.Ф. Краткий дневник пребывания моего в Действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в Санкт-Петербург. М., 1867. С. 4.

401

Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878. С. 210.

Лебедев К. Н. Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский Архив. 1888. Т. 4. С. 627.

403

Там же. С. 418.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1891. Т. 3. С. 96.

Там же. С. 96.

Андреев В. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. № 8. С. 1571, 1583.

Муравьёв Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьёва-Карского // Русский Архив. 1889. № 11. С. 276.

Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 3. С. 145.

Там же. С. 361.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 383.

Там же. С. 418.

412

Алавердянц М.Я. Граф Иван Фёдорович Паскевич и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка. 1782–1912. СПб, 1912. С. 6–7.

413

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 418.

Там же. С. 429.

Гангеблов А. С. Воспоминания // Русский Архив. 1886. Кн. 2. № 6. С. 263.

416

Женерозность (от фр. «generosite») – здесь: великодушие, благородство, щедрость.

417

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 429.

Там же. С. 429.

419

Остен-Сокен Д. Е. Николай Николаевич Муравьёв в 1828–1856 гг.// Русская старина. 1874. Т. 11. № 11. С. 536. См. также: *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 3. С. 148.

Докудовский В. А. Воспоминания. Рязань, 1898. С. 113–114.

421

Там же.

422

Меньков П.К. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче-Эриванском // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 249.

Там же. С. 249–250.

Там же. С. 234, 250.

Докудовский В. А. Воспоминания. Рязань, 1898. С. 26, 59.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 418.

Там же. С. 419.

Гангеблов А. С. Воспоминания // Русский Архив. 1886. Кн. 2. № 6. С. 258–259.

429

Филиппов А.Ф. Воспоминания о князе И.Ф. Паскевиче-Эриванском // Древняя и Новая Россия, 1878. Т. 1. С. 84.

Докудовский В. А. Воспоминания. Рязань, 1898. С. 139.

Там же. С. 152.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 424, 428.

Гангеблов А. С. Воспоминания // Русский Архив. 1886. Кн. 2. № 6. С. 249–250.

Monteith W. Kars and Erzeroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L, 1856. P.166.

Monteith W. Kars and Erzeroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L, 1856. P. 302–303.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 381–382.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 397.

Докудовский В. А. Воспоминания. Рязань, 1898. С. 147.

439

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 409–410.

440

За много лет. Записки неизвестного 1844–1874 годов. СПб., 1897. С. 53–56.

441

Докудовский В. А. Воспоминания. Рязань, 1898. С. 113–114.

442

Столетие военного министерства 1802–1902: в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. 1. *Данилов Н.А.* Исторический очерк развития военного управления в России. С. 388.

443

Письма кн. Горчакова к кн. Паскевичу за 1853–1855 гг. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 4. С. 7, 11.

Там же. С. 32.

445

Ботьянов М.И. Воспоминания севастопольца и кавказца 45 лет спустя. Витебск, 1899. С. 4.

Давыдов Д. В. Записки Дениса Васильевича Давыдова в России цензурой не пропущенные. Лондон; Брюссель, 1863. С. 61.

Докудовский В. А. Воспоминания. Рязань, 1898. С. 107.

Выскочка (фр.).

449

РГВИА. Ф. 207. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–4.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1899. Т. 6. С. 379–379.

451

Дюгамель А. О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 1. № 4. С. 494-

452

Алавердянц М.Я. Граф Иван Фёдорович Паскевич и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка. 1782–1912. СПб, 1912. С. 17.

453

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1891. Т. 3. С. 103, 229.

Докудовский В. А. Воспоминания. Рязань, 1898. С. 145.

Там же. С. 148.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки: фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 429.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. СПб., 1888. С. 707.

Фон дер Лоуниц В.Ф. Штурм Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1873. Т. 93. №.9. С. 5–24.

459

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1890. Т. 2. С. 236.

Блудова А.Д. Император Николай Павлович. 1850 // Русский Архив. 1893. Кн. 1. № 1. С. 90.

461

Нет героя для его камердинера (фр.).

Все современники – камердинеры (фр.).

463

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л. 250–257 об.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л. 10–11 об.

465

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л. 12–13.

466

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20. Л. 2–6.

467

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л. 85–86.

Там же. Л. 83–84 об.

469

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л. 83–84 об.

Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 160–161.

Rothenberg G. *E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 49.

Афанасьев Г. Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885. С. 12.

Фитцум фон Экштедт К. Ф. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах, 1852–1855 гг. // Русская Старина. 1887. № 5. С. 374.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 361.

А. Ч. Маркиз Кастеяьбажак об императоре Николае Павловиче // Русский Архив. 1893. №. 7. С. 423–424.

Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 160–161.

477

Делор Т История Второй империи во Франции. СПб., 1870. Т. 1. С. 34.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 73. См. также: *Давыдов В.Д.* Из памятных заметок В. Д. Давыдова // Русский Архив. 1871. № 4–5. С. 0959–0962.

Делор Т. История Второй империи во Франции. СПб., 1870. Т. 1. С. 99.

Феоктистов Е.М. Русская политика на Востоке перед Крымской войной // Русский Вестник. 1868. Т. 73. № 1. С. 24.

Афанасьев Г. Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885. С. 13.

История дипломатии. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 436.

DalyJ. C. K. Russian seapower and «The Eastern question» (1827–1841). Annapolis, 1991. P. 180.

Тэйлор А.Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 91–92.

485

Делор Т История Второй империи во Франции. СПб., 1870. Т. 1. С. 119.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 272.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 366–367.

Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888. Т. 2. С. 25–28.

Greenhill B., Gifford A. The British assault on Finland 1854–1855. L, 1988. P.109; *Lambert A. D.* The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853–1856. Manchester, N.Y., 1990. P. 25, 32–33, 35–36.

Curtiss J.S. Russia's Crimean War. Durham, N. C, 1979. P. 110.

Bodem C The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden; Boston, 2010. P. 72, 75.

Татищев С. С. Дипломатический разрыв России с Турцией в 1853 г. // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 167.

493

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 59–61.

Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888. Т. 2. С. 22.

495

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 111. (См. также: *Афанасьев Г. Е.* Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885. С. 14.)

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 111.

Lambert A. D. The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853–1856. Manchester; N.Y., 1990. P. 41.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис.… канд. ист. наук. М., 1999. С. 169.

Татищев С. С. Дипломатический разрыв России с Турцией в 1853 г. // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 170.

500

Там же. № 2. С. 470.

501

Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военнополитическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 6–7,11.

502

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

Curtiss J.S. Russia's Crimean War. Durham, N.C., 1979. P. 114.

Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 675.

505

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 44.

Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 гг. // Военный сборник. 1902. № 3. С. 46.

507

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 1. Приложение. С. 585–592. См. также: Вице-адмирал Корнилов. Сборник документов. М., 1947. С. 173.

Curtiss J.S. Russia's Crimean War. Durham, N.C., 1979. P. 146–148.

509

Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 11.

510

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.

511

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 52.

512

Письма кн. Горчакова к кн. Паскевичу за 1853–1855 гг. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 4. С. 10.

513

Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 687.

Там же. С. 701.

515

РГВИА.Ф. 14013. Оп. 1.Д. 1.Я.47.

516

Там же. Л. 55–55 об., 66.

517

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 48. Я. 3 об. – 4.

518

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 146.

519

Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Девятнадцатый Век. Ист. сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 062.

Делор Т. История Второй империи во Франции. СПб., 1870. Т. 1. С. 100.

521

РГВИА.Ф. 14013. Оп. 1.Д. 1.Я.2–3 об.

Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 696.

523

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 1. Л. 69 об. – 70а.

Там же. Л. 127–127 об.

Badem C. The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden; Boston, 2010. P. 96–97.

Кёремезли И. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2009. Т. 7: Военная политика императора Николая I. С. 279, 288.

Там же. С. 289, 293.

Badem C. The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden; Boston, 2010. P. 103–104.

529

Кёремезли И. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854) // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2009. Т. 7: Военная политика императора Николая I. С. 283.

Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 49.

Там же. P. 49–50.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 59–61.

Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 187.

Green hiII B., Gifford A. The British assault on Finland 1854–1855. L, 1988. P. 119, 121.

Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878. С. 9.

536

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–73 об.

537

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–9.

Там же. Л. 10–11.

539

РГВИА.Ф. 14013. Оп. 1.Д.3.Я. 12–14.

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 4. Я. 53–73 об.

541

Там же.

Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 36–37; *Kinglake A. W.* The invasion of the Crimea. V. 2. Edinburgh; London, 1877. P. 255–256.

543

РГВИА.Ф. 14013. Оп. 1.Д.4.Я. 145–146.

Там же. Л. 82.

Там же. Л. 134 об.

546

РГВИА. Ф. 481. Оп. 1. Д. 5. Я. 11 об., 14.

547

РГВИА.Ф.481. Оп. 1.Д.7.Я.4.

Герсевонов Н. Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах. Paris, 1867; С. 13. *Мещеряков Г. П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С. 116. См. также: *Вейморн И. Ф.* Высшая тактика. СПб., 1840. С. 194.

549

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–22. См. также: РГВИА. Ф. 481. Оп. 1. Д. 13. Л. 15–20 об.

550

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–74 об.

Тарле Е. В. Крымская война. М. 2003. Т. 1. С. 57.

Rothenberg G. E The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 50.

553

РГВИА. Ф. 207. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

554

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51. Л. 122.

555

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51. Я. 122–122 об.

Там же. Л. 123.

557

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20. Я. 25 об.

558

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 211–221,226-243; 264.

Rothenberg G. *E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 50–51.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Я. 2–5.

561

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Я. 2–5.

562

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51. Я. 49–49 об.

563

Там же.

Там же. Л. 49 об. – 50.

Там же. Л. 69.

566

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51. Я. 69 об.

567

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 142–143.

Поливанов А.А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894. С. 125–128.

569

Переписка князя Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 235–236.

Война России с Турцией 1854–1855 гг. // Русская Старина. 1877. Т. 19. С. 91–92.

571

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 2. Ч. 2. С. 1022.

Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888. Т. 2. С. 46.

Rothenberg G.E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 50

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 147.

Там же. С. 184.

РГВИА.Ф. 14013. Оп. 1.Д. 14. Я. 120–121 об.

577

РГВИА.Ф. 14014. Оп. 2. Д. 56. Я. 30.

РГВИА.Ф. 14013. Оп. 1.Д. 14.Л. 103.

579

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51. Л. 146–147 об. То же см.: Оп. 7. Д. 31. Л. 46–47 об.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М„2004. С 281.

Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 50.

582

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Я. 176–177.

583

Там же. Л. 109–109 об.

584

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 46–47 об.

585

Пестов Г. Из воспоминаний о войне 1854 г. // Военный Сборник. 1879. Т. 93. № 9. С. 29.

Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. Изд. 2-е. СПб., 1877. Т. 2. С. 107.

587

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Я. 9.

588

РГВИА.Ф. 14014. Оп. 2. Д. 61. Я. 4.

589

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 241–242.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 282–283.

Rothenberg G.E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 51.

Ibid. P. 50–51.

Ibid. P.51.

Делор Т История Второй империи во Франции. СПб., 1870. Т. 1. С. 102–103.

595

Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888. Т. 2. С. 30–31.

Badem C. The Ottoman Crimean war (1853–1856). Leiden; Boston, 2010. P. 66–67.

Ibid. C. 40–43.

Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. СПб., 1890. Т. 2. С. 54.

599

См., например: *Ливен Д.* Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814. М., 2012. С. 393, 579.

Цит. по: *Дегоев В. В.* Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 486.

601

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 192.

602

Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. СПб., 1908–1913. Т. 2. Приложение. С. 408.

603

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1107. Я. 99.

604

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5626. Я. 12.

605

Оборона Севастополя. Письма князя А.С. Меншикова к князю М.Д. Горчакову. 1853–1855 // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 304.

Князь А.С. Меншиков. 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 854. См. также: *Герсевонов Н.Б.* Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах. Paris, 1867. С. 12.

607

Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 38–39.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. СПб., 1900.Т. 1.С. 158.

609

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 48. Я. 8–9.

610

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Я. 73.

611

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 62. Я. 2 об.

Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 41.

Ibid. P. 51.

Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.: в 2 т. СПб., 1890.Т. 2. С. 312.

Rothenberg G.E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 51.

Ibid.

Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888. Т. 2. С. 63.

618

Там же.

619

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 126.

Там же. С. 126–127.

621

Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе: в 2 т. СПб., 1888. Т. 2. С. 63–64.

622

Там же.

623

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Я. 61–62.

624

РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Я. 23.

625

РГВИА. Ф. 481. Оп. 1. Д. 7. Я. 69.

626

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5649. Я. 1 -29.

627

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Я. 130.

628

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 283.

629

РГВИА. Ф. 846 (ВИА). Оп. 16. Д. 5649. Я. 1 -29.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 320.

631

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 68. Я. 44 об. – 45.

632

Там же.

633

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1316. Я. 1–5.

Там же. Л. 5.

Там же. Л. 6 об. – 7.

Там же. Л. 8-10 об.

637

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1316. Л. 10–10 об.

РГВИА. Ф. 481. Оп. 1.Д. 13. Л. 21–40.

639

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 134 об. – 135; Оп. 2. Д. 243. Л. 95–95 об.

Урлонис Б. Ц. Война и народонаселение Европы. М., 1960. С. 99–100, 352.

641

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 105–106.

Там же. Л. 130 об.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 286–287.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 325.

645

РГВИА. Ф. 481. Оп. 1.Д. 13. Я. 21–40.

646

Там же.

647

К. Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский Архив. 1870. Кн. 1. № 11. С. 2048–2050.

Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. СПб., 1904. С. 37.

Обручев Н. Н. Изнанка Крымской войны // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 247, 251.

650

РГВИА. Ф. 481. Оп. 1.Д. 13. Я. 21–40.

651

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 226.

Фёдоров В. Г. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904. С. 144–146. *Его же.* Эволюция стрелкового оружия: в 2 т. М., 1938.Т. 1. С. 55.

653

К.Ш. Критическое обозрение сочинения: «Восточная война. Осада Севастополя. Исторический обзор службы артиллерии». 1854–1856 // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 163; *Фёдоров В. Г.* Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904. С. 1*44;ДельбрюкГ.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 25.

К.Ш. Критическое обозрение сочинения: «Восточная война. Осада Севастополя. Исторический обзор службы артиллерии». 1854–1856 // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 136–137,155,163.

GloverM. Warfare from Waterloo to Mons. Ц 1980. P. 46.

Strochon H. From Waterloo to Balaclava. Tactics, technology and the British army, 1815–1854. Cambridge, 1985. P. 14.

Adkin M. The charge. The real reason, why the Light brigade was lost. L., 1996.

Суитман Д., Мерсер П. Крымская война. Британский лев против русского медведя. М., 2011. С. 136–138.

Strochan H. Wellington's legacy. The reform of the British army 1830–1854. Manchester, 1984. P. 220–221.

McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L, 1974. P. 24.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 26.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 52.

GloverM. Warfare from Waterloo to Mons. L, 1980. P. 73–74.

Strochon H. From Waterloo to Balaclava. Tactics, technology and the British army, 1815–1854. Cambridge, 1985. P. 46.

Керсновский А. А. Философия войны. М., 2016. С. 43.

Там же. С. 77.

Strochon H. From Waterloo to Balaclava. Tactics, technology and the British army, 1815–1854. Cambridge, 1985. P. 54.

Ibid. P. 31, 41. См. также: *СуиттонД., Мерсер П.* Крымская война. Британский лев против русского медведя. М., 2011. С. 136.

War in the age of technology: Myriad faces of modern armed conflict. N.Y.; L, 2001. P.27.

Фёдоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 61–63.

Там же. С. 79, 85.

ШевченкоМ. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // XIX век в истории России. М., 2007. С. 293.

673

Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну// Военный Сборник. 1858.Т.1. № 1.С.7.

Енишерлов М. Сражение при Альме (с планом сражения) 8 сентября 1854 г. // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 9, 28; *Ляшук П.М., Сундуков* С. Ф. Сражение на берегах Альмы. Сборник документов и материалов. Симферополь, 2007. С. 49–51.

675

Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 36; *Обручев Н.Н.* Изнанка Крымской войны // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 2. С. 585–586.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1042. Л. 2–5.

677

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1042. Я. 4–4 об., 5.

Там же. Л. 5.

Там же. Л. 6–7.

680

Г-ъ А. А. Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853 1856 гг. // Русская Старина. 1898. Т. 95. № 8. С. 374.

681

Там же. С. 375.

682

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1187. Я. 28–37.

683

Там же. Д. 1419. Я. 38–41.

Наумово Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010. С. 177.

Константинов О. И. Штурм Малахова Кургана 27 и 28 августа 1855 г. // Русская Старина. 1875. Т. 14. № 11. С. 568–586.

Ботьянов М.И. Воспоминания севастопольца и кавказца 45 лет спустя. Витебск, 1899. С. 14.

687

Баумгартен А. К. Дневники 1849,1853.1854 и 1855 гг. СПб., 1911. С. 10.

688

Баумгартен А. К. Дневники 1849,1853.1854 и 1855 гг. СПб., 1911. С. 10–11.

689

Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя: в 2 ч. СПб., 1872. Ч. 2. Отд. 2. С. 314–315.

690

Столыпин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной) // Русский Архив. 1874. Кн. 1. № 5. С. 1360.

691

Алабин П. В. Иван Петрович Голев // Русская Старина. 1881. № 4. С. 886–887.

Константинов О. И. Штурм Малахова Кургана 27 и 28 августа 1855 г. // Русская Старина. 1875. Т. 14. № 11. С. 573.

693

Там же.

СвечинА.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 57.

695

Гейсман П.А. Оборона Севастополя. По поводу сочинения Алабина Четыре войны. Походные записки в 1849,1853,1854–1856 и 1877–1878 годах. СПб., 1893. Ч. 3: Защита Севастополя (1854–1856).С. 14–15.

Герсевонов Н. Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах. Paris, 1867. С. 64–65.

697

Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя: в 2 ч. СПб., 1868. Ч. 2. Отд. 1.С.308.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. СПб., 1900. Т.3. С. 270.

699

Герсевонов Н. Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах. Paris, 1867. С. 64–65*; Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. СПб., 1900. Т. 3. С. 427; *Тотлебен Э.И.* Описание обороны г. Севастополя: в 2 ч. СПб., 1872. Ч. 2. Отд. 2. С. 229–230.

Ильинский Д. В. Из воспоминаний и заметок севастопольца // Русский Архив. 1893. Кн. 1. № 4. С. 325.

701

Милошевич Н. С. Из записок севастопольца. СПб., 1904. С. 53, 55.

Меньков П. К. Записки Петра Кононовича Менькова. СПб., 1898.Т. 1: Дунай и немцы. (Восточный вопрос 1853–1855). С. 391; *Хрущов А.П.* История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888. С. 119–123; *Ш-ов Е.Р.* Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858. С. 235–236.

703

О мнения участников военного совета см.: *Тотлебен Э.И.* Описание обороны г. Севастополя: в 2 ч. СПб., 1872. Ч. 2. Приложение. С. 203–247.

Остен-Сакен Д.Е. Военный совет при обороне Севастополя. 29 июля 1855 г. // Русская Старина. 1874. Т. 11. № 10. С. 336.

Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. Изд. 2-е. СПб., 1877. Т. 4. С. 13–14.

Хрущов А. П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888. С. 122, 132.

Столыпин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне и о земледельческих порядках. М., 1874. С. 10.

Столыпин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной) // Русский Архив. 1874. Кн. 1. № 5. С. 1362.

709

Красовский И. И. Из воспоминаний о войне 1853–1856 гг. Дело на Черной речке. М., 1874. С. 12; *Его же.* По поводу статьи «Военного Сборника»: «Шесть месяцев в Севастополе» // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 2. С. 461–462.

Эрбе Ж. Французы и русские в Крыму. Минск, 1894. С. 241.

711

Столыпин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне и о земледельческих порядках. М., 1874. С. 16–17; *Его же.* Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной) // Русский Архив. 1874. Кн. 1. № 5. С. 1365. *СвятополкМирскийД. И.* Воспоминания о сражении при Черной речке 4 августа 1855 г. Пенза, 1897. С. 10.

712

Егерь. Несколько частностей во время Инкерманского дела на нашем левом фланге. (Из записок унтер-офицера). // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 9. С. 210, 214.

713

Святополк-Мирский Д.И. Воспоминания о сражении при Черной речке 4 августа 1855 г. Пенза, 1897. С. 9.

Столыпин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной) // Русский Архив. 1874. Кн. 1. № 5. С. 1359.

Хрущов А. П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888. С. 132.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 330–331.

717

Степанов Н.П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г.// Русская Старина. 1883. Т. 40. №.11. С. 372.

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д.68.Л. 105–112.

719

РГВИА. Ф.38.0П.4.Д. 1419. Л. 9, 149–152 об.

720

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Л. 189–224 об.

721

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь
и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 341–342.

722

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Л. 24–31 об.

723

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб., 1904. Т. 7. С. 346–347.

724

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419.Л. 118–120.

725

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Я. 135–136.

Там же. Л. 60-116 об.

Там же. Л. 70.

728

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Д. 1309. Я. 5–7 об.

Бородкин М.М. Война 1854–1855 гг. на финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904. С. 191.

Там же. С. 195, 206,390.

Бородкин М. М. Война 1854–1855 гг. на финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904. С. 196–198.

Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис… канд. ист. наук. М., 1999. С. 181–182; *Kagan F.W.* The military reforms of Nicholas I.The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 243.

733

Г-ъА.А. Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853–1856 гг. // Русская Старина. 1898. Т. 95. № 8. С. 380.

734

РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Л. 133 об. – 134.

735

РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 72. Я. 2-19.

Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-70-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 6.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 150–153; *Дегоев В. В.* Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 219.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 199.

Маринин О. В. Русско-английские отношения в первой половине 1855 г. // История СССР. 1986. № 5. С. 150; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 400.

Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 510.

Pointing C The Crimean war. The truth behind the myth. L, 2004. P. 315–316.

Lambert A. D. The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853–1856. Manchester, N.Y., 1990. P. 299.

743

РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Л. 200–202 об.

744

РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 686. Л. 23 об. – 26.

745

РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 77. Я. 2-19.

Маринин О. В. Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 г.: дис… канд. ист. наук. М., 1987. С. 185.

747

К истории Парижского мира 1856 г.// Красный Архив. 1936. № 2 (75). С. 13–14.

Муханов В. А. Из дневника В. А. Муханова // Русский Архив. 1896. № 10. С. 164.

Бородкин М. М. Война 1854–1855 гг. на финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904. С. 203–204.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 5: Новое время. С. 128.

Петров А.Н. Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г. // Исторический вестник. 1891. Т. 43. № 3. С. 672–674.

Степанов Н.П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. №.11. С. 369–380. *Его же.* Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г.// Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 427–435.

753

Степанов Н.П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г.// Русская Старина. 1883. Т. 40. №.11. С. 371.

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 1.С.201.

Бестужев И. В. Из истории Крымской войны 1853–1856 гг. // Исторический Архив. 1959. № 1. С. 204–208. *Его же.* Крымская война и революционная ситуация // Революционная ситуация в России. 1859–1861. М., 1963. Т. 3. С. 189–213.

Pointing C. The Crimean war. The truth behind the myth. Ц 2004. P. 319.

Rath A. C. The Crimean war in imperial context, 1854–1856. N.Y., 2015. P. 215.

Дюгамель А. О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 2. № 7. С. 404.

LeDonne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire. Oxford, 2004. P.231.

Герсеванов Н. Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах. Paris, 1867. С. 59–60.

761

Степанов Н.П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г.// Русская Старина. 1883. Т. 40. №.11. С. 373.

762

Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военно-политическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 16–17.

Daly J. C. *K.* Russian seapower and «The Eastern question» (1827–1841). Anna polis, 1991. P. 183.